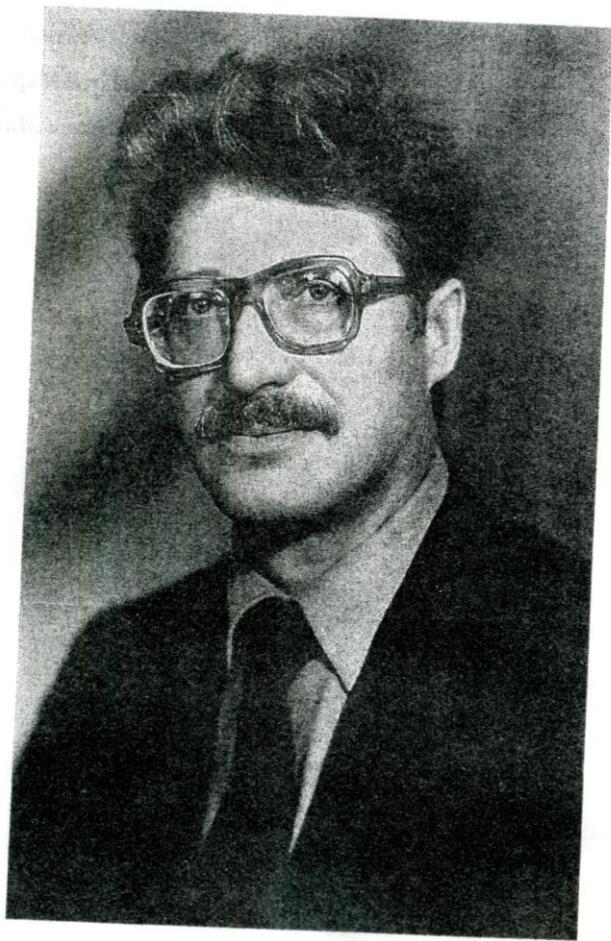

ПОВОЛЖСКИЙ
КРАЙ

Посвящается светлой памяти
саратовского краеведа и археолога
Валерия Григорьевича Миронова

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Исторический факультет

ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 г.

Выпуск 11

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2000

УДК [9+930.26](470.44)(082)
ББК 63.3(235.54)я43+63.4(235.54)я43
П42

Поволжский край: Межвуз. сб. науч. тр.— Саратов: Изд-во Саратов.
П42 ун-та, 2000. — Вып. 11: Проблемы истории и археологии Саратовского
Поволжья: — 232 с.: ил.
ISBN 5-292-02516-X

Сборник, посвященный памяти известного саратовского краеведа В. Г. Миронова, содержит статьи и сообщения по широкому кругу вопросов археологии и истории Саратовского Поволжья. В нем публикуются также страницы биографий видных деятелей края и документальные находки.

Для научных работников, аспирантов, учителей школ, гимназий и лицеев, студентов гуманитарных факультетов, всех интересующихся историей края.

Редакционная коллегия:

*М. В. Булычев (отв. секретарь), А. А. Герман,
В. Н. Данилов (отв. редактор), П. С. Кабытов, Н. М. Малов,
И. Р. Плева, А. С. Скрипкин*

УДК [9+930.26](470.44)(082)
ББК 63.3(235.54)я43+63.4(235.54)я43

Работа издана в авторской редакции

ISBN 5-292-02516-X

© Саратовский государственный
университет, 2000

СЛОВО О ВАЛЕРИИ ГРИГОРЬЕВИЧЕ МИРОНОВЕ

Деятельность кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России Саратовского государственного университета В. Г. Миронова во многом определяла развитие регионального краеведения и археологии на протяжении 1980-х и первой половины 1990-х годов. Ученый-энтузиаст и педагог он внес весомый вклад в изучение прошлого Поволжья, распространение исторических знаний, подготовку специалистов, сохранение местных памятников истории и культуры.

Валерий Григорьевич Миронов родился 26 октября 1938 года в г. Злынка Брянской области в семье служащих. Отец В. Г. Миронова участвовал в Великой Отечественной войне, получил несколько тяжелых ранений, стал инвалидом, работал агрономом вплоть до выхода на пенсию, мать была акушеркой. Детство Валерия пришлось на трудные военные и первые послевоенные годы. Со школьных лет он мечтал стать геологом и археологом, поэтому поступил в Киевский геологоразведочный техникум, но по ряду причин учиться не смог.

В 1957–1959 гг. В. Г. Миронов – электромонтер на строительстве плотины Сталинградской ГЭС. Затем он поступает на исторический факультет Саратовского университета. На первой же полевой практике, проходившей на Танавском городище (район с. Пристанное) в 1960 году, руководитель раскопок И. В. Синицын предложил студенту-первокурснику В. Г. Мионову выполнить дипломную работу по классификации керамики этого памятника. Работая над этой темой, Валерий Григорьевич провел статистическое сопоставление керамических комплексов эпохи бронзы и раннего железного века Танавского городища и обнаружил их принципиальное различие. Наряду с этим В. Г. Миронов самостоятельно начинает заниматься финно-угорской археологией и еще студентом проводит свои первые полевые исследования. После успешной защиты дипломной работы в 1964 году выпускник В. Г. Миронов снова спешит на малообследованные еще в полевых условиях хвалынские городища.

После окончания СГУ Валерий Григорьевич был направлен по распределению в Пермскую область. Здесь он с 1964 по 1968 гг. работал учителем истории, обществоведения и иностранного языка в Всесвятской и Пашнейской средних школах, а также в спецшколе при исправительно-трудовой колонии строго режима Чусовского (Горнозаводского) района. В Пашнейской средней школе В. Г. Миронов создал народный краеведческий музей из 11 отделов. Но желание заниматься археологией не покида-

ло молодого учителя, поэтому во время школьных каникул Валерий Григорьевич ежегодно приезжал на раскопки в поволжские экспедиции И. В. Сеницына и В. А. Фисенко. С последним он, в частности, доследовал Танаевское городище и приступил к изучению Усть-Курдюмского городища.

Постепенно начинающим исследователем был накоплен собственный полевой материал, что позволило В. Г. Миронову в 1969 году поступить в аспирантуру СГУ по специальности археология и под руководством профессора И. В. Сеницына заняться темой «Памятники городищ Поволжья и проблема ее локальных вариантов». Выполнить трудоемкую работу в течение трех аспирантских лет Валерию Григорьевичу не удалось, однако она оставалась основным исследовательским направлением в его научной деятельности и после завершения аспирантуры, в годы работы старшим преподавателем Петрозаводского государственного университета.

С работой над диссертационной темой связано появление серии статей В. Г. Миронова по городищной проблематике, в которых в традициях саратовской археологической школы раскрывается историческое содержание данной культуры, но используется формализованная подача материала. Так, уже в первой крупной научной статье аспиранта В. Г. Миронова «Хвалыинские городища и их роль в истории городищ Поволжья» обобщение результатов полевых исследований этой группы памятников в таблице приводит Валерия Григорьевича к поддержке теории появления городищ Поволжья в Саратовском Поволжье в результате расселения их с лесных территорий, лежащих к северо-западу от Волги. При введении в научный оборот музейной коллекции находок с Березниковского городища статистические данные позволили В. Г. Миронову синхронизировать Березники с городищами скифоидных племен среднедонской культуры раннего железного века и сделать вывод, что эти племена – а в них автор вслед за П. Д. Либеровым и Б. Н. Граковым видит будинов Геродота – на территории Саратовского Поволжья взаимодействовали с городищным населением.

Наложение геохимической карты выходов на поверхность месторождений железных руд на карту распространения «гнезд» городищ Поволжья привело Валерию Григорьевича к гипотезе о закономерности пространственного распределения городищ и селищ городищной культуры, приуроченных к железорудным районам. Прекрасный результат принесло применение в совместной статье В. Г. Миронова и В. П. Левенка картографического метода для пересмотра западной границы ареала городищной культуры и выделения нового локального варианта, верхнедонского. Позднее Валерий Григорьевич изыскал возможность опубликовать также результаты своего картографирования городищных памятников на Саратовской земле.

В 1977 году кандидатская диссертация В. Г. Миронова была завершена, и на кафедре археологии Московского университета состоялась ее успешная защита. Основой исследования стал метод относительной датировки памятников по данным статистической обработки керамики, впервые использованный применительно к городецкой культуре. Это позволило диссертанту наметить периодизацию городецкой культуры по ее локальным вариантам.

В Петрозаводском университете В. Г. Миронов проработал семь лет, с 1971 по 1979 гг., старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории: читал лекции по археологии, истории первобытного общества и этнографии, руководил археологической практикой, стажировался на кафедре археологии Ленинградского университета. Именно в ПГУ он сформировался как вузовский педагог. Здесь Валерий Григорьевич принимал участие в исследованиях энеолитических стоянок древних саамов (лопарей), проводимых экспедицией Карельского филиала АН СССР и Петрозаводского университета на побережье Уницкой губы Онежского озера в Южной Карелии. Тем не менее, основное внимание он уделял городецким древностям. С этой целью В. Г. Миронов выезжал летом из Карелии для проведения полевых изысканий в северные районы Саратовской области.

Поскольку постоянные научные интересы были связаны с Нижним Поволжьем, осенью 1979 г. Валерий Григорьевич переезжает жить в г. Энгельс и переходит работать доцентом на кафедру истории СССР досоветского периода (с 1991 г. кафедра истории России) исторического факультета СГУ. В Саратовском университете В. Г. Миронов выбрал тему докторской диссертации, связанную с изучением Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК, 1886–1920 гг.), действовавшей, по его мнению, главным образом в области археологии и сыгравшей колоссальную роль в становлении музейного, архивного и библиотечного дела в Саратовском Поволжье.

С 1979 года вплоть до внезапной смерти ученого 17 января 1996 года в научной деятельности В. Г. Миронова изучение тем, связанных с региональным историческим краеведением и историографией, выходит на первый план. Ввиду актуализации создания хроники археологических исследований в разных районах России, он в ряде своих работ воссоздал хронологию археологических открытий и публикаций городецких материалов. Кроме того, до его статей и методического пособия «У истоков саратовского исторического краеведения» (в соавторстве с В. М. Захаровым) никто из местных археологов не пытался проследить за тем, как происходило становление археологических исследований в Саратовском крае, как постепенно археология стала занимать важное место в культуре. Валерий Григорьевич – пионер в изучении первых в Саратове краеведческих структур: губернского статкомитета и СУАК. При этом, в очерках об основате-

лях, первых председателях и наиболее видных активистах СУАК В. Г. Миронов обозначил основные направления деятельности комиссии, являвшейся одной из лучших в России. Он показал, что благодаря СУАК накануне 1914 года Саратов стал одним из видных центров отечественной археологии, где планировалось проведение Всероссийского археологического съезда. Исследователь выделил, обосновал и кратко охарактеризовал основные этапы истории саратовского краеведения. Ему удалось продемонстрировать, что в Саратове, как и во всей России, «золотое десятилетие» краеведения приходится на 1920–1930 гг., когда оно было комплексным (общественное краеведение сочеталось с государственным).

Свои профессиональные знания Валерий Григорьевич успешно применял в общественной работе, а вел он ее всегда чрезвычайно энергично. Не ограничиваясь партийными поручениями, он находил время вести в качестве председателя ученые советы Саратовского областного музея краеведения (СОМК), исполнять обязанности заместителя председателя попечительского совета Саратовского отделения Фонда культуры. Особенно велик вклад В. Г. Миронова в возрождение общественного краеведения на Саратовской земле. Он был одним из организаторов Саратовского научного общества краеведения (1987–1989 гг.) и возглавлял сменившее последнее Саратовское историко-краеведческое общество. В течение многих лет Валерий Григорьевич был надежной опорой местных подразделений Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. В последние годы он являлся заместителем председателя Саратовского областного отделения ВООПИиК. Здесь уместно вспомнить выполненную при участии ученого работу Нижневолжской студии документальных фильмов, посвященную золотоордынскому городу Увеку, остатки культурного слоя которого безжалостно разрушаются при расширении городского строительства в Саратове. В этом фильме Валерий Григорьевич предстал и как профессиональный археолог, и как саратовец, искренне болеющий за наше историческое прошлое, одним из выдающихся памятников которого является Увецкое городище. Следует отметить, что саратовская организация ВООПИиК всегда стремилась поддержать полевые исследования В. Г. Миронова, выделяя по мере возможности средства для их проведения.

Так, по поручению ВООПИиК еще в 1969 году археолог провел разведку в бассейне р. Терешки на всем ее протяжении от истоков в Ульяновской области до устья и в ходе составления карты памятников этого района выявил курганное поле эпохи Золотой Орды близ с. Букатовка, укрепленное многослойное поселение Хмельное IV близ с. Горюши, шурфовал городище у с. Усовка и другие интересные объекты. Работа в экспедициях Петрозаводского университета и Куйбышевского пединститута обогатила представления В. Г. Миронова о методике раскопок разновременных поселенческих памятников, и в 1977 году при поддержке ВООПИиК ученый организует

Хвалыинскую экспедицию СОМК и приступает к широкомасштабным раскопкам поселений на территории Саратовской области. Первым объектом работы стал многослойный гибнущий памятник Хмельное IV, параллельно с раскопками которого Валерий Григорьевич доследовал остатки разрушенной карьером многослойной стоянки «Крутец» с каменным инвентарем эпохи неолита–энеолита.

Завершив в 1983 году полевые исследования в Хвалыинском районе, В. Г. Миронов организует Воскресенскую экспедицию СГУ и начинает многолетние работы на археологических памятниках в окрестностях с. Чардым. Основным объектом изучения становится Чардымское II городище, где экспедицией В. Г. Миронова было вскрыто 70% территории. Итоги раскопок дополнили стратиграфическую колонку, дающую представление о смене культур и комплексов в раннем железном веке – в эпоху раннего средневековья в Саратовском Поволжье. Здесь открыты уникальные конструкции в виде «длинных домов» по периметру памятника, обнаружены культовые сооружения (жертвенники на Чардымских II и IV городищах). Сенсационной находкой стало открытие ряда погребений, совершенных по обряду ингумации в городецком слое. Впервые при раскопках поселения в Саратовском Поволжье на Чардымском II городище был встречен поселенческий сарматский материал. Проведенные В. Г. Мироновым исследования на I Чардымском городище показали, что этот памятник, раскопанный П. С. Рыковым, неправомерно воспринимался до сих пор как эталонный для городецкой культуры Нижнего Поволжья – слой раннего железного века там относится к первым векам н. э.

Валерий Григорьевич также проводил исследование курганов эпохи бронзы у сс. Горюши, Елшанка, Чардым (где интересные результаты получил также при доследовании кургана, раскопанного П. С. Рыковым колодцем) и Бородаевка. Многие из изученных В. Г. Мироновым погребений, по мнению ученого, несут явные следы воздействия «каких-то восточных импульсов петровско-андроноидного типа» в процессе сложения срубной культуры Саратовского Поволжья. Этот вывод подтверждается сейчас материалами более поздних раскопок других исследователей. Кроме курганов, он исследовал погребение на грунтовом могильнике эпохи бронзы у с. Генеральское.

К моменту перехода в СГУ В. Г. Миронов был зрелым ученым с широким кругом знаний в области археологии, приобретенных как в процессе самостоятельных раскопок, так и во время стажировки на кафедре археологии Ленинградского университета. Это сочеталось с опытом преподавательской работы в Петрозаводском университете и позволяло Валерию Григорьевичу успешно обучать первокурсников СГУ основам полевой археологии (в качестве руководителя студенческой археологической практики) и организации историко-краеведческой работы в школе (в рамках своего спецкурса по истории СУАК). Ряд его дипломников вел успешные

изыскания в области исторического краеведения; другая группа его учеников проводила археологические исследования с публикацией результатов своих полевых работ.

Следует отметить, что В. Г. Мироновым немало было сделано для возрождения традиций саратовской археологической школы. В 1981–1983 гг. под его руководством научно-исследовательская археологическая лаборатория (НИАЛ) превратилась в полноценное научное подразделение, что значительно повысило рейтинг нашего университета и позволило организовать и провести в 1984 году в его стенах масштабную археологическую конференцию к столетию со дня рождения П. С. Рыкова. Опыт в методике картографирования археологических памятников позволил Валерию Григорьевичу впервые в России поставить перед своими сотрудниками задачу проведения сплошного обследования Саратовской области в археологическом отношении для создания соответствующей карты.

С именем В. Г. Миронова связано создание в 1990 году Дирекции охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры. Как первый заведующий отделом археологии в ней он добивался, чтобы правилом стало платное согласование с этим учреждением для отвода земель под хозяйственное использование. Это дало возможность привлечь к делу охраны памятников значительные средства и позволило закончить составление археологической карты Саратовской области.

Организаторский талант и способности к научной работе позволили В. Г. Миронову сделать многое для восстановления традиций саратовской археологии и для их дальнейшего развития. Обогатилась свойственная нашей школе проблематика, связанная с изучением финно-угорских племен, но появились и новые темы, новые методические приемы. В работах В. Г. Миронова осуществляется переход к формализованной подаче материала, к использованию комплексного метода междисциплинарных исследований и статистики как одного из главных методов научного поиска; все более видное место в его статьях занимает применение картографического метода. Валерий Григорьевич отдал много сил охране и пропаганде нашего культурного наследия, он стоит у истоков возрождения общественного краеведения. Ждут своих исследователей полевые материалы раскопок В. Г. Миронова. Всем знавшим его ученый запомнится своей удивительной энергией, эрудицией и доброжелательностью.

Е. К. Максимов, И. В. Семенова

Список научных трудов В. Г. Миронова

1963

Танавское городище (по раскопкам 1960–1962 гг.) // Сборник тезисов докладов 9-й Всесоюзной археологической студенческой конференции. М., 1963. С. 19–20 (совм. с Л. П. Крыловой).

1970

Хвалынские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья // Тр. Мордов. НИИЯЛИЭ. Саранск, 1970. Вып. 39. С. 67–83.

Археологические памятники бассейна р. Терешки // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 157–158.

1971

Сосуд с Хвалынского городища № 10 // Советская археология. 1971. № 1. С. 238.

О некоторых закономерностях в размещении и концентрации раннегородецких памятников // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971.

Ю. В. Деревягин: Некролог // Советская археология. 1971. № 3 (совм. с Е. К. Максимовым, В. А. Фисенко).

1972

Посуда городецкого слоя Березниковского городища (предварительное сообщение) // Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 37–45.

1973

Исследование памятников Карелии // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 12–14 (совм. с Ю. И. Глаголевым, А. П. Журавлевым).

1974

К вопросу об орнаментике городецкой посуды // Учен. зап. Петрозавод. ун-та. Петрозаводск, 1974. Т. 19, вып. 4. С. 85–95.

К истории хозяйственной и духовной жизни финно-угорских городецких племен Волго-Окско-Донского междуречья в 1 тысячелетии до нашей эры // Учен. зап. Петрозавод. ун-та. Петрозаводск, 1974. Т. 19, вып. 4. С. 73–84.

Раскопки в Пегреме // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 9 (совм. с Э. Л. Врублевской, А. П. Журавлевым, И. И. Савушкиным).

1976

К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // Советская археология. 1976. № 2 (совм. с В. П. Левеноком).

Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.

1977

Раскопки в Саратовской области // Археологические открытия 1976 года. М., 1977 (совм. с И. Б. Васильевым, А. П. Вагазиной, В. И. Пестриковой).

1978

Работы Хвалынской экспедиции // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 186–187 (совм. с В. А. Непочатых).

О некоторых приемах активизации усвоения материала лекционных курсов по истории первобытного общества, археологии СССР и основ этнографии // Тезисы докладов 5-й учебно-методической конференции (развитие творческой активности студентов в процессе обучения). Петрозаводск, 1978.

Изучение городецких памятников Нижнего и Среднего Поволжья за дореволюционный период (историографический очерк) // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории. Л., 1978. С. 126–135.

Памятники эпохи бронзы бассейна Верхней Терешки // Науч. тр. Куйбышев. пед. ин-та. 1978. Т. 221. С. 59–61.

1979

Исследования Хвалынской экспедиции // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 190.

1980

Раскопки на верхней Терешке // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 158.

1983

Работы Заволжского отряда // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 154–156 (совм. с В. А. Лопатиным).

Исследования на Верхней Терешке // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 153–154.

1985

Исследования в Саратовском Поволжье // Археологические открытия 1983 года. М., 1985. С. 164–165.

1986

Работы в Воскресенском районе Саратовской области // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 142–143.

1987

Изучение городецких памятников в Саратовском Поволжье // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 194–195.

Разведки и раскопки в Саратовской области // Археологические открытия 1985 года. М., Наука, 1987. С. 196 (совм. с Н. Ф. Петровой).

Чардымские курганы эпохи бронзы // Задачи советской археологии: Тез. Всесоюз. науч. конф. М., 1987. С. 172–173.

1988

Работы в Воскресенском районе Саратовской области // Тезисы докладов и сообщений 4-й республиканской научной конференции по историческому краеведению. Киев, 1989. С. 14–15.

Полевые исследования Саратовского университета 1945–1984 гг. как продолжение рыковских традиций // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 11–24 (совм. с Е. К. Максимовым).

Очерк истории исследований городищных поселений в Саратовском Поволжье в 1918–1977 годах (материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1. С. 106–122.

1990

А. Н. Минх. Буклет // Аркадак, 1990. 4 с.

Ф. Ф. Чекалин. Буклет // Аркадак, 1990. 4 с.

1991

У истоков саратовского исторического краеведения (А. Ф. Леопольдов, Н. И. Костомаров) // Историческое краеведение. Ч. 1: 30-е–60-е годы XIX века. Балашов, 1991. 36 с. (совм. с В. М. Захаровым).

К истории саратовского краеведения // Четыре века: Сборник статей, посвященных 400-летию Саратова. 1991. С. 34–52.

Погребения покровского времени кургана №9 у села Бородаевка // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 52–63.

1992

В. И. Гошкевич и Саратовская ученая архивная комиссия // Проблемы археологии Северного Причерноморья. К 100-летию основания Херсонского музея древностей. Херсон, 1991. С. 7–10.

“Неистовый Богдан...” // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 72–83.

СУАК и уездное краеведение (1886–1916 гг.) // Материалы исторических чтений, посвященных академику С. Б. Веселовскому. Балашов, 1992. С. 10–14.

Изучение городищных памятников Среднего и Нижнего Поволжья в 1918–1953 гг. // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 126–144.

Леопольдов А. Ф. Автобиография (вступительная статья и комментарии) // Тр. Саратов. ист.-краевед. общ.-ва. Саратов, 1992. Вып. 2. С. 100–109.

Леопольдов А. Я. Андрей Филиппович Леопольдов (комментарии) // Там же. С. 130–131.

Лакомте М. А. Воспоминания педагога (вступительная статья и комментарии) // Там же. С. 132–133, 149–151.

Саратовская справочная литература: Указатель. 1858–1917 гг. // Там же. С. 152–157.

У истоков саратовского исторического краеведения. А. Ф. Леопольдов (1800–1875) // Там же. С. 77–99 (совм. с В. И. Захаровым).

А. Ф. Леопольдов о курганах Камышинского уезда // Древности Волго-донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2. С. 162–166.

1993

А. А. Спицын и саратовское краеведение (по неизвестным источникам 1911–1916 гг.) // Проблемы истории отечественной археологии. Тез. докл. Всеросс. конф. СПб., 1993. С. 23–24.

Материалы к археологической карте Камышинского уезда в дневника С. А. Щеглова // Древности Волго-донских степей. С. 223–227.

Археологическое картографирование Саратовского Поволжья // Краеведческие чтения. Вып. 1–3. Саратов, 1993. С. 72–75.

Неизвестная страница камышинской археологии // Древности Волго-донских степей Волгоград, 1993. Вып. 3. С. 218–223.

Иван Славин. В плавучей тюрьме (на барже) (вступительная статья и комментарии // Волга. (Саратов). 1993. №1 С. 169–175.

Этнографическое направление в саратовском краеведении (1826–1926 гг.). // Научная конференция “Этническая история народов России (X–XX вв.)”: Краткое содержание докладов. СПб., 1993. С. 62.

Саратовское историческое краеведение (1886–1920 гг.) // Краеведческие чтения. Вып. 1–3. Саратов, 1993. С. 13–14.

Нижеволжское краеведение в 1917–1920 гг. // Там же. С. 59–60.

1994

Саратовский этап в деятельности Н. Н. Львова // Из истории Прихоперья: Материалы науч. конф. Балашов, 1994. С. 20–22.

Материалы к археологической карте Волгоградской области // Древности Волго-донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 180–190.

Штылько А. Н. Саратовская губернская власть и ее отношение к местной печати // Вступ. ст. и коммент. В. Г. Миронова // Российский исторический журнал. Балашов, 1994. № 1.

Профессор П. К. Галлер (Неизвестные страницы жизни и деятельности) // Культура и самосознание русских и немцев в Поволжье. Саратов, 1994. Вып. 2. С. 96–102 (совм. с В. В. Широковой).

Саратовский губернатор А. И. Косич // Волга (Саратов). 1994. № 9–10. С. 35–40.

Научные связи Саратовской Ученой Архивной комиссии периода ее становления // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения 4–6 чтений. Саратов, 1994. С. 29–30.

Профессор П. К. Галлер–краевед // Там же. С. 199–201 (совм. с В. В. Широковой).

Погребения и жертвенники на городецких памятниках Саратовского Поволжья // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994. С. 106–107.

Предварительные итоги 10 лет работы Воскресенской археологической экспедиции СГУ (1983–1992 гг.) // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов, 1994. С. 85–87.

К истории царцынского краеведения и образования музея // Вопросы краеведения. Волгоград, 1994. Вып. 3. С. 13–17 (совм. с А. И. Мироновой).

1995

В. О. Ключевский и саратовское краеведение // Ключевский: Сборник материалов. Пенза, 1995. Вып. 1. С. 188–191.

Материалы к археологической карте Волгоградской области // Древности Волгодонских степей. Волгоград, 1995. Вып. 5. С. 103–106.

Состояние, проблемы и перспективы регионального исторического краеведения (на примере Нижнего Поволжья) // Российский исторический журнал (Балашов). 1995. № 1.

К истории саратовского краеведения (князь Л.Л. Голицын–второй председатель СУАК) // Российский исторический журнал. Балашов, 1995. № 4. С. 18.

Городецкая культура: состояние и перспективы изучения. Археологические памятники Среднего Поволжья. Рязань, 1995. Вып. 4. С. 66–89.

1996

Немецкая поэзия на страницах журнала “Унзере Виртшафт”: Опыт библиографического указателя // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. 3, ч. 2. С. 98–106 (совм. с В. Райс).

С. Н. Чернов в саратовском историческом краеведении // Российская провинция XVIII–XX веков: Материалы 3-й Всероссийской конференции. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 319–330.

Забывтый краевед (Н. Я. Воскобойников) // Российский исторический журнал (Балашов). 1996. №3. С. 21–23.

К 150-летию открытия рязанских городецких городищ (1820–1970) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996. Вып. 5. С. 81–89.

1997

Немцы–краеведы // Сообщения Энгельского краеведческого музея. Саратов, 1997. Вып. 5. С. 120–125.

Журнал “Унзере Виртшафт” (“Наше хозяйство”) как исторический источник // Там же. С. 146–148.

1998

У истоков Саратовской археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. С. 147–153.

Материалы для археологической карты Камышинского района // Древности Волгодонских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6. С. 158–161.

1999

А. Н. Минх – историк крестьянского движения в Саратовском Поволжье // Историографический сборник. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 94–102.

Некрологи

Валерий Григорьевич Миронов // Саратов 1996. 19 января.

Семенова И. Памяти Валерия Григорьевича Миронова // Покровская слобода (Энгельс). 1996. № 2 (5).

Памяти Валерия Григорьевича Миронова (1938–1996) // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. С. 178–181.

Малов Н. М. Памяти Валерия Григорьевича Миронова (1938–1996) // Российская археология. 1997. № 4. С. 247–249

АРХЕОЛОГИЯ

В. Г. Миронов

РЕДКИЙ ТИП ЖИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ В САРАТОВСКОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ВОЛГИ

Разведками 1969 г. в урочище Крутец в 1 км от бывшего хутора Хмельной и в 3 км от с. Горюши Хвалынского района Саратовской области были выявлены два поселения¹. Располагались они на правом берегу крутой излучины р. Терешки на довольно высокой – до 4 м от уреза воды в межень – коренной террасе (рис. 1). Первое из них – Горюшинское на останцевой дюне было практически уничтожено песчаным карьером. Исследование его культурного слоя в 1978–1980 гг.² по набору кремневой индустрии и ракушечной керамики с мелкозубчатой орнаментацией позволило отнести его нижний горизонт к финальному неолиту – началу энеолита. В карьере же В. А. Непочатых обнаружил погребение золотоордынского времени.

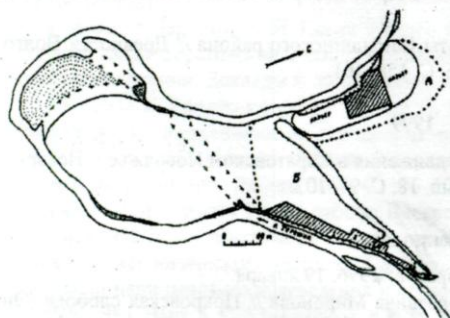

Рис. 1. Ситуационный план памятников в урочище «Крутец» на р. Терешке:

- А — Горюшинское поселение,
- Б — поселение Хмельное-4,
- 1 — местоположение жилища,
- 2 — местоположение мастерской по обработке кремня

¹ См.: Миронов В. Г. Археологические памятники бассейна р. Терешки / АО-1969 (1970). С. 158, а также отчет В. Г. Миронова в ОПИ ИА АН СССР за 1969 год.

² См.: Миронов В. Г., Непочатых В. А. Работы Хвалынской экспедиции / АО-1977 (1978). С. 187; Миронов В. Г. Работы Хвалынской экспедиции / АО-1978 (1979). С. 158; а также отчеты В. Г. Миронова за 1977–1980 гг. в ОПИ ИА АН СССР.

Второе поселение (Хмельное-4) располагалось вдоль интенсивно разрушаемого течением реки берега на протяжении свыше 0,25 км и от первого отделялось подобием вала: то ли мелиоративного назначения, то ли полотна планировавшейся дороги. На его слегка покатой к реке поверхности без следов кустарниковой растительности нет ярко выраженных линз от бывших здесь жилых и хозяйственных комплексов. Сильная береговая эрозия предопределила охранные раскопки селища в 1977–1983 годах, материал которых должным образом еще не введен в научный оборот³, хотя в нем вскрыта площадь свыше 3000 кв. м. Культурный слой мощностью от 0,8 до 1,0 м насыщен находками из камня, кости и керамики (металлы редок); по его цвету, плотности и содержанию даже при отсутствии стерильных прослоек можно предполагать два строительных горизонта на поселении. Более древний и, кстати, ничем не связанный с Горюшенским поселением определяется керамикой с пышной орнаментацией в виде пока не находящих аналогов тонкостенных сосудов яйцевидной формы и хорошей выделки, украшенных в верхней части прочерками и «флажками» в ямочно-тычковой технике (рис. 1, 2) а также репинского типа (рис. 2, 3–5) и фатьяноидной чувашского типа (рис. 2, 2). Таким образом, хронологические рамки его охватывают начало энеолита (?) – конец (?) средней бронзы.

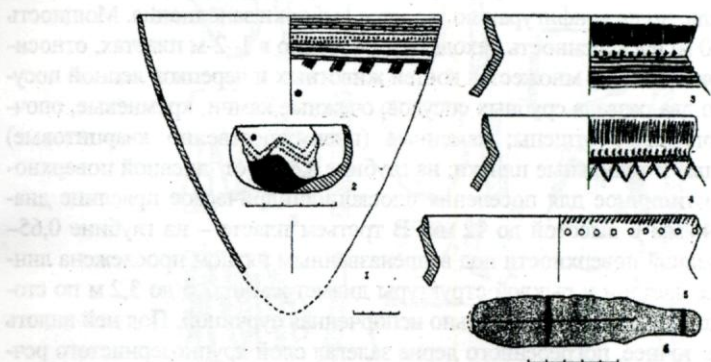

Рис. 2. Ранний (1-5) и поздний (6) материал с поселения Хмельное-4

Поздний горизонт содержит преимущественно плоскодонную керамику со штрихованной («бороздчатой») внешней поверхностью и гладкостенную. Преобладает посуда баночной формы разных размеров, вплоть до корчаг, реже встречаются горшки профилированных форм – с мягким и острым ребром – и неорнаментированные круглодонные небольших размеров, скорее всего,

³ См.: Миронов В. Г. Исследования на верхней Терешке / АО-1981 (1983). С. 163–164; Его же: Исследования в Саратовском Поволжье / АО-1983 (1985). С. 165, а также отчеты В. Г. Миронова за 1977–1983 гг. в ОПИ ИА АН СССР и ссылку 2.

дериват фатьяновские⁴. Типичная орнаментация: «флажки» и ромбы и треугольники, выполненные прочерками и крупнозубчатыми штампами, разнообразными насечками незубчатых и зубчатых (реже) чеканов, опоясывающие верхнюю часть и ребра сосудов прочерки и линии штампов. По керамике устанавливаются культурные связи с финальным абашевом, покровским и ранним срубным временем. Таким образом, в целом второй горизонт определяется концом средней и началом поздней бронзы. По бронзовому ножу с перехватом, найденному под дерном в одном из раскопов, конец существования селища падает на первую половину или середину XIV века до н. э.

Данная публикация посвящена одному из редких для лесостепного саратовского правобережья типов жилищ, выявленному на поселении в 1980–1981 гг. Раскопки велись квадратами 2х2 м по пластам в 0,2 м с коррекцией стратиграфическими бровками; все высотные отметки даны от единого нулевого репера памятника.

Стратиграфия раскопа над будущим жилищем следующая. Сверху шел современный дерн мощностью 0,13–0,30 м. Под ним шло четко фиксируемое пятно темно-бурого (от древесного тлена и разложившегося угля) цвета и рыхлой структуры, прямоугольных очертаний, осью ориентированное к северу. Северный участок пятна вклинивался в обычный для верхнего горизонта поселения золотистый светло-гумусированный культурный слой, оно меняло свою площадь, но не конфигурацию, по мере выборки заполнения. Мощность его 0,75–0,80 м, насыщенность находками, особенно в 1–2-м пластах, относительно высока: помимо множества костей животных и черепков лепной посуды выявлено два развала срубных сосудов, очажные камни; кремневые, опочные и кварцитовые отщепы; каменные (преимущественно кварцитовые) шлифовальные и точильные плитки; на глубине 0,38 м от дневной поверхности найдено типичное для поселения плоскоцилиндрическое пряслице диаметром до 44 мм и высотой до 12 мм. В третьем пласте – на глубине 0,65–0,68 м от дневной поверхности под вышеназванным пятном прослежена линза чуть более светлой и рыхлой структуры диаметром от 2,6 до 3,2 м по сторонам и мощностью до 0,07 м, сильно испорченная сурчиной. Под ней вплоть до материка, точнее, погребенного дерна залегал слой крупнозернистого речного желтоватого цвета песка диаметром около 1,0 м и сечением от 0,4 до 0,2 м. Поскольку над и возле вышеописанного зольника выявлялись очажные камни и обгоревшие кости животных, и в нем, в отличие от основного пятна, нет датирующей керамики можно предполагать принадлежность его более позднему времени, чем очаг материкового сооружения. Отсюда напрашивается вывод о том, что верхняя часть заполнения более древнего жилища была нарушена не только в период существования бахчей на поселении в довоен-

⁴ Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95. С. 35. Рис. 6, 9

ное и первое послевоенное время (сообщения колхозников), но и перекопом в ходе сооружения наземного, слегка заглубленного в почву или полуземляночного жилища в поздний период существования поселения над предшествующим жилищем. В пользу подобного вывода приведем еще ряд аргументов: а) для большинства памятников эпохи бронзы Саратовского Поволжья характерны полуземляночные формы жилищ с преобладанием находок на полу их, здесь же они в 3–4 пластах (на основании) редки; б) на этом участке раскопа керамика репинского типа была обнаружена в первом пласте культурного слоя, обычно же она преобладает в четвертом; в) возле очага № 2 древнего жилища и чуть ли не в стенке его (между столбами основания) в древнюю поверхность на 5 см были заглублены основания двух типично срубных корчаг – на рис. 3 они показаны в очаге, чтобы не «забывать» осевую

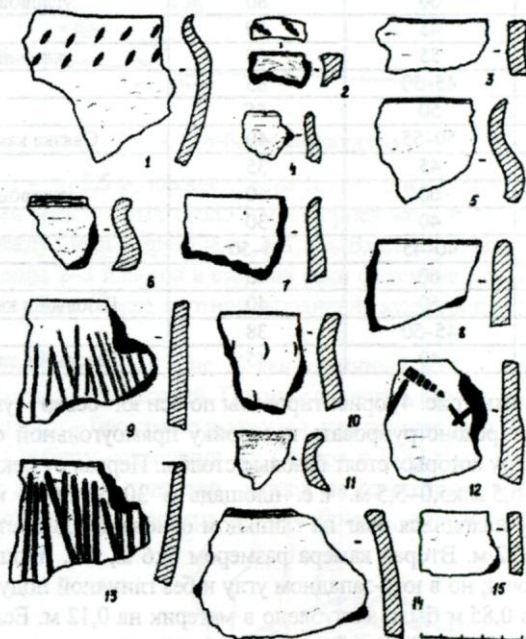

Рис. 3. Основные типы керамики из заполнения жилища:
1, 3, 4 — первый пласт; 2, 5, 6, 7, 8 — второй пласт;
9, 10, 11, 13 — третий пласт; 12, 14, 15 — четвертый пласт

линию столбовых пятен, — так как обломки их совпадали по вертикали, то они стояли одна в другой, либо меньшая стояла на крышке большей; однако основная часть вещевого комплекса более древняя, чем собственно срубное

время; г) материк здесь обычный – плотный серый глей, правда, чуть более запесоченный (посыпка пола жилища?), однако над ним идет тонкая (до 1 см) прослойка разложившегося угля, при зачистке которой выявились пятна от столбов каркаса древнего жилища (рис. 3). Размеры их даны в таблице.

№№ ст.	Диаметр в см.	Глубина в см.	Особые отметки
1	42	31	Угловой
2	50–55	41	
3	53–56	50–52	
4	45	45–47	
5	50–60	60	Связка камер
6	40	75	
7	55	36–38	
8	45	30	
9	60	80	угловой
10	45	60	
11	55	60	угловой
12	45–50	85	
13	50	55	
14	50–55	40	Связка камер
15	45	35	
16	60	60	угловой
17	40	30	
18	40–45	45–50	
19	60	45	
20	50	40	Базовый в камере
21	45–50	38	
22	40	45	Базовый в камере

Столбовые ямы (рис. 4) ориентированы по оси юг–север – угол 384 градуса – и позволяют реконструировать постройку прямоугольной формы из двух камер, по центру которых стоят базовые столбы. Первая от реки камера имела размеры 6,0–6,5 м.х5,0–5,5 м. т. е. площадь в 30–32 кв. м. и в ее северо-западном углу находился очаг на глиняном основании диаметром до 1,8 м и сечением до 0,2 м. Вторая камера размером 6х6 м, т. е. площадью 36 кв. м, также имела очаг, но в юго-западном углу и без глиняной подушки; кострище диаметром до 0,85 м было заглублено в материк на 0,12 м. Если в первой камере опорный (базовый) столб находился почти в центре и на одной оси со средними столбами южной и северной стенок, то базовый столб второй камеры был смещен и от стен, и от оси, из чего можно предположить как постройку второй камеры к первой, так и сознательную асимметрию одновременной застройки для придания большей жесткости конструкции. Общая длина жилища до 12 м, а ширина около 6 м. Восточная стена его имела 9 несущих опор со средним расстоянием между столбами около 1 м, западная стена – из 5 столбов со средним расстоянием между ними у первой камеры

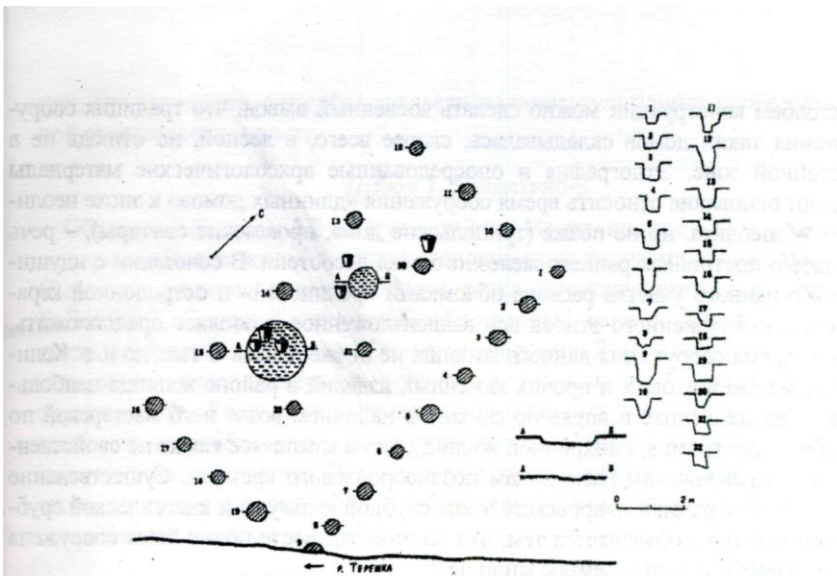

Рис. 4. Столбовые ямы жилища

2,0 м, а у второй – до 2,5 м; южная стенка состояла из пяти столбов, со средним расстоянием между ними около 1 м, северная же – из четырех столбов с расстоянием между ними в пределах 1,2–1,5 м. Вход в жилище не установлен, хотя уже с границы 2–3 пластов в сторону реки фиксировался, вплоть до 4-го пласта, какой-то уступ (более плотное заполнение культурного слоя почти без находок).

Жилище реконструируется (рис. 5) как «длинный дом» с плетневыми (?) стенами и двускатной (?) кровлей. Прямые аналогии ему на нижневолжских памятниках энеолита – бронзы не выявлены, что подтвердила и демонстрация его на Втором Срубном совещании в г. Самаре в 1982 году, лишь на отдельные косвенные детали и признаки указал на памятниках бронзового века Среднего Поволжья Н. Я. Мерперт. Таким образом, по массивным несущим

Рис. 5.

столбам конструкции можно сделать косвенный вывод, что традиция сооружения таких домов складывалась, скорее всего, в лесной, но отнюдь не в степной зоне. Этнография и опосредованные археологические материалы дают основание относить время сооружения «длинных домов» к эпохе неолита – энеолита, но не позже (трипольские дома, ирокезские овачиры), – речь идет о постройках раннего железного века лесостепи. В сочетании с идуцими с данного участка раскопа обломками «репинской» и остродонной керамики неясного этноса все вышеизложенное позволяет предположить, что время сооружения данного жилища не позже начала II тыс. до н. э. Количество кварцитовых и прочих каменных изделий в районе жилища наибольшее на памятнике и напрямую связано с наличием возле него мастерской по обработке кремня, синхронной жилищу, что в комплексе также не свойственно нижеволжским памятникам позднебронзового времени. Существование же здесь керамики покровского этапа срубной культуры и классической срубной культуры объясняется тем, что на этом же месте позже была сооружена полуземлянка или наземное жилище.

А. П. Захариков

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА У СЕЛА НЕПРЯХИНО

В 1993 году в районе села Непряхино Озинского района Саратовской области, где расположена исследуемая с 1989 года многослойная стоянка палеолита-энеолита¹, памятников каменного века².

Район поисков не случайно был выбран там, где проводились археологические разведки с целью обнаружения новых стратифицированных. Здесь по склонам отрогов Общего Сырта на поверхность выходит пласт кварцита толщиной до 1 м. Орудия из этого камня встречаются в виде подъёмного материала на огромной площади, исчисляемой гектарами, и в огромных количествах. Всё это дает основания предположить о наличии мастерских на выходах сырья (каковой, по большей части, является и известная уже стоянка Непряхино) и, возможно, памятников другого хозяйственного назначения.

В результате проведённых разведочных работ выявлено несколько новых пунктов с материалами каменного века. Наиболее интересны три из

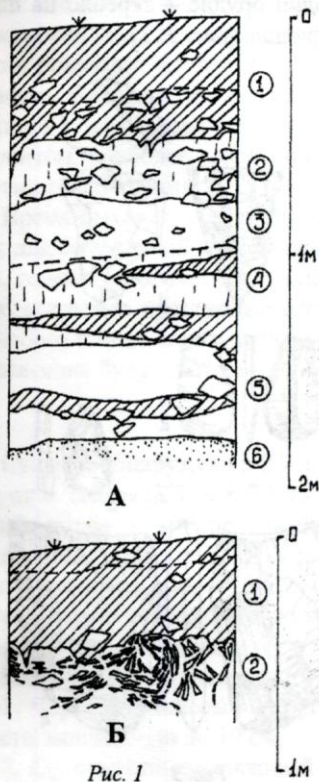
¹ Захариков А. П. Отчет о разведках палеолитических стоянок в Озинском районе Саратовской области в 1993 году. Саратов, 1994 // Архив ИА РАН, г. Москва.

² Захариков А. П. Многослойная стоянка Непряхино (предварительная публикация) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2. Саратов, 1997.

них, где заложенные шурфы показали наличие культурных слоёв различной степени сохранности.

Пункт 1. Непряхино-2

Объект находится в 2,2 км к северу от с. Непряхино и в 220 м к востоку от стоянки Непряхино. Памятник расположен на пологом склоне одного из Сыртовых холмов, в южной части резко опускающегося к старице р. Б. Чалыкла. Севернее находится заброшенный карьер. Дневная поверхность задернована и усеяна обломками кварцита. Ввиду большого количества обломочного материала определить границы памятника весьма затруднительно. Если ориентироваться по отщепам и обломкам орудий, в изобилии встречающимся на поверхности, протяжённость памятника с запада на восток не менее 50 м. Для выяснения наличия культурного слоя, его мощности и стратиграфии, приблизительно в центре этого участка был заложен разведочный шурф 1 x 1 м.

В результате получена следующая стратиграфия (рис. 1, А):

1. Гумус, толщина до 0,5 м. Разделяется на две части. Гумус-верх-дерновая часть тёмно-серого цвета, песчанистая, толщина 0,2-0,3 м. Гумус-низ - тёмно-коричневый песчаный слой - до 0,2 м, с обильными включениями щебня.

2. Мелкозернистая пепельная супесь толщиной 0,15-0,25 м с включениями щебня. Контакт с гумусным слоем чёткий.

3. Супесь светло-коричневая бесструктурная, с включениями карбонатов, толщина 0,2-0,3 м. Контакт с нижележащим слоем чёткий.

4. Супесь тёмно-серая бесструктурная, с карбонатами. Толщина 0,3-0,7 м. Прорезается мощным (до 0,25 м) языком тёмно-коричневой гумусированной супеси. Контакт со смежными слоями чёткий.

5. Супесь светло-бежевая (почти бесцветная) мелкозернистая, толщина 0,3-0,4 м. Контакт с нижележащим песком плавный. Также прорезается языком тёмно-коричневой гумусированной супеси,

до 0,15 м толщиной и языком светло-жёлтой лёгкой супеси толщиной до 0,2 м в юго-западной части шурфа.

б. Песок палеогеновый светло-серый.

Начиная от нижней границы пепельной супеси концентрация карбонатов и минеральных солей увеличивается в глубину с каждым слоем. В слое 5 конкреций минеральных солей достигают 20 см в диаметре.

Послойное описание находок:

Слой 1. Найдено 35 отщепов, из них 15 грубых массивных с чётко выраженным конусом удара. У 50 % подпараллельная огранка спинки. Пластины – 2, пластинчатые отщепы – 2. Обнаружено одно нуклеидное изделие, имеющее 3 негатива пробных снятий. Орудия – 3 экз. Два скребла со своеобразными обушками, одно – с прямым (рис. 2, 1), другое – с выпукловогнутым лезвием (рис. 2, 2). Встречена, также, грубая бифасиальная форма, тоже имеющая обушок (рис. 2, 3).

Слой 2. Обнаружено 46 отщепов, 4 пластины, нуклеидное изделие, имеющее два негатива пробных скола, и одно орудие – скребло на пластинчатом отщепе с подработкой лезвий с брюшка (рис. 3, 2).

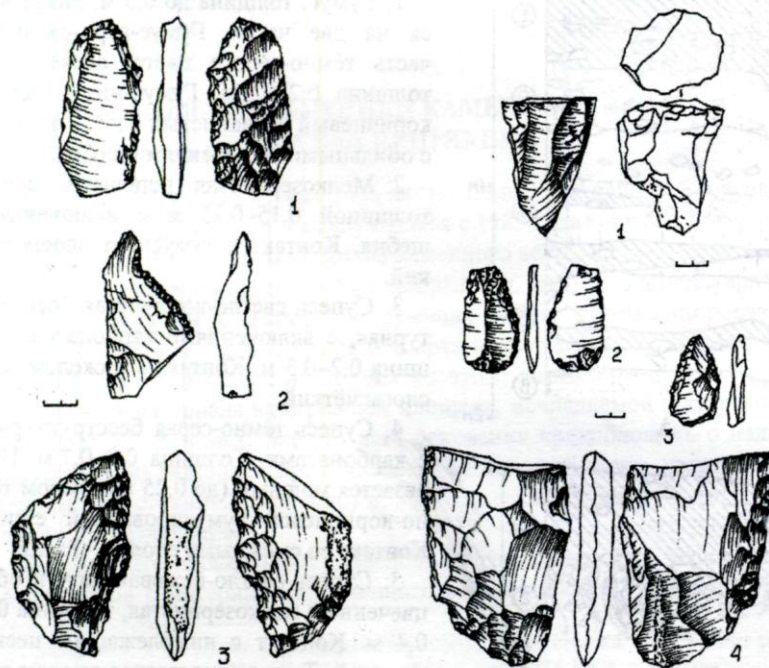

Рис. 2

Рис. 3

Слой 3. Вскрытый участок слоя содержал 88 отщепов, в том числе, два пластинчатых, одну нуклевидную форму, а также три орудия: скребло поперечное на широком отщепе с мелкой краевой ретушью, скребло боковое выпуклое с полукруглой ретушью, грубый бифас.

Слой 4. Найден 21 отщеп, два нуклеуса: продольный одноплощадочный грубый и многоплощадочный подтреугольной формы для пластин. Единственное в слое орудие изготовлено из очень крупного отщепа, боковое лезвие оформлено краевой вентральной ретушью, дистальный конец подправлен с дорсальной стороны несколькими подпараллельными пологими сколами.

Слой 5. Комплекс слоя включает 62 отщепа и 3 пластины. А кроме того, нуклевидное изделие и нуклеус для пластин (рис. 3, 1), с выпуклым фронтом, заузненным основанием удлинённых пропорций.

Количество орудий на памятнике слишком незначительно для вынесения каких-либо заключений. О нуклеусах и сколах можно сказать следующее: общая морфология сколов свидетельствует о том, что большая их часть – отходы производства; характер базальных частей отщепов и пластин позволяет сделать вывод об ударной, а не отжимной технике скола; присутствие пластин и пластинчатых отщепов с параллельной огранкой спинок и редуцированными площадками, а также нуклеусов с выпуклым фронтом, наиболее вероятно соответствует верхнепалеолитической технологии расщепления.

Время бытования памятника можно определить в рамках каменного века; для более узкой археологической датировки оснований пока нет. Однако, геоморфологическая ситуация на месте шурфовки не исключает того, что вскрытые культурные слои являются периферией слоев стоянки Непряхино или её сползшими по склону слоями. В этом случае нижние слои памятника будут датироваться эпохой палеолита.

Пункт 2. Авдонин Мост

Стоянка обнаружена в 0,7 км к северо-западу от пункта 1, в 3 км к северу от с. Непряхино и в 7,5 км к ЗЮЗ от горы Синеи. Памятник занимает слабо выраженный гребень Непряхинского Сырта, к западу от него резко падающий к долине реки склон. Дневная поверхность сильно задернована и покрыта большим количеством обломков кварцита. В подъёмном материале, помимо большого количества отщепов, представлен широкий (до 10 см) и тонкий бифас.

Здесь же был заложен шурф 1x1 м. Стратиграфия его следующая (рис. 1, Б):

1. Чёрно-коричневый гумус, толщиной до 0,5 м. Верхняя дерновая часть, мощностью до 10 см.

2. Суглинисто-алевритовый (опочный) слой. Суглинок имеет жёлто-коричневый цвет, алевритовые конкреции – серо-зелёный. Мощность слоя

достигает 30-40 см, далее он плавно переходит в светло-серую супесь. На глубине около 1 м от дневной поверхности супесь сменилась чистым серовато-белым песком палеогенового возраста.

Археологические находки содержались в первом (гумусном) слое, который разбирался тремя условными горизонтами вскрытия. В дерновой части слоя (*1-й условный горизонт*) артефактов не было.

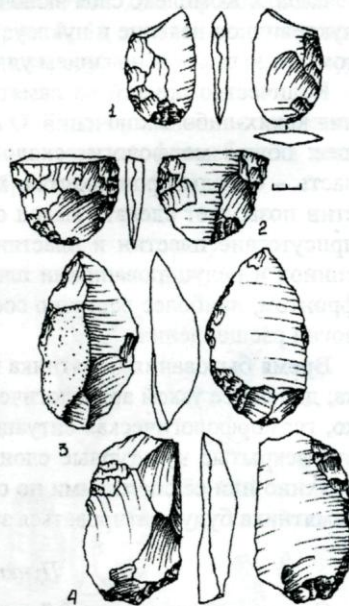
2-й условный горизонт:

23 отщепов разнообразной формы, от 2 до 8 см в поперечнике, из них 3 пластинчатых, а также скребло на небольшом треугольном отщепе (рис. 3, 3) и крупный сломанный бифас (рис. 3, 4), морфологически близкий найденному в подъёмке.

3-й условный горизонт:

38 отщепов разнообразной формы и огранки, длиной от 3 до 18 см. Два крупных удлинённых отщепов с ретушью (вероятно, пробной) с брюшка и со спинки (рис. 4, 3, 4). Обломок (основание) частичного бифаса с округлым основанием и линзовидным сечением (рис. 4, 1), негативы сколов обработки плоские, неглубокие подпараллельные. Второй обломок частичного бифаса из этого горизонта более широкий (рис. 4, 2), типологически близок первому.

Культурный слой стоянки Авдонин Мост предварительно можно датировать каменным веком. Несомненный интерес в коллекции памятника вызывают бифасиальные орудия, аналогий которым пока не найдено.

Пункт 3. Урочище Вдовино

Рис. 4

Стоянка расположена на краю первой надпойменной террасы правого берега реки Б. Чалыкла, на речной излучине, где Непряхинский Сырт максимально близко подходит к реке, в 3,5 км к северо-западу от с. Непряхино. На площади 90x20 м, вдоль берега реки собраны кварцитовые отщепы, пластины и раздробленные кости животных. Поверхность памятника, как и относительно пологий спуск к реке, задернованы. Для выяснения наличия и сохранности культурного слоя, на краю стоянки у реки был заложен разведочный шурф площадью 2x2 м. Прослежена следующая стратиграфия:

1. Гумус, толщиной до 0,6 м. По всей толще имеет равномерный тёмно-серый цвет, включая слабо выраженный дерн.

2. Серый суглинок, толщиной до 0,2 м. Верхняя и нижняя границы слоя размыты.

3. Светло-жёлтый суглинок.

Находки содержались только в первом слое и залежали сразу под дёрном. Слой исследовался двумя горизонтами вскрытия.

1-й горизонт: 34 отщепов длиной от 1 до 12 см, огранка спинок разнонаправленная, один из отщепов – скол подправки ударной площадки нуклеуса («таблетка»). Скребок на укороченной пластине и неопределимый обломок кости в северо-восточном углу раскопа.

2-й горизонт: 7 аморфных отщепов размерами от 2 до 6 см.

Слой содержащий находки состоит из аллювиальных отложений, поэтому в данном случае мы имеем дело с переотложенным культурным слоем.

Итогом разведочных работ стало подтверждение имевшихся предположений о наличии в районе села Непряхино целого комплекса памятников Каменного века (вероятно и бронзового), связанных с богатейшими выходами каменного сырья – кварцита. Дальнейшее изучение открытых стоянок требует стационарных исследований с привлечением специалистов естественных наук. Перспективным остаётся и поиск новых памятников в этом районе.

Н. М. Малов

ЗОЛОТО И СЕРЕБРО В СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

С самородными золотом, серебром, медью и метеоритным железом люди познакомились раньше, чем научились выплавлять их из руд. Эти металлы стали примитивно обрабатывать холодным способом приблизительно с 6500–4500 г. до н. э. Некоторые исследователи даже полагают, что самородное золото было первым металлом, из которого стали ковать простые украшения¹.

¹ *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1953; *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958; *Aitchison L.* A History of Metals. London, 1960; *Marechal I. R.* Zur Frühgeschichte der Metallurgie. Lammersdorf über Aachen, 1962; *Forbes R. J.* Metallurgie in Antiquity. Leiden, 1970; *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982; *Вильсдорф Х.* Обработка металлов // Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. Вып. 3. С. 98–103; *Бидерман Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.

Специфика использования «чистых» золота и серебра обусловлена тем, что они практически непригодны для изготовления орудий труда и оружия. Кроме того, выходы минеральных источников, их содержащие и доступные для добычи, встречаются далеко не везде. Поэтому, а также по причине своей неокисляемости, они навсегда остались материалами для изготовления высокоценных, долговечных и сверкающих предметов роскоши. В древности золото добывалось не только в коренных жильных, но и в россыпных месторождениях, расположенных в долинах рек и ручьев. Последнее обстоятельство и послужило основой для возникновения широко известной легенды о «золотом руне».

В эпоху палеометаллов, золото и серебро чаще всего использовались для изготовления украшений костюма, головного убора и причесок, гораздо реже парадной посуды, оружия и орудий труда. Среди них особое место занимают высокозначимые предметы, связанные с религиозными культурами, сферами духовной и светской власти. На «солнцеподобное» золото и «луноподобное» серебро издревле распространяется выражение «драгоценный, благородный металл», означающее, прежде всего, их высокую «моральную и духовную ценность».

В Евразийской металлургической провинции изделия из этих металлов встречаются реже, чем в Циркумпонтийской². Известны они также на археологических памятниках срубной культурно-исторической области (см. рисунки). Тем не менее, такие находки не стали еще предметом специального учета и рассмотрения, которые являются целью данной статьи.

1. Новоозерный (Уральская область) Курган на р. Чеган имел диаметр 22 м и высоту 0,6 м. Здесь в 1925 г., впервые в степном Волго-Уралье, была обнаружена бронзовая подвеска, овально-подтреугольной формы, в полтора оборота обернутая листовым золотом³. В насыпи обнаружены слои золы, кости овец, птиц и кусочки истлевшего дерева. В подквадратной материковой могиле лежал женский костяк в позе адорации, ориентированный на север. Около плеч много красной краски причем густо окрашен и весь костяк. «Под левым виском найдено бронзовое, обложенное листом золота височное кольцо в виде вогнуто-выпуклой пластинки, свернутой в

² Селимханов И. Р. К истории освоения человеком металлов и сплавов на Кавказе // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 139–145; Вангородська О. Г. Вироби з золота та срібла в культурах енеоліту–бронзи на території України // Археологія. Київ, 1987. № 59. С. 1–11; Черных Е. Н. Древнейшее золото в циркумпонтийском ареале // Археология и социальный прогресс: Материалы конф. М., 1991. Вып. 2. С. 3–17; Черных Е. Н. Древний металл и символы // Советская археология. 1991. № 1 С. 162–165.

³ Рыков П. Die Chvalynsker kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga // ESA. 1927. № 1. S. 58–59, abbl. 16; Рыков П. С. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Изв. краевед. ин-та изучения Юж-Волж. обл. при СГУ. 1927. Т. 2, № 10. С. 88–89. Табл. 2.

спираль»⁴. На скелете найдены 4 белых пастовых бусины в виде двух усеченных конусов, сложенных основаниями. Керамика в погребении отсутствовала. Автор раскопок верно отметил сходство поволжских подвесок и пастовых бус с изделиями, распространенными в древностях Кавказа. Захоронение было отнесено П. С. Рыковым к стадии «А», которую позже выделяют в полтавкинскую культуру. Вероятно основанием для этого послужили не только аналогии подвески и бусам, а также посыпка всего скелета красной охрой. Однако, поза костяка и тип украшений позволяют отнести данное погребение к срубной культурно-исторической области. При рассмотрении покровско-абашевских украшений такие подвески были выделены нами в разряд V-12, локализуемый в степном Поволжье и являющийся продукцией собственно срубного очага металлургии⁵. В целом же подвески этого разряда встречаются совместно с круглыми только в коллективных погребениях, поздних покровских или покровско-срубных. Хотя такие овалы более характерны для срубных погребений, нельзя исключать позднепокровскую культурную принадлежность комплекса из Новоозерного посада. Подвески данного разряда бытуют длительное время, поскольку такая же золотая подвеска происходит из погребения хвалынской культуры Комсомольского грунтового могильника в Астраханской области. Параметры, и особенно высота таких подвесок, существенно больше чем у круглых покровских украшений. Кроме того, ширина пластины, из которой сделаны украшения данного разряда, гораздо уже, чем у круглых покровских подвесок. Они близки, но не идентичны по форме и параметрам к некоторым из «грушевидных» подвесок срубной культуры. Эта близость обусловлена не только формой и пропорциями, но и тем, что у них концы сомкнуты, наибольшая ширина приходится не на среднюю, а на нижнюю часть. Они имеют форму треугольного овала с закругленными углами, суживающегося кверху. При этом ширина основания треугольного овала меньше, чем его высота. Скорее всего происхождение подвесок срубной культурно-исторической области этого разряда действительно связано с древностями эпохи средней бронзы, эпохи катакомбной культуры Кавказа и степей Восточной Европы. Как наследие катакомбной эпохи Циркумпонтийской металлургической провинции они продолжают бытовать затем в срубной археологической области. На Кавказе и в Восточной

⁴ Рыков П. С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (Предварительный отчет) // Изв. краевед. ин-та изучения Юж.-Волж. обл. при СГУ. 1926. Т. 1. С. 110.

⁵ Качалова Н. К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 35, 54–55, рис. 2–34; Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Там же. С. 87, рис. 3–58; Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. 1992. Вып. 3. С. 33, рис. 3–21, 22.

Европе круглые подвески традиционно считаются более ранними, чем овальные. Кавказские экземпляры, близкие к позднепокровским овально-подтреугольным украшениям, отличаются по технологии изготовления. В бронзовом веке Кавказа, а также в эпоху средней бронзы Восточной Европы, их традиционно ковали из проволоки с острыми концами, а не из желобчатой пластины. Такие же подвески представлены в погребениях Тлийского могильника, датированных по традиционной хронологии серединой II–началом I тыс. до н. э.⁶ Аналогичные овальные подвески, высотой от 1,5–1,7 до 2,3–2,5 см, встречены в основных и впускных слоях дольменов западного Кавказа, традиционная верхняя дата которых около середины и начала II тыс. до н. э.⁷ Поздняя разновидность подобных украшений из тонкого стержня обнаружена на Верхнегунибском поселении в Дагестане⁸, а также в памятниках северокавказской культуры «времени интенсивного наступления степных племен (катакомбной и срубной культуры)»⁹. Близкие по форме серебряные височные кольца из прута с раскованными концами найдены в Утамышском кургане I Дагестана¹⁰. Золотая височная подвеска в полтора оборота лежала около женского черепа в коллективном погребении катакомбной культуры Элистинского могильника¹¹. Овальные кольца круглого сечения известны в «бахмутских» памятниках и в позднекатакомбное время¹². При этом, некоторые из приведенных аналогичных подвесок: золотые, серебряные или бронзовые с золотой фольгой – также происходят из погребений с повозками. Они позволяют уточнить линии синхронизации Волго-Уральских комплексов с древностями Северного Кавказа и Украины. В концептуальном плане они перспективны для сопоставления покровских памятников с поздними бабинскими, дольменными и катакомбными, а также с каякентско-хорочеевской культурой. Все эти па-

⁶ *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977. С. 16, рис. 13–3,4; С. 21, рис. 18–13–17; С. 28, рис. 26.10–15; С. 30, рис. 28–11,12; С. 56–58;

⁷ *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 261, рис. 130–23, 30; С. 264–2683.

⁸ *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение–памятник эпохи бронзы горного Дагестана (К истории дагестанских племен в конце III–II тысячелетиях до н. э.). Махачкала, 1965. С. 140, рис. 51–5; С. 143–145.

⁹ *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. М., 1960. № 93. С. 49, рис. 15–42; С. 77, рис. 35–8; С. 141, 146.

¹⁰ *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980. С. 49, рис. 5–10–12,14–16.

¹¹ *Синицын И. В., Эрднеев У. Э.* Элистинский могильник (по раскопкам 1964 года) // Тр. Калм. НИИ языка, литературы и истории. Элиста, 1971. Вып. 3. С. 115. Табл. 12–1.

¹² *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976. С. 73–74, рис. 37–1.

мятники синхронизируют с периодом А2 бронзового века Средней Европы и сейчас с учетом калибровки удреваются до 2100–1800 гг. до н. э.¹³

2. Ново-Байбатырово (Чувашия). Раскопки 1927 г. Курган 1 содержал 13 захоронений срубной культуры. Погребение № 13, взрослое, вторичное, с тремя сосудами. Среди костей кольцевидная подвеска в полтора оборота, свернутая из бронзового листа с рубчатой наружной поверхностью и обернутая снаружи тонким золотым листом¹⁴. Подвеска крупная, кованая, узкожелобчатая, округло-овальной формы. Концы прямые и заходят друг за друга. Данный памятник ранее включался исследователями во второй этап или в конец первого периода срубной культуры, а в качестве аналогий подвескам указывался первый Шербетско-островской могильник близ устья Камы¹⁵. Сейчас похожие изделия меньшего размера иногда с золотой фольгой, известны не только в срубных, но и в покровско-синташтинских (разряд V–13, Алексеевка–II п. 8), поздняковских и приказанских комплексах¹⁶. Поэтому можно полагать, что головные украшения такого разряда чаще встречаются в разнокультурных памятниках раннего и развитого этапов позднего бронзового века лесостепных регионов Поволжья. Например, в жилище № 3 Балымской стоянки второго этапа приказанской культуры, найден обломок подобной бронзовой подвески с гофрированной золотой фольгой¹⁷. Одно из поздняковских колец данного разряда с золотой обкладкой украшено по дужке рядом насечек и восемью «шишечками»¹⁸.

3. Хрящевка (Самарская область). Курган 5 содержал 31 захоронение срубной культуры. Погребение № 13¹⁹ женское (25–30 лет), на периферии кургана. В позе адорации, черепом на С. Два сосуда, около висков кованные, бронзовые, желобчатые подвески в полтора оборота, обернутые золотым листом. Форма их восьмеркообразная («грушевидная») в виде сильно вытянутых и узких сдавленных в средней части спиралей с расширяющимися и заходящими концами. Погребение относят к третьему периоду срубной культуры Среднего Поволжья²⁰. Эту подвеску включают в тип 1В2-

¹³ Трифонов В. А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. СПб., 1996. С. 48–49.

¹⁴ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. № 97. М., 1961. С. 105–109, рис. 40–1; 41–8–10; 43–4.

¹⁵ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 222.

¹⁶ Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 75, 85, рис. 1, 92 рис. 7–I период –2; Малов Н. М. Покровско-абашевские... С. 31; 34 V–15, рис. 2–4.

¹⁷ Халиков А. Х. Приказанская культура // Свод археологических источников. М., 1980. Вып. В1–24. С. 43, 83 рис. 39–3, 102. Табл. 60.

¹⁸ Бадер О. Н., Попова Т. Б. Поздняковская культура // Археология СССР. М., 1987. С. 134, 228, рис. 66–1, 4.

¹⁹ Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. М., 1954. № 42. С. 110–143, 148–149. рис. 29–2; 30–1; 31–2.

²⁰ Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 87, рис. 3–37.

восьмеркообразных (овальных), представленный не только среди срубно-андроновских головных украшений, но также в Намазга-V, в древностях эпохи бронзы Ирана, Словакии и Румынии²¹.

4. Спасское (Челябинская область). Курганная группа III, на левом берегу Урала²². Курган 1 содержал девять захоронений срубной культуры. В погребении № 9 детский костяк, видимо девочки. На левом виске – бронзовая желобчатая подвеска в золотой фольге с рубчиками по ребру и остатками нитки или ремешка внутри. Н. А. Аванесова включила данную подвеску также в тип IV2-восьмеркообразных (овальных), рассматриваемых как этническая особенность среднеазиатских или западноалакульских памятников, от которых они могли импортироваться в срубную культуру²³. Здесь же банка с грубыми следами вертикального заглаживания и 6 астрагалов. По мнению автора раскопок, сосуд входит в один из вариантов срубно-алакульской керамики, сходный с некоторыми тазабегьябскими экземплярами.

5. Лузановка (Самарская область). Курган 8 содержал 6 захоронений срубной культуры. Во взрослом погребении № 2²⁴, за черепом, часть медного, трубчатого кольца (гр. ЕУ), обернутого плохо сохранившейся золотой фольгой. Под черепом – обломки двух таких же колец. Диаметр сохранившегося кольца 6,6 см, толщина 0,6–0,7 см. Кроме того, – орнаментированная банка и фрагмент другого сосуда, 30–35 белых бус из «керамической пасты» около черепа и очень много их около плечевых костей. Еще браслет из тонкого овального в сечении прутка, химико-металлургической группы ЕУ, легирован оловом. Сечение трубчатого кольца круглое. Один конец заостренный, вероятно, входил в трубчатый замок, расположенный на противоположном расширяющемся конце. Такие изделия под влиянием синташтинских, петровских и алакульских памятников проникали в покровскую, а затем и в срубную культурную среду. Этот вариант трубчатых подвесок известен в покровских древностях Поволжья (Аткарск, Политотдельское, Светлое Озеро, Широкий карамыш), а с золотой фольгой широко встречается в синташтинско-петровских (кулевчинских) и алакульских памятниках Приуралья и Казахстана, являясь эт-

²¹ Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991. С. 54–56. рис. 47–64.

²² Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 52 рис. 16–10. С. 165.

²³ Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен. С. 54–56, рис. 43. № 69.

²⁴ Васильев И. Б. Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 19, 43, рис. 20–9; Корневский С. Н. О древнем металле бассейна р. Самары // Там же. С. 51 (вероятно, случайно отнесено к категории браслетов).

нической особенностью последних²⁵. Данное погребение относят ко второму этапу срубной культуры²⁶.

6. Лузановка. Курган 15 содержал 12 погребений срубной культуры. В могиле № 12²⁷ костяк взрослого человека лежал по диагонали могилы, черепом на восток. Захоронение содержало горшок, ребра животного, бронзовый наконечник, а также россыпь пастовых бус в области таза, живота и груди. В состав наконечника входили биноклевидные пронизи с пряжкой, три узко-желобчатых в сечении подвески в полтора оборота. Пронизь и фрагмент медной основы одной подвески (отнесенной к браслету?) из металла группы ЕУ и ЕУ/ВУ соответственно. Все подвески изготовлены из узкой пластины и обложены золотым листом. Две – крупные с рифленой внешней поверхностью восьмеркообразной формы, размером более 3 см. Они относятся к типу, происхождение которого связывается с территорией обитания алакульских, федоровских и тазабагыбских племен²⁸. Одна из них лежала под тазом, вторая – около левой, а третья маленькая – под правой лопаткой. Последняя, округлоовальной формы, из тонкого «бронзового стержня?» (по И. Б. Васильеву), с гладкой внешней поверхностью. Данное погребение включают во второй этап срубной культуры²⁹. Все три подвески не являются височными украшениями, поскольку найдены в нижней части наконечника–головного украшения. Две крепились на него около лопаток, а третья – за тазом. Третья Лузановская подвеска, вместе с аналогичным изделием с золотой обкладкой из Утевки–III, рассматривается как тип (№ 6) желобчатых (?) изделий, также аналогичных алакульским, федоровским и тазабагыбским³⁰.

7. Волчанка (Самарская область). Курган 4 содержал 8 захоронений срубной культуры. В центральном взрослом погребении № 8³¹, под черепом, бронзовая узко-желобчатая подвеска. Она удлиненно-овальной формы, в полтора оборота и в гладкой золотой фольге, сделана из желобчатого и полуовального в сечении стержня. Высота подвески 3,4 см, наибольшая ширина в средней части 1,3 см, концы приострены. Кроме того, 5 пастовых бусин, а на левой руке узко-желобчатый бронзовый браслет. Авторы рас-

²⁵ Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения. . С. 31–33. V–VII, рис. 3–15–17; Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен... С. 52, рис. 43–Б1.

²⁶ Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 87, рис. 3–53.

²⁷ Васильев И. Б. Лузановский курганный могильник... С. 33, 42, рис. 18; Корневский С. Н. О древнем металле ... С. 60. Табл. 6.

²⁸ Агапов С. А., Иванов А. Ю. Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 50–51.

²⁹ Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 87, рис. 3.

³⁰ Агапов С. А., Иванов А. Ю. Указ. соч. С. 50.

³¹ Кузнецова Л. В., Седова М. С. Курганный могильник срубной культуры V с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. 1991. № 3. С. 161–178, рис. 1–4, 7.

копок определили Волчанский могильник как раннесрубный. Однако это погребение и захоронение № 2 из кургана 6 относятся к более поздним периодам срубной культуры³².

8. Волчанка. Курган 6 содержал три погребения срубной культуры. В заполнении центрального, разрушенного и взрослого захоронения № 2³³ обнаружены обломки бронзовой подвески в полтора оборота, с золотой фольгой. Кроме того, пастовые и сурьмяные бусы в виде браслета, фрагменты желобчатого браслета и иглы с ушком, черепки, 5 костяных подвесок. Оригинальна костяная подвеска с отверстием в форме башмачка с загнутым носом. Бусами и костяными подвесками был расшит кожаный предмет.

9. Натальино (Саратовская область. Раскопки Л. Л. Галкина). Могильник № 1³⁴. Единственное в кургане взрослое погребение срубной культуры. Одна бронзовая узко-желобчатая подвеска в полтора оборота овальной формы с золотой фольгой.

10. Александровка (Самарская область. Раскопки Р. С. Багаутдинова). Третий курганный могильник. Бронзовая подвеска в золотой фольге, характерна для второго периода срубной культуры³⁵.

11. Федоровка (Самарская область. Раскопки М. С. Седовой 1982 г.). Курганный могильник III³⁶. Две крупные, бронзовые желобчатые подвески в полтора оборота, с золотой фольгой. Форма восьмеркообразная, высота около 6 см, характерные для срубной культуры. Внешняя поверхность гладкая, с насечками.

12. Луначарский (Самарская область). Курган 1 самый крупный в группе. Две соседские могилы в центре кургана. Погребение № 1 содержало кальцинированные кости, сосуд и подвеску³⁷. Трупосожжение на стороне. Сосуд безосновательно определен авторами публикации как алакульский. Посуда такой формы определяется как «смешанная срубно-андроновская

³² Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 29, рис. 1; С. 46, рис. 13.

³³ Кузнецова Л. В., Седова М. С. Указ. соч. С. 171.

³⁴ Галкин Л. Л., Ким М. Г., Либеров П. Д., Малов Н. М., Мельник В. И. Раскопки курганов в Саратовском Заволжье // АО-1976. М., 1977. С. 137-138.

³⁵ Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 29, рис. 1-61; Зудина В. Н. Археологические древности Южного Средневожья. Самара, 1998. С. 95. № 35.

³⁶ Зудина В. Н. Археологические древности... С. 42, 95 № 26.

³⁷ Васильев И. Б., Пятых Г. Г. Новые трупосожжения бронзового века в Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. Вып. 1. С. 44-45, 51, рис. 6-4; Агапов С. А., Иванов А. А. Указ. соч. С. 50; Корневский С. Н. О древнем металле... С. 50-56, рис. 1-14.

срубная»³⁸. Подвеска крупная, в полтора оборота и желобчатая (по С. Н. Корневскому, тип 1 по С. А. Агапову и А. Ю. Иванову), а не «из бронзового стержня» (по И. Б. Васильеву и Г. Г. Пятым). Ее медная основа из андроновского металла группы ЕУ. Она обложена золотой фольгой с поперечными нарезками на одной стороне. Высота подвески более 3 см, форма восьмеркообразная.

13. Золотая Нива II (Луначарский. Самарская область). Курган I погребение первого периода срубной культуры № 16³⁹. Крупные желобчатые подвески в полтора оборота с золотой фольгой (тип 4-«грушевидные» по С. А. Агапову и А. Ю. Иванову). На лопастях овальные выпуклины и орнамент. Основа подвесок изготовлена из меди групп МП и ВУ. Это погребение не может принадлежать к группе ранних в срубной культурно-исторической области, поскольку подвеска этого же типологического разряда есть в позднесрубном погребении из Хрящевки. Кроме того, эти украшения близки к восьмеркообразным (тип 1В2), рассматриваемым как срубная модификация андроновских и распространенных позже маленьких круглых подвесок (тип 1В1)⁴⁰.

14. В. Белозерка (Самарская область). Погребение в кургане. Крупная повеска грушевидной формы с золотой обкладкой и орнаментом на лопастях, аналогичная из Золотой Нивы II⁴¹.

15. Подстепки (Самарская область). Курган I, погребение второго периода срубной культуры № 8⁴². Крупная узко-желобчатая подвеска, восьмеркообразной формы с гладкой золотой фольгой.

16. Каменный Враг (Самарская область). Курган I, погребение третьего этапа срубной культуры № 25⁴³. Ребенок (подросток?) с баночным сосудом без орнамента. Бронзовая желобчатая подвеска. В области шеи серебряные (?) и керамические бусины.

17. Старые Ябалаклы (Башкирия). Курган 48, взрослое женское погребение срубной культуры № 3. Накосник, два узко-желобчатых браслета, другие разнообразие изделия из металла, раковины, пасты и кости, два сосу-

³⁸ Зудина В. Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 92–93, рис. 3–5.

³⁹ Агапов С. А., Иванов А. Ю. Указ. соч. С. 50, тип.4; Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 38–39, рис. 7–17, 18.

⁴⁰ Аванесова Н. А. Указ. соч. С. 54.

⁴¹ Агапов С. А., Иванов А. Ю. Указ. соч. С. 50, тип.4.

⁴² Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 46, рис. 13–5.

⁴³ Васильев И. Б. Каменно-Вражский курганный могильник // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. Вып. 1. С. 12, 32, рис. 1–5–7; Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 80.

да. Бронзовая подвеска, найденная около бедренных костей, желобчатая в полтора оборота и овальной формы с золотой фольгой⁴⁴.

18. Старые Ябалаклы. Курган 106, взрослое погребение срубной культуры № 8⁴⁵. Сосуд баночный и два узко-желобчатых браслета. Под черепом и у подбородка две бронзовые подвески восьмеркообразной и овальной формы в полтора оборота узко-желобчатые с золотой рифленой фольгой.

19. Новые Ябалаклы (Башкирия). Могильник I. Курган 2, взрослое погребение срубной культуры № 1⁴⁶. Отсутствовали кости стоп. Два сосуда. Две серебряные подвески в полтора оборота, удлинённо-овальной формы, орнаментированные с одной стороны параллельными насечками, и узкий бронзовый желобчатый браслет.

20. Новые Ябалаклы. Могильник I. Курган 2, парное погребение срубной культуры № 3.⁴⁷ Взрослая женщина и в ее ногах ребенок (девочка). У взрослого скелета отсутствовали кости стоп и рук. Захоронение неординарное, с богатым украшением – наконником от головного убора из 174 металлических предметов. В его состав входили два трубчатых бронзовых кольца, обтянутых фольгой из электрума (сплава золота и серебра) толщиной 0,15 мм. Внешний диаметр колец 6 см. Они относятся к варианту, обнаруженному в Лузановском могильнике. Около концов они орнаментированы тройными параллельными линиями. Меньшие концы колец входили в большие. Такие наконники – головные уборы – широко распространены в ритуальной практике петровских и алакульских культур. Они символизируют мировоззренческую идею цикличности и непрерывности жизни человека, а также отражают начало складывания особого поведенческого архетипа по отношению к женскому головному убору⁴⁸.

21. Елена (Башкирия). Курган 9, погребение первого этапа срубной культуры № 4⁴⁹. Фрагмент бронзовой подвески с золотой фольгой.

22. Алексеевка (Саратовская область). Грунтовой могильник № 2, покровско-синташтинское погребение № 8. Две подвески округлой формы

⁴⁴ Горбунов В. С. Морозов Ю. А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С. 29, 138, рис. XXIII.

⁴⁵ Горбунов В. С. Морозов Ю. А. Указ соч. С. 50, 156, рис. XLI-8-11, 157, рис. XLII-11.

⁴⁶ Горбунов В. С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия) // СА. 1977. № 1. С. 149-181, рис. 5; Кузьминых С. В. Андроновские импорты в приуралье (на примере женского захоронения Ново-Ябалаклинского могильника) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 124-132, рис. 4-1, 2.

⁴⁷ Горбунов В. С. Курганы эпохи бронзы... С. 149-181 рис. 6, 7; Кузьминых С. В. Андроновские импорты... С. 124-139, рис. 5-15, 16. Анализ показал, что треугольная накладка изготовлена из оловянистой бронзы.

⁴⁸ Усманова Э. Р., Логвин В. Н. Женские наконные украшения Казахстана: эпоха бронзы. Лисаковск, 1998. С. 60-61.

⁴⁹ Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1991. С. 126, рис. 40-8; С. 157, рис. 56.

(разряд V–13) из узкожелобчатой пластины с золотой обкладкой и орнаментом, аналогичные Ново-Байбатьговским⁵⁰. Такие золотые кольцевидные изделия с рифленой поверхностью встречаются редко. В Поволжье подвески данного типологического разряда бытуют относительно длительное время, начиная с покровско-синташтинских древностей и вплоть до «классических» срубных памятников включительно (Ново-Байбатьгово). Округлые Алексеевские подвески являются наиболее ранними в Волго-Уралье из украшенных рифлением. Вероятно, к покровско-синташтинским ювелирам восходит начало данной технологической традиции. Затем она перешла к срубно-алакульским и федоровским мастерам, более широко украшавшим различные овалы, восьмеркообразные и грушевидные подвески рифлением, насечками и шишечками.

23. Мурманский (Саратовская область). Курган. Погребение срубной культуры № 2⁵¹. Центральное парное захоронение женщины с ребенком. Две желобчатые бронзовые подвески, в полтора оборота, с золотой фольгой. Они имеют удлиненно-овальную форму, близкую к подвеске из кургана близ пос. Новоозерного. Погребение совершено в подбоекатакомбе, также содержало сурьмяные бусины и ребро животного.

24. Мосоловка (Воронежская область). На поселении срубной культуры, определяемом авторами раскопок как литейная мастерская или поселок металлургов, встречен серебряный кусочек металла⁵².

25. Шкарин (Воронежская область). Курган № 5, погребение «позднего этапа донской абашевской» культуры № 5⁵³, которое мы определяем как покровское⁵⁴. Под перекрытием найдены: два сосуда, пастовые бусы, обломки двух круглых металлических блях. Одна – из тонкого листа серебра (биллона) с пуансонным орнаментом и отверстиями по краю, другая – бронзовая, гладкая с загнутыми внутрь краями. Различные варианты блях с пуансонным, геометрическим солярно-астральным орнаментом, связанные

⁵⁰ Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения. С. 31–34 рис. 2–4; Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994. С. 164, рис. 60–9. Большинство сосудов из данного погребения синташтинские, но есть и покровская керамика (рис. 60–3).

⁵¹ Лопатин В. А., Малов Н. М. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // Советская археология. 1988. № 1. С. 130–139, рис. 3–3.

⁵² Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Металл Мосоловского поселения (по данным спектрального анализа) // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989. С. 5–7. № 21781.

⁵³ Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., Беседин В. И. Новостроечные раскопки древних курганов в Воронежской области. Воронеж, 1990. С. 3–15, рис. 4–6; Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П. Курганная группа у хутора Шкарин // Погребальные памятники эпохи бронзы лесостепной Евразии. Уфа, 1993. С. 38–50, рис. 6.

⁵⁴ Малов Н. М. Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992. С. 130–132.

своим происхождением с андроновской культурной областью Урало-Казахстанских степей и лесостепей, имеют широкий хронологический и культурный диапазон распространения. Они встречаются в синташтинских, петровских, покровских, срубных и алакульских древностях Евразии⁵⁵. Декор некоторых ранних Поволжских и Приуральских металлических блях, часто рассматривается исследователями в качестве образцов так называемого «микенского орнамента». Однако данные мотивы орнаментации первоначально появляются не во время распространения срубных культур, а раньше, в эпоху покровской и синташтинской культур. Длительное время покровские памятники интерпретировались как срубно-абашевские или раннесрубные, позднеабашевские или абашевско-срубные, а синташтинские и петровские – как новокумакские. Поэтому исследователи полагали, что, распространение этого стиля орнаментации произошло во второй четверти II тыс. до н. э., в эпоху сложения «памятников-в Поволжье – смешанных срубно-абашевских, а в Приуралье – новокумакского типа»⁵⁶. Исследователи отмечали, что именно тогда в Евразийских степях и в Средиземноморье (шахтовые гробницы Микен кругов А и Б) наблюдается плакировка изделий тонкой орнаментированной золотой пластиной⁵⁷.

26. Аткарск (Саратовская область). Курган 1, взрослое впускное погребение срубной культуры № 1⁵⁸. Два сосуда без орнамента. На дне маленькой банки, крупная серебряная подвеска в полтора оборота с выпуклыми насечками. Ее высота 3,8 см, форма восьмеркообразная. Желобчатые обломки принадлежат второй медной височной подвеске эллипсоидной формы с несомкнутыми концами. Есть еще металлические обломки, возможно, от бронзового желобчатого браслета.

27. Ченин (Волгоградская область). Курган 5, взрослое погребение срубной культуры № 3⁵⁹. Пастовые бусы и баночный сосуд. Бронзовая желобчатая подвеска удлиненно-овальной формы высотой 4 см с золотой фольгой и орнаментированная параллельными линиями.

28. Комсомольский (Астраханская область). Грунтовой могильник № 1 на дюне около золото-ордынского мавзолея, погребение хвалынской куль-

⁵⁵ Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения... С. 34–35; Прякин А. Д., Мачнев Ю. П. Курганная группа... С. 46–47; Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен... С. 62–64, рис. 49, 50б.

⁵⁶ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Указ. соч. С. 47–50.

⁵⁷ Кузьмина Е. Е. Связи Евразийских степей и Средиземноморья во второй четверти II тыс. до н. э. // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 21–23.

⁵⁸ Монахов С. Ю. Отчет о раскопках Аткарского курганного могильника за 1980 год // Архив фондов археологии СОМК. Выражаю глубокую благодарность С. Ю. Монахову за разрешение опубликовать материалы его раскопок.

⁵⁹ Мыськов Е. П. Вторичные погребения срубной культуры в могильнике Ченин // Свветская археология. 1984. № 3. С. 205–209, рис. 3.

туры № 16⁶⁰. Золотая подвеска в полтора оборота. По форме она может быть отнесена к одному из вариантов удлинненно-овальной формы, встречаемому в Н. Озерном, Мурманском, Медяниково и Кочетном. Кроме того: каменная наковальня и пест, сердоликовая бусина, клепаный котел, нож-кинжал с упором, бритва и шило.

29. Медяниково (Саратовская область). Юго-восточная группа. Курган 1, погребение срубной культуры № 4⁶¹. Захоронение парное, женское (?). Инвентарь: по четыре бронзовых браслета и желобчатых в сечении подвески в полтора оборота, сосуды, пастовые и сурьмяные цилиндрические бусы, а также ромбовидная и лапчатая сурьмяные подвески. Две крупные бронзовые подвески (скелет А) восьмеркообразной формы, удлинненные, обернуты золотой фольгой.

30. Кочетное (Саратовская область). Курган 11, подростковое (?) погребение срубной культуры № 2, врезавшееся в древний ров⁶². Два сосуда. Золотая фольга от обкладки бронзовых желобчатых подвесок.

31. Свердлово (Оренбургская область). Могильник IV⁶³. Курган 1, женское (?) погребение срубной культуры № 5. Могила не самая древняя в срубном кургане, поскольку располагалась за краем древней насыпи. Инвентарь: сосуд, два бронзовых узких желобчатых браслета и две крупные подвески. Последние в полтора оборота, удлинненно-овальной формы с золотой фольгой, орнаментированные «елочкой». Костяк завалился на спину, положение рук необычное, а под тазом кусочек черной смолы. Вероятно, смола использовалась как «пробка» для прикрытия одной из полостей в

⁶⁰ Плахов В. В. Отчет о раскопках могильника у поселка Комсомольский Красноярского района Астраханской области в 1988 году. Фонды археологии Астраханского музея заповедника, рис. 30–30 а.

⁶¹ Ляхов С. В. Отчет о работе Букатовского отряда археологической экспедиции в низовьях реки Терешки Воскресенского района Саратовской области в 1990 г. // Архив сектора археологии Нижнего Поволжья и Прикаспия СГУ и ИИМК РАН.

⁶² Юдин А. И. Отчет о раскопках курганной группы к востоку от с. Кочетного Ровенского р-на Саратовской области в 1990 г. // Архив сектора археологии Нижнего Поволжья и Прикаспия СГУ и ИИМК РАН; Юдин А. И., Матюхин А. Д., Захариков А. П., Касанкин Г. И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. С. 119–139, рис. 2–1, 2, 3. Материалы данного кургана противоречат утверждению авторов раскопок о том, что здесь «все погребения основные» (с. 129). Захоронение с золотой фольгой явно пусковое, а не основное, поскольку врезалось в древний ров. Поэтому курганный могильник близ Кочетного не является единым «закрытым комплексом», как это представляется авторам раскопок (с. 120).

⁶³ Халатин М. В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. С. 58–76, рис. 2–4–6, 10, 11. Курган № 1 содержал 37 могил срубной культуры и только одну (№ 2) позднепокровскую. Более погребений покровской культуры в этом кургане нет.

области таза. Находки «пробок» известны в погребениях эпохи бронзы степного Приуралья. В качестве аналогий укажем на погребение эпохи средней бронзы из индивидуального кургана № 1 могильника Кузнецово (Уральская область)⁶⁴.

32. Свердлово. Могильник IV. Курган 1. Погребение срубной культуры № 37. Впускное, располагалось за краем древней насыпи, в погребенной почве⁶⁵. Есть развал невосстанавливаемого сосуда и 4 белых пастовых бусины. Около черепа бронзовая желобчатая подвеска, в полтора оборота, удлинненно-овальной формы, из узких пластин. Она крупная с золотой фольгой, орнаментированной «елочкой».

33. Свердлово. Могильник V. Курган 5, погребение срубной культуры № 2⁶⁶. Парное (женщина и подросток). Инвентарь: три сосуда, 209 пастовых бусин черного и белого цвета, две крупные удлинненноовальные бронзовые желобчатые подвески в полтора оборота с золотой фольгой и поперечными насечками.

34. Алексеевка (Оренбургская область). Курган 3. Погребение срубной культуры № 4⁶⁷. Женское (33–39 лет), совершено за пределами древней насыпи срубного кургана. Инвентарь: два сосуда и две бронзовые желобчатые подвески с золотой фольгой и пуансонным орнаментом в виде полусферических выпуклин. Подвески крупные восьмеркообразной формы. Их высота 5,4–5,6 см. толщина пластины 1,8 мм, ширина 8–9,5 мм. Они сделаны «в виде змеи, свернувшейся кольцами, с развернутым капюшоном», что по мнению авторов напоминает изображение змеи на рукоятках Сейминского кинжала и Галичского клада, указывая на культ зверей и птиц.

35. Пролетарка (Оренбургская область). Второй могильник, курган № 1, разрушенное погребение срубной культуры № 3⁶⁸. Костяк взрослого человека. Найден обломок бронзовой желобчатой подвески овальной формы, плакированной золотой фольгой и украшенной рядом выпуклин («бородчатый орнамент»). М. В. Халяпин и С. В. Богданов полагают, что орна-

⁶⁴ Малов Н. М. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988 год // Архив сектора археологии СГУ. Дело № Л047. Здесь в носовые впадины погребенного были вставлены две «пробки», свернутые из узкого кожаного (?) ремешка. Эти факты указывают на то, что в особых случаях пробки из смолы и кожи могли использоваться в поминально-погребальной сфере для закупорки мягких лицевых (ноздри) и естественных тазовых полостей покойников.

⁶⁵ Халяпин М. В. Указ. соч. С. 61, рис. 6–5, 6.

⁶⁶ Там же. С. 62, 82, рис. 8 1,3, 5–9.

⁶⁷ Овчинникова Н. В., Кабанова Е. В. Исследование кургана срубной культуры в Бугурусланском районе Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. 1999. Вып. III. С. 65–74, рис. 4, 5.

⁶⁸ Халяпин М. В., Богданов С. В. Погребальные памятники эпохи бронзы с территории Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. 1999. Вып. III. С. 75–104, рис. 14–3.

мент на подвесках эпохи поздней бронзы, плакированных золотом, имитирует кожу и орнаменты на теле змеи. Это предположение не лишено оснований так же, как и то, что срубно-андроновские подвески символизировали змей, были амулетами и оберегами, отражавшими различные связи змеиного, лунного и фаллического культов древних индоиранцев.

36. Новая-Кардашевка (Ворошиловоградская область). Поселение. К украшениям срубной культуры относят две спиральные золотые подвески, найденные в погребении из жилища⁶⁹. Они круглой формы, изготовлены из дрота и скручены в полтора оборота. Бронзовые подвески такой формы из дрота известны в срубной культуре лесостепного Дона⁷⁰.

37–38. Петрово-Михайловка (Запорожская область) и Великий Суходол (Ворошиловоградская область). Погребения срубной культуры. Фрагменты трех бронзовых желобчатых подвесок удлиненно-овальной формы, обложенных золотом⁷¹. Подвеска из Петрово-Михайловки с рифленой поверхностью. Они относятся к варианту, распространенному в срубных древностях Волго-Уралья развитого и позднего периодов. Есть изделия данного разряда и на Мосоловском поселении.

39. Рымникский (Челябинская область). Большой Синташтинский грунтовой могильник (СМ)⁷². Погребение покровской культуры № 13, или покровско-синташтинское. Ограблено. Инвентарь: два сосуда и обломки еще от двух, пара желобчатых колец округлой формы с позолотой, фрагменты иглы, пластина с отверстиями, 24 бусины из глухого стекла (?) и шлифованный брусок из гальки. Такие бронзовые подвески небольшого диаметра, широко-желобчатые характерны для покровских, синташтинских и петровских древностей Волго-Уралья⁷³. Обычно их происхождение связывают с абашевским влиянием. Однако подвески данного разряда можно рассматривать как наследие Циркумпонтийской металлургической провинции. В этом плане особый интерес представляет сходство данных подвесок с украшениями эпохи бронзы Дагестана. Так, например, две аналогичные золотые пластинчатые двулопастные подвески встречены в Утамыше (Курган 3. Конец III–первая половина II тысячелетия до н. э.). Возможно, эти комплексы указывают на продвижение катакомбных племен из Северо-Западного Прикаспия, а также на связь с ранними памятниками срубной культуры Поволжья⁷⁴. Эти и другие факты (каякентско-

⁶⁹ Вангородська О. Г. Вироби з золота та срібла... С. 6–7, рис. 3–7.

⁷⁰ Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996. С. 247, рис. 60–21;

⁷¹ Вангородська О. Г. Указ. соч, рис. 3–9.

⁷² Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Ч. 1. С. 168–170, рис. 81 1–6, 82–1–7.

⁷³ Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения... С. 32–33, рис. 3–1–16, 19.

⁷⁴ Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М. Указ. соч. С. 52–54, рис. 7–3,4.

хорочоевские могильники, памятники Прикаспийского Дагестана), не исключают возможности миграции древних иранских племен по данной территории, где проходил значительный отрезок древнего Прикаспийского пути⁷⁵.

40. Рымникский (Челябинская область). Большой Синташтинский грунтовой могильник (СМ)⁷⁶. Покровско-синташтинское погребение № 17. Инвентарь: сосуд, поставленный вверх дном, обломки от второго, две медные подвески с позолотой, мелкий бисер, медное кольцо.

41. Александровка (Челябинская область) Большекараганский могильник. Курган 20, яма покровской культуры № 3 с двумя скелетами людей идентифицирована как раннесрубная⁷⁷. В целом, могильник относят к позднему этапу «Страны городов», когда формируется «стиль срубной культуры» и распространяются памятники покровского типа⁷⁸. Инвентарь: круглые бронзовые подвески с золотой фольгой, костяные и бронзовые бусы, браслет и керамика. Подвески аналогичны покровским, а также выше перечисленным из Большого Синташтинского грунтового могильника (погребения № 13, 17).

Всего нами учтено 40 погребений и одно поселение срубной культурно-исторической области (Мосоловка), содержащих драгоценные металлы. Таким образом, золото и серебро абсолютно преобладает в погребальных памятниках. В основном погребения принадлежат взрослым, вероятно женщинам, есть и подростки. Далеко не все могилы с драгоценными металлами занимают в курганах престижное место или относятся к неординарным и социально значимым. Основная масса памятников, содержащих драгоценные металлы, концентрируется в Волго-Уральском междуречье. Единжды зафиксировано использование электрума, сплава золота с серебром, для изготовления двух колец в Ново-Ябалаклинском могильнике.

Для изготовления учтенных изделий чаще использовалось золото, чем серебро. Драгоценные металлы применялись исключительно для производства украшений, то есть здесь затраты общественной энергии направлялись на насыщение золотом и серебром исключительно символической сферы. Вряд ли золото и серебро добывались только с целью изготовления и плакировки специфических погребальных украшений, предназначенных

⁷⁵ Котович В. Г. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 54–57.

⁷⁶ Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Указ. соч. С. 168–170, рис. 81–7, 82–8–8, 11.

⁷⁷ Боталов С. Г., Григорьев С. А., Зданович Г. Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 75, рис. 11.

⁷⁸ Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. Протогородская цивилизация «Страна городов» Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1. С. 56–57.

для сопровождения покойниц в страну мертвых. Известно что, украшения являются важной, особой, консервативной частью культуры. Они содержат информацию об этических, религиозных и эстетических представлениях племен эпохи бронзы Евразии⁷⁹. Кроме того, украшения являются личной собственностью человека, обладают высоким семиотическим статусом. Это фактически не «вещи», а знаки с минимальной утилитарностью⁸⁰.

Среди учтенных украшений преобладают бронзовые подвески, обложенные тонким золотым листом или фольгой. Единичными экземплярами представлены трубчатые кольца, несколько бусин и бляшка. Серебряные изделия всегда изготавливались целиком из этого металла. Полностью золотых предметов немного—3. Золото и серебро применялось в срубной культурной области на всем протяжении ее существования, начиная с покровских и заканчивая хвалынскими древностями. Поэтому, использование драгоценных металлов древними ювелирами не может служить хронологическим индикатором для отнесения конкретного памятника к тому или иному культурно-хронологическому типу срубных древностей так же, как и андроновских. Здесь определяющее значение играет форма украшений, т. е. типологический разряд основы — изделия, которое обкладывалось фольгой из драгоценных металлов.

В эпоху бронзы украшения были объектом обмена, торговли. Большинство исследователей не без оснований полагают, что такой технологический прием, как обкладка украшений золотой фольгой, проник в срубную область под воздействием андроновской культурной области. Несомненно, что некоторые группы украшений не только изготавливались с использованием этих драгоценных металлов «покровскими» и «срубными» ювелирами, но были андроновским импортом. Вероятно, к импортным предметам можно отнести часть подвесок в полтора оборота с золотой обкладкой. Особенно это касается изделий из чистой меди, которые специально обтягивались, чтобы придать украшению золотистый цвет⁸¹.

Изделия из золота и серебра известны в целом ряде восточноевропейских археологических культур раннего и среднего бронзового веков Циркумпонтийской металлургической провинции середины IV— начала II тыс. до н. э. Когда металл поступал к «курганам народам» степей и лесостепей Восточной Европы, Северного Кавказа из южных горно-металлургических центров, цены на золото были очень высоки. В эти эпохи золотая бусина весом 1 грамм была равноценной примерно килограмму меди⁸². В Волго-Уралье золото встречается в погребениях ямно-катакомбной эпохи.

⁷⁹ Малов Н. М. Покровско-абашевские украшения... С. 22–23.

⁸⁰ Байбури А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 73.

⁸¹ Кузьминых С. В. Андроновские импорты... С. 132.

⁸² Черных Е. Н. Древний металл... С. 164.

Возможно, что носители поздней ямной и поздней полтавкинской культуры начали разрабатывать россыпные золотоносные месторождения Урала. Но пока этого только предположение, требующее обоснования.

Затем, не только самородное золото и серебро, но также биллоны стали использоваться при изготовлении абашевских, сейменско-турбинских, покровских, синташтинских и петровских украшений. Обработка золота и серебра в Карпато-Дунайском и Волго-Уральском очагах культурогенеза достигала большого масштаба⁸³. В начальный период эпохи поздней бронзы изделий из данных металлов немного в покровских памятниках (Алексеевский, Шкарин, Большекараганский, Синташтинский). По этому показателю покровские древности ближе к сейменско-турбинским и синташтинским, чем к срубным, алакульским и федоровским. Хотя в сейменско-турбинских памятниках золото встречается редко, а более часты биллоны⁸⁴. В отличие от покровских и покровско-синташтинских памятников, драгоценные металлы представлены в абашевских и турбинских древностях исключительно биллонами, а золота в них пока не обнаружено. Украшения с золотой фольгой и из серебра, есть в синташтинских и петровских древностях, а также в Ростовкинском могильнике и кротовской культуре (Сопка 2). Здесь они также связаны с погребальными памятниками. Вероятно, для изготовления семи Ростовкинских колец было использовано золото, происходящее из алтайских и восточно-казахстанских рудных источников⁸⁵. Поэтому можно полагать, что в ранний период функционирования Волго-Уральского очага культурогенеза обработка золота была преимущественно связана с деятельностью синташтинских, покровских, петровских, ростовкинских и кротовских, а не абашевских и турбинских ювелиров. Последние были более ориентированы на использование серебра или биллона (медно-серебряные и серебряно-медные сплавы). В «срубных» древностях Дона редки драгоценные металлы. Возможно, это связано с тем, что продвижению носителей покровской культуры в западном направлении там препятствовали племена бабинской и донской абашевской культур. Судя по материалам Ливенцовской крепости, это противостояние носило воинственный характер.

Многие исследователи отмечали, что в эпоху бронзы население Урала и Казахстана добывало и обрабатывало золото и серебро. На находку висло-

⁸³ Бочкирев В. С. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. С. 18-29.

⁸⁴ Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. С. 170, 188.

⁸⁵ Матющенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. С. 81-82.

обушного топора в золотосодержащем слое из Оренбуржья указывал А. А. Спицын⁸⁶. Древние выработки эпохи бронзы на россыпное золото известны в Восточном Казахстане⁸⁷. К. В. Сальников считал бронзовые украшения, обтянутые золотым листом, замечательными изделиями ювелирного искусства и отмечал, что в заброшенных золотоносных выработках на горе Тукан в Башкирии находили песты типичные для андроновских памятников⁸⁸. Месторождения золота и серебра разрабатывались «андроновцами» на Урале, в Центральном, Восточном и Северном Казахстане, а также в Средней Азии⁸⁹. Изучение золотых изделий (накосники, серьги, подвески, кулон, фольга) из Южно-Уральских курганов бронзового века позволило заключить, что для их изготовления использовалось чистое самородное золото⁹⁰. Поэтому можно полагать, что оно же послужило материалом для золотых изделий срубной культурно-исторической области.

Основная масса учтенных нами украшений из драгоценных металлов связана с собственно срубными памятниками Приуралья и Поволжья, а не с покровскими и хвалынскими. В андроновской и срубной культурно-исторических областях изготовление и ношение височных подвесок, браслетов и других украшений было строго регламентировано. Оно было предопределено принадлежностью «клиентов» (девочек, невест, замужних женщин и т. д.) к определенной возрастной, брачной, социальной и этнической группе. Поэтому они изготавливались мастерами-ювелирами как единый и взаимосвязанный комплекс. В зависимости от прижизненного статуса погребенной в него мог входить головной убор, прическа, украшения рук и костюма в целом. Кроме того, для каждой археологической культуры срубной области характерно сочетание определенных типов сечения височных подвесок и браслетов. Если подвески узкожелобчатые, то такого же сечения чаще всего делались браслеты «клиентки» и т. п.

Поэтому среди покровских украшений преобладают крупные браслеты из круглого в сечении дрота и широкие желобчатые, а также небольшие круглые и широкожелобчатые подвески. В срубных же культурах они

⁸⁶ Тихонов Б. Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90. М., 1960. С. 21.

⁸⁷ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. М.; Л., 1960. С. 118–121.

⁸⁸ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 278 - 279.

⁸⁹ Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (Из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1. С. 51–56, рис. 3; Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II–начале I тыс. до н. э. // Советская археология. 1989. № 2. С. 230–232; Заключительное слово по дискуссии // СА. 1990. № 3. С. 161–165; Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии. М., 1994. С. 141–142.

⁹⁰ Зайков В. В., Бушмакин А. Ф., Юминов А. М. и др. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э. Челябинск; Аркаим, 1999. С. 313–315

обычно узкожелобчатые или из тонкого овального дрота. Покровские височные подвески чаще всего более округлой формы и меньшего диаметра, чем срубные. Обычно, срубные – более крупные, удлиненно-овальной или восьмеркообразной формы. Эти показатели и тенденции являются ведущими для данных категорий украшений и носят культурно-хронологический характер. Только в период сосуществования поздней покровской и ранней срубной культуры наблюдается взаимовстречаемость подвесок и браслетов различного сечения и формы в единых закрытых комплексах.

В хвалынской культуре срубной археологической области учтена только одна золотая подвеска (Комсомольский), а серебряные изделия этой эпохи нам неизвестны. Такая же тенденция наблюдается в использовании драгоценных металлов в эпоху поздней бронзы на Украине, где в это время украшения из серебра не отмечены⁹¹. Можно полагать, что серебро стало гораздо реже использоваться в ювелирном производстве конца эпохи бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы. В Поволжье золотые изделия продолжают встречаться и позже, когда памятники срубной культуры области прекратили свое существование. Здесь сплошные золотые подвески протомеотского происхождения отмечены в черногоровских комплексах типа Фриденберг (раскопки П. Д. Рау), синхронизируемых с периодом На В2 киммерийского горизонта Средней Европы⁹².

Для разработки проблем культурных связей и распространения импортов особого рассмотрения заслуживают находки нефрита и других полудрагоценных камней. Например, нефритовая булава обнаружена в срубном погребении № 2 из кургана № 25 Камено-Вражского могильника⁹³, ближайшие месторождения которого есть на Урале⁹⁴. Нефритовая подвеска, в форме «туфельки», напоминающая короткую скифскую обувь на мягкой подошве без каблука, происходит из срубного, а не покровского погребения Чардымского кургана 1 (?)⁹⁵. Навершие булавы из горного хрусталя обнаружено в срубном погребении № 2 кургана 3 могильника Новоселки, в Татарстане⁹⁶. Предметы из нефрита, встречаемые на археологических памятниках Евразии первой половины II тысячелетия до н. э., могут указы-

⁹¹ Вангородська О. Г. Вироби з золота та срібла.. С. 7.

⁹² Дубовская О. Р., Подобед В. А. Об одном типе украшений черногоровского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Часть вторая. Донецк, 1996. С. 102–109.

⁹³ Васильев И. Б. Каменно-Вражский курганный могильник.. С. 4-33, рис. 1–2.

⁹⁴ Кузьмина Е. Е. О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987. С. 60.

⁹⁵ Миронов В. Г. Погребения покровского времени из кургана 9 у села Бродаевка // АВЕС. 1991. Вып. 2. С. 59, рис. 4–160.

⁹⁶ Зудина В. Н. Археологические древности.. С. 101–102. № 90, 128.

вать на возможность существования «великого нефритового пути», протянувшегося от Прибайкалья до Прикамья.⁹⁷

Картографирование находок показывает что золото и серебро встречаются на памятниках срубной культурно-исторической области от Южного Приуралья до Северо-восточного Причерноморья, с наибольшей концентрацией в Волго-Уралье. Это не противоречит гипотезе о существовании «торгового пути» из северного Причерноморья, через Дон, по Волге (Rha) к Уралу (Daix) в срубно-андроновскую эпоху, которым затем стали пользоваться скифы.⁹⁸ Вероятно, именно его и маркируют памятники срубной области с драгоценными металлами и Бородинский клад. Начало его функционирования, а также существования «системных связей Микенской Греции с Евразийскими степями» вряд ли следует связывать с западной экспансией федоровской культуры.⁹⁹ Вероятно, в ходе таких связей могли использоваться и импортироваться Волго-Уральские драгоценные металлы и нефрит, а также сами предметы, изготовленные из данных материалов.

Имеющиеся в Поволжье артефакты свидетельствуют о том, что федоровские проявления в основном отмечаются здесь гораздо позже времени распространения покровской культуры.¹⁰⁰ Федоровские элементы не могли появиться на археологических памятниках Украины раньше, чем в Поволжье. Следовательно, если такой «торговый путь» и существовал в данный период эпохи бронзы, то начало его функционирования в Восточной Европе предпочтительнее связывать с распространением памятников покровской и ранней срубной археологических культур. Наиболее интенсивное использование золота и серебра приходится на собственно срубные памятники. При этом следует учитывать, что Поволжье не является основным ареалом распространения федоровской культуры. Вновь полученные материалы подтверждают то, что распространение покровско-абашевских памятников шло с востока, из Волго-Уралья, а не с запада из Среднего Подо-

⁹⁷ Толпеко И. В. Великий нефритовый путь: миф или реальность? // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск; Аркаим, 1999. С. 296–297.

⁹⁸ Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота»... С. 50–56; Шелов Д. Б. Ольвийские монеты в Поволжье // Древности Восточной Европы. МИА. № 169. М., 1969. С. 296–299.

⁹⁹ Кузьмина Е. Е. Связи Евразийских степей... С. 22–23; Кузьмина Е. Е. О западных связях андроновских племен... С. 66; Зданович Г. Б., Малютина Т. С. Абашевская культура и синташтинский очаг культурогенеза // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов, 1996. С. 60–61; Lichardus J., Vladar J. Karpatenbecken - Sintasta-Mykene. Ein Beitrag zur definition der Bronzezeit als historischer epoche // Slovenská archeologia. Nitra. 1996. XLIV –1. S. 25–93.

¹⁰⁰ Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Указ. соч. С. 81, 92 рис. 7; Малов Н. М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы (по материалам поселений) // Задачи советской археологии. М., 1987. С. 159–160.

ня¹⁰¹. Результаты картографирования изделий из драгоценных металлов позволяют допускать, что этот «путь» мог связывать Волго-Уральский и Карпато-Дунайский очаги культурогенеза. Он существенно не заходил в глубину лесостепи и протянулся от Урала с выходом к Волге. Затем шел вдоль Волги, с переходом к Северскому Донцу, Нижнему Подонью и далее к Поднепровью. По другому же, более северному и лесостепному варианту могли проникать в Карпато-Дунайский очаг культурогенеза биллоновые изделия.

Предметы из золота, серебра и нефрита дополнительно связывают между собой сейминско-турбинские, самусьские, кротовские, синташтинские, петровские, покровские, покровско-синташтинские памятники и Бородинский клад. Скорее всего, часть парадных вещей «бородинского типа экспортировалась» в северо-западное Причерноморье из Волго-Уралья в ходе обмена по более южному варианту этого «торгового пути». Поэтому они не только типологически близки к некоторым сейменско-турбинским, синташтинским, петровским и покровским предметам материальной культуры, но и изготовлены из нефрита, серебра и инкрустированы золотом. Это подтверждается также тем, что источником металла для одного из Бородинских наконечников копий послужило низкопробное уральское серебро Никольского месторождения¹⁰². Индоиранцы, с которыми связывают древности андроновской и срубной культурно-исторической областей, были знакомы с драгоценными металлами¹⁰³.

Следует полагать, что дифференциация, специализация и совершенство-

¹⁰¹ Малов Н. М. Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1995. С. 8–13; Синюк А. Т. Указ. соч. С. 204–207; Малов Н. М. Проблемы взаимодействия поволжских покровских и Урало-Казахстанских петровских племен степной зоны Евразии // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М., 1998. С. 60–63. Тезисы моего доклада о покровско-петровском взаимодействии были представлены на Маргулановские чтения в 1989 г. Сделанный в них вывод о формировании срубной линии развития в степном Заволжье раньше, чем появились срубно-абашевские памятники, был основан на анализе курганной планиграфии и инвентаря, относящихся к периоду сосуществования поздних покровских и ранних срубных комплексов. Сейчас в покровской культуре выделены более ранние памятники, предшествующие раннесрубным. Последние же сосуществуют с поздними покровскими. На это указывает взаимовстречаемость разнокультурной керамики в единых закрытых погребальных комплексах. Тогда синташтинские комплексы включались в состав петровской культуры, поэтому нами и был сделан вывод об покровско-петровском взаимодействии, основанный на результатах анализа преимущественно покровско-синташтинских комплексов. Сейчас же считаю более корректным и обоснованным ставить вопрос и о покровско-синташтинском взаимодействии.

¹⁰² Черных Е. Н. Результаты изучения химического состава металла Бессарабского клада // Советская археология. 1965. № 1. С. 270–272.

¹⁰³ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Указ. соч. С. 57.

вание производства драгоценных ювелирных украшений Евразийской металлургической провинции уже в начальный период эпохи поздней бронзы (вторая четверть II тыс. до н. э.) достигли высокого уровня. В это время украшения из золота и серебра встречаются во многих культурах Евразии (абашевской, сейминско-турбинской, покровско-синташтинской, петровской, самусьской, кротовской и др.). Изготовление тонкого листового золота, нанесение на него орнамента и чеканка требовали большого ювелирного искусства и ремесленной специализации. Следствием этого явилось то что, «модницам» и «клиентам» стали предлагать «заменители». Вместо сплошных украшений из драгоценных металлов – пустотелые серебряные и золотые подвески, позолоту вместо золота, бронзовые в основе ювелирные изделия обкладывали тонкой золотой фольгой. При этом орнамент обычно наносился на бронзовую основу подвесок, поверхность которых затем обкладывалась тонким листовым золотом с повторением орнамента основы. Благодаря этому золотая пластина еще прочнее закреплялась на подвеске.

Около середины II тыс. до н. э. такой технологический прием получил более широкое распространение в срубно-алакульской металлообработке развитого периода позднего бронзового века. Скорее всего, среди срубно-алакульских ювелиров выделились ремесленники, специализирующиеся на обработке серебра и золота, а также электрума. Возможно, что при обмене и торговле использовались не только готовые серебряные и золотые изделия, но и тонкая золотая фольга. Затем, только к концу эпохи поздней бронзы и в «черногоровское время» некоторые восточно-европейские украшения стали чаще изготавливаться полностью из золота, а не как ранее обкладываться тонкой золотой пластиной.

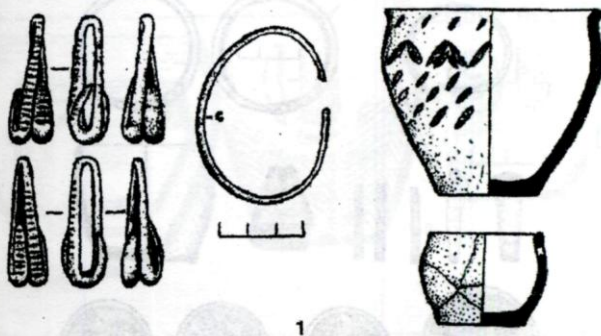
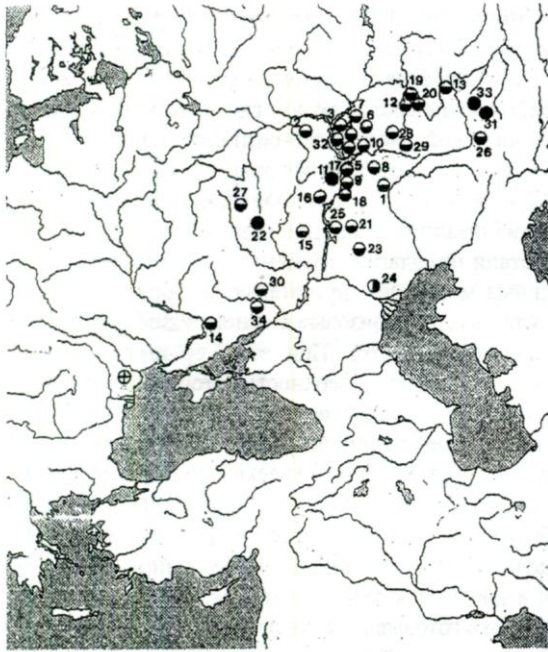

Рис. 1. Вещи из погребения 1 кургана 2 срубной культуры Ново-Ябалаклинского могильника

- 1 - Н. Озерное;
- 2 - Н. Байбатырово;
- 3 - Хрящевка;
- 4 - Золотая Нива;
- 5 - Луначарский; 7 - К. Враг;
- 8 - Волчанка;
- 9 - Федоровский;
- 10 - Подстепки;
- 11 - Алексеевка-II;
- 12 - Ст. Ябалаклинский;
- 13 - Спасское;
- 14 - П. Михайловка;
- 15 - Аткарск;
- 16 - Медяниково;
- 17 - Александровка;
- 18 - Натальино;
- 19 - Н. Ябалаклы;
- 20 - Елена;
- 21 - Мурманский;
- 22 - Мосоловка; 23 - Ченин;
- 24 - Комсомольский;
- 25 - Кочетное; 26 - Свердлово;
- 27 - Шкарин; 28 - Алексеевка;
- 29 - Пролетарка;
- 30 - Н. Кардашевка;
- 31 - Синташта;
- 32 - В. Белозерка;
- 33 - Большекараганский;
- 34 - В. Суходол.

Рис. 2. Памятники срубной культурно-исторической области с драгоценными металлами

- — покровская культура; ○ — срубная культура
- ⊙ — хвалынская культура; ⊕ — Бородинский клад

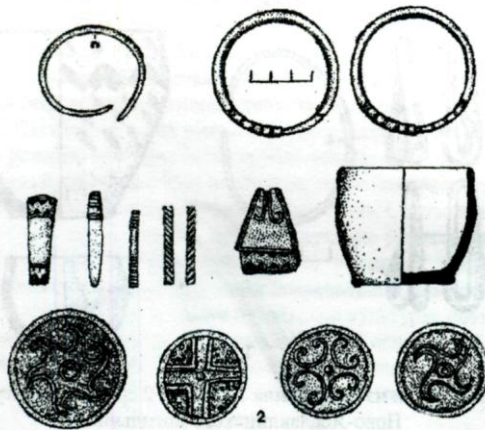

Рис. 3. Вещи из погребения 3 кургана 2 срубной культуры Ново-Ябалаклинского могильника

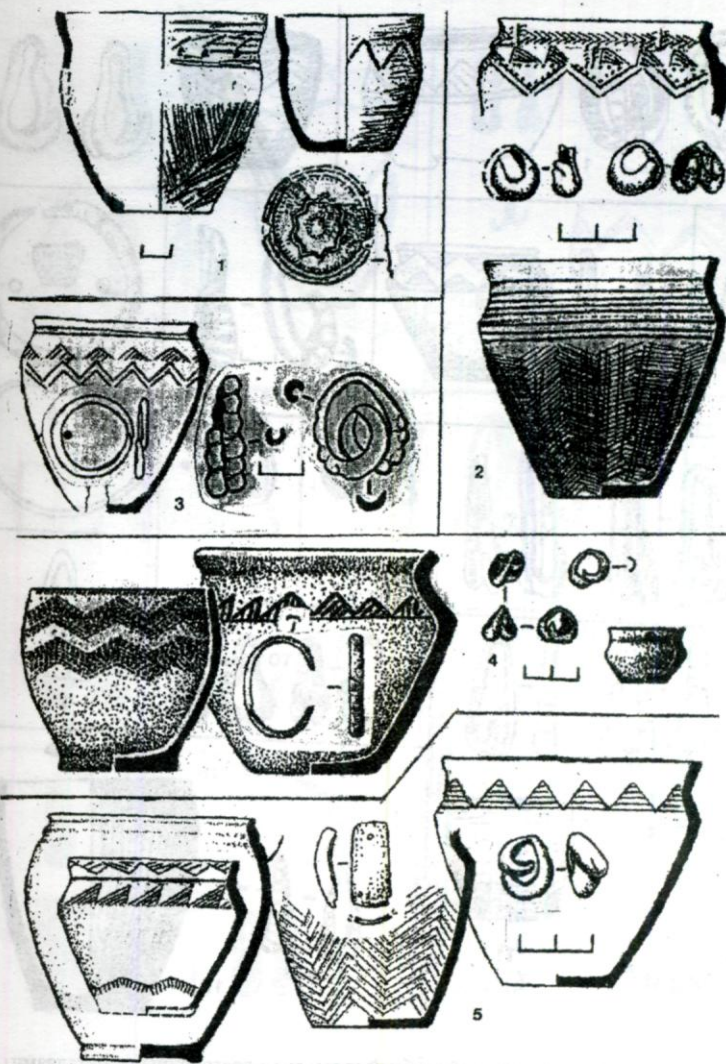

Рис. 4. Инвентарь покровских и покрово-синташинских погребений с драгоценными металлами: 1 – Шкарин. к. 5 п. 5; 2 – Синташинский могильник. п. 17; 3 – Алексеевка-2. п. 8; 4 – Большекарганский. к. 20 п. 3; 5 – Синташинский могильник. п. 13

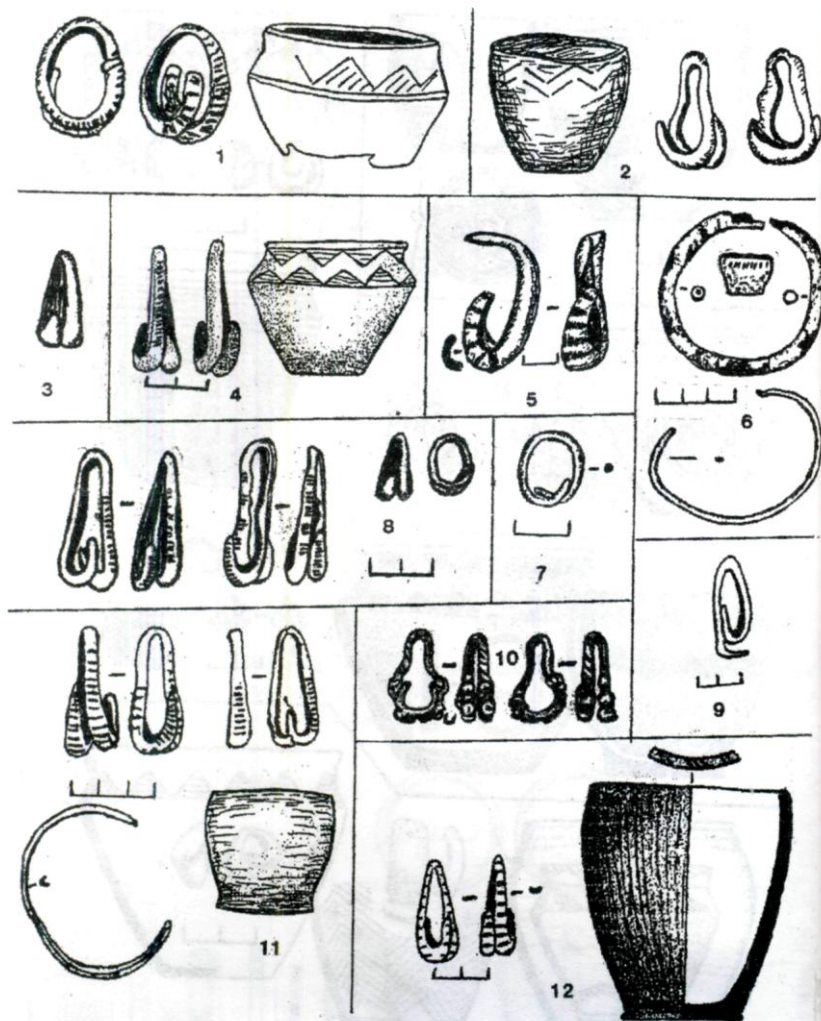

Рис. 5. Вещи из погребений срубной культуры с драгоценными металлами:
 1 - Н. Байбатырово. к. 1 п. 13; 2 - Хрящевка. к. 5 п. 13; 3 - Н. Озерное;
 4 - Луначарский. к. 1 п. 2; 5 - П. Михайловка; 6 - Лузановка. к. 8 п. 2;
 7 - Н. Кардашевка; 8 - Лузановка. к. 15 п. 12; 9 - Волчанка. к. 4 п. 8;
 10 - Золотая Нива-2. к. 1 п. 16; 11 - Старые Ябалаклы. к. 106 п. 8;
 12 - Ченин. к. 5 п. 3.

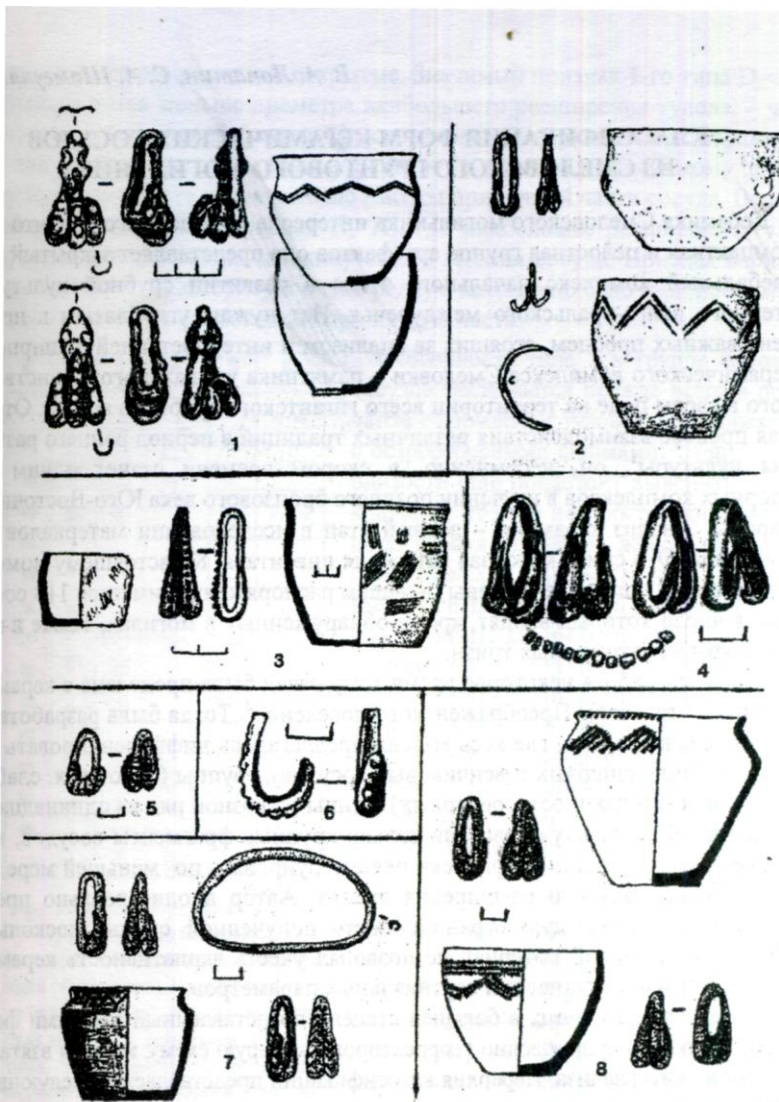

Рис. 6. Вещи из погребений срубной культуры с драгоценными металлами:
 1 - Алексеевка. к. 3 п. 4; 2 - Ст. Ябалакы к. 48 п. 3; 3 - Аткарск к. 1 п. 1;
 4 - Мурманский п. 2; 5 - Свердлово-4 к. 1 п. 37; 6 - Пролетарка-2 к. 1 п. 3;
 7 - Свердлово-4 к. 1 п. 5; 8 - Свердлово-4 к. 5 п. 2.

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ ИЗ СМЕЛОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА

Керамика Смеловского могильника интересна прежде всего тем, что как компактная и целостная группа артефактов она представляет закрытый погребальный комплекс начального этапа в развитии срубной культуры степного волго-уральского междуречья. Нет нужды углубляться в перечень важных проблем, стоящих за анализом и интерпретацией обширного керамического комплекса Смеловки – памятника уникального, единственного в своем роде на территории всего гигантского срубного ареала. Отражая процесс взаимодействия различных традиций в период раннего развития культуры¹, он, несомненно, в скором времени станет одним из опорных комплексов в изучении позднего бронзового века Юго-Восточной Европы. Анализ керамики – первый этап в исследовании материалов из Смеловки. Это самая массовая категория инвентаря. К настоящему моменту (раскопки еще не завершены) в нашем распоряжении имеется 118 сосудов, в число которых входят, кроме обнаруженных в могилах, также и экземпляры из автономных тризн.

Подобная работа некоторое время тому назад была проделана с керамическим комплексом Преображенского поселения². Тогда была разработана иерархическая схема, где весь массив предлагалось дифференцировать на отделы (безвенчиковых и венчиковых сосудов), группы (баночных, слабопрофилированных и остросереберных) и типы (сквозной ряд из одиннадцати пунктов). В анализе участвовали только крупные фрагменты сосудов, которые возможно было графически реконструировать по меньшей мере до линии максимального расширения тулова. Автор вполне реально представлял себе известную ограниченность полученной схемы, поскольку фрагментированный материал не позволял учесть вариативность керамических форм в соотношении вертикальных параметров.

Смеловский комплекс, в большей степени представленный полными формами, позволяет существенно скорректировать старую схему, которая взята за основу нового анализа. Иерархия классификации представляется следующим образом: отдел – группа – тип – вариант.

В отделе безвенчиковых сосудов содержится одна группа – баночные формы (рис. 1). Группа баночных сосудов делится на 4 типа: закрытые, бико-

¹ Лопатин В. А. Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южно-русских степей. Саратов, 1997. С. 60.

² Лопатин В. А. Классификация керамики Преображенского поселения // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 42–52.

нические, прямостенные и открытые. Значимый признак 1-го типа $D_2 < D_3$ – диаметр устья меньше диаметра наибольшего расширения тулова, – что и отражает закрытость формы. По соотношению вертикальных параметров 1 тип разделен на три варианта. Вариант 1а выделен по значимому признаку $H_2 < H_3$ – высота плеча меньше высоты придонной части сосуда. Вариант 1б имеет значимый признак $H_2 = H_3$, где наибольшее расширение тулова приходится как раз на середину общей высоты сосуда. Признак варианта 1в – $H_2 > H_3$ – характеризует очень редкую категорию баночной посуды, где плечо по высоте превосходит придонную часть.

1	2	3	4	5	6
БЕЗВЕНЧИКОВЫЕ	БАНОЧНЫЕ	$\frac{1}{1A}$			$H_2 < H_3$
		$\frac{1}{1B}$			$H_2 = H_3$
		$\frac{1}{1B}$	$D_2 < D_3$		$H_2 > H_3$
		$\frac{2}{2A}$			(-) ПЛ
		$\frac{2}{2B}$			(0) ПЛ
		$\frac{2}{2B}$	РЕБРО		(+) ПЛ
		$\frac{3}{3A}$			$H_2 < H_3$
		$\frac{3}{3B}$			$H_2 = H_3$
		$\frac{3}{3B}$	$D_2 = D_3$		$H_2 > H_3$
		$\frac{3}{3B}$			$H_2 > H_3$
		4			$D_2 \text{ макс}$

Рис. 1. Отдел безвенчиковых сосудов. Группа баночных: 1 –отдел, 2 – группа, 3 – индекс типа (числитель), индекс варианта (знаменатель), 4 – геометрическая модель и значимый признак типа, 5 –геометрическая модель варианта, 6 – значимый признак варианта

знак – показатель открытости формы, когда максимальным широтным параметром является диаметр устья.

В целом, группа баночных сосудов из Смеловского могильника характеризуется традиционным преобладанием закрытого типа и особенно вариантов 1а и 1б. На общем фоне довольно представительным является здесь и тип открытых банок.

Особенность типа 2 в группе баночных сосудов заключается прежде всего в реберчатом оформлении тулова, что сближает их с остросеберными формами. Степень этой близости еще предстоит выяснить. Не исключено, что это не просто единство технологических приемов лепки, но и некая семантическая преемственность. Значимые признаки вариантов данного типа банок – точные копии остросеберных типов – минусовой, нулевой или плюсовой показатели плеча. На этом основании выделены вогнутоплечие биконические банки (2а), прямоплечие (2б) и выпуклоплечие (2в).

Третий тип баночных сосудов (прямо-стенные) характерен равным соотношением диаметров устья и наибольшего рас-

ширения тулова ($D_2 = D_3$). Значимые признаки вариантов прямостенных сосудов те же, что и у вариантов закрытых банок: 3а – $H_2 < H_3$; 3б – $H_2 = H_3$; 3в – $H_2 > H_3$. Интересно, что чаще встречается тот вариант, где высота вертикальной стенки примерно равна высоте придонной части (2б).

Тип 4 (открытые баночные сосуды) не делится на варианты. Его значимый при-

Обширный отдел венчиковых сосудов содержит три группы: слабопрофилированных, острореберных и колоколовидных форм (рис. 2,3). Группа слабопрофилированных сосудов представлена четырьмя типами (в сквозном ряду – с 5 по 8).

Тип 5 – коротковенчиковые сосуды. Значимый признак $H_1 < H_2$ (высота венчика меньше высоты плеча). Данный тип весьма аморфен даже на общем фоне срубного керамического комплекса. Венчики и шейки некоторых экземпляров бывают здесь столь слабо выражены, что нередко возникает сомнение по поводу правомерности отнесения их к группе слабопрофилированных, а не баночных, сосудов. Тем не менее, даже очень слабые профили, при наличии венчиков и шеек, вряд ли бывали случайны.

1	2	3	4	5	6
ВЕНЧИКОВЫЕ	СЛАБОПРОФИЛИРОВАННЫЕ	$\frac{5}{5A}$			$D_1 < D_3$
		$\frac{5}{5B}$	$H_1 < H_2$		$D_1 = D_3$
		$\frac{6}{6A}$			$D_1 < D_3$
		$\frac{6}{6B}$	$H_1 = H_2$		$D_1 = D_3$
		7			$H_1 > H_2$
		8			$D_1 = D_2$
	ОСТРОРЕБЕРНЫЕ	9			(-) п.л.
		10			(o) п.л.
		11			(+) п.л.

Рис. 2

считаем данную терминологию ассоциативного порядка малопригодной и неконкретной для обозначения этой категории посуды. Тип 6 дифференцирован на два варианта по аналогичным с типом 5 значимым признакам: вариант 6а – $D_1 < D_3$ (закрытая форма); вариант 6б – $D_1 = D_3$ (открытая).

Тип 7 – слабопрофилированные сосуды с раструбовидными венчиками, известные в ком-

Тип 5 делится на два варианта по степени закрытости устья. Вариант 5а со значимым признаком $D_1 < D_3$ предполагает именно закрытую форму, где диаметр устья меньше диаметра наибольшего расширения тулова. Вариант 5б ($D_1 = D_3$), напротив, открытый, - характерен тем, что диаметр устья здесь равен максимальному расширению тулова.

Тип 6 – высоковенчиковые слабопрофилированные сосуды. Значимый признак $H_1 = H_2$ (высота венчика примерно равна высоте плеча). Сосуды данного типа, в отличие от предыдущих, хорошо профилированы. Как правило, в литературе их называют горшками, корчагами, округлобокими, округлоплечими и т. д. Мы по-прежнему

1	2	3	4	5	6
ВЕНЧИКОВЫЕ	КОЛОКОВИДНЫЕ	12			$D_1 \text{ max}$
		13			$D_1 = D_3$
		14			$D_1 < D_3$

Рис. 3

плексе Преображенки, в Смеловке не отмечены. Этот редкий тип интересен нам как местное (и весьма позднее) подражание традиционным колоколовидным формам Покровска. Возможность появления этого типа в погребальных материалах срубной культуры, в том числе и в Смеловке, не исключена, поэтому не лишним будет постоянно держать его в поле зрения.

Тип 8 – слабопрофилированные сосуды с вертикальными венчиками. Значимый признак $D_1=D_2$ (диаметр устья равен диаметру шейки). В смеловских материалах на варианты не распадается. Впрочем, вполне возможно, что в будущем удастся дифференцировать и этот тип. Например, в комплексе Калмыцкой Горы имеется реберчатый сосуд с вертикальным венчиком, абсолютно идентичный геометрической модели нашей схемы³. Смеловские же сосуды 8-го типа представлены только слабыми профилями с округленными стенками.

В группе остросеберных сосудов не отмечено ничего нового. Она по-прежнему представлена тремя типами со значимыми признаками, уже указанными здесь для биконических банок. Тип 9 – минусовой показатель плеча (вогнутоплечие остросеберные сосуды). Тип 10 – нулевой показатель (прямоплечие). Тип 11 – плюсовой показатель (выпуклоплечие). С небольшим перевесом здесь все же традиционно доминирует тип 10.

Совершенно новое явление в нашей схеме – третья группа отдела венчиковых сосудов – колоколовидная посуда, представленная тремя основными типами, отличающимися друг от друга степенью открытости формы. Тип 12 характерен максимальным широтным параметром по линии устья (D_1 – тах), что свойственно (и это общеизвестно) классическим абашевским формам.

Тип 13 – среднеоткрытые колоколовидные сосуды ($D_1=D_3$), у которых диаметр устья примерно равен диаметру наибольшего расширения тулова.

Тип 14 – закрытые колоколовидные сосуды ($D_1 < D_3$), где диаметр устья меньше максимального диаметра тулова.

Все три типа указанной группы представляют покровский компонент в материалах Смеловского могильника. Именно эти сосуды наиболее ярко маркируют и сам покровский тип в процессе сложения срубной культуры.

Определенно, указанные для группы колоколовидной керамики типы сосудов будут, со временем, дифференцированы на варианты. В материалах региона известны колоколовидные реберчатые формы, заметна вариативность в соотношениях вертикальных параметров. Из-за малочисленности сосудов этой группы в смеловском комплексе указаны пока только основные значимые признаки, позволяющие не нарушать иерархию схемы.

³ Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья // Свод археологических источников. Саратов, 1993. Вып. 10. С. 138, табл. 8, 27.

В большой работе по классификации обширного керамического комплекса срубной культуры методика, основанная на унификации значимых признаков, представляется пока довольно надежной. Только таким образом возможно будет систематизировать изначально не стандартизированные массовые артефакты. Без этого сравнение и корреляция комплексов вряд ли осуществимы. Поэтому, используя полученную схему и постоянно подвергая ее корректировке по мере подключения к анализу новых материалов, авторы надеются создать в будущем представительный классифицированный массив закрытых комплексов керамики, что будет значительным вкладом в решение сложных вопросов, связанных с проблемой генезиса срубной культуры.

Следующий шаг в данном исследовании намечен в сторону создания усовершенствованной классификации орнамента. И здесь основное внимание будет уделено вопросу орнаментальной традиции, феномену ее становления и преемственности.

А. А. Хреков

ГОРОДЕЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЬЕРЬЯ

Очерчивая ареал городской культуры, В. Г. Миронов и В. П. Левенок выделили среди шести ее локальных вариантов и юго-восточный, охватывающий правобережье Волги и верхние бассейны Суры, Хопра и Медведицы¹. Южная граница этого варианта проходит по линии Саратов–Балашов – правобережье Дона, примерно до р. Потудань. Тогда на археологической карте бассейна Хопра и Медведицы значилось всего пять пунктов², информативность которых была незначительной.

Первые сведения о находках городецкой керамики в бассейне Хопра поступили от П. С. Рыкова в 1930 г., при исследовании экспедицией СГУ Дурникинское городище и дюн близ с. Рассказань³. Дурникинское городище находится в 4 км от села (современное Подгорное), на высотах правого берега, в устье р. Карай. С напольной стороны оно имело вал, а в центральной части устроен четырехугольник, обнесенный валом в 55 м. В 1965 г. В. И. Матвеев и А. А. Кривонос повторно обнаружили городецкую

¹ Левенок В. П., Миронов В. Г. К вопросу о новом районе городецкой культуры на Дону // Советская археология. 1976. № 2. С. 17–20.

² Миронов В. Г. Очерк истории исследований городецких поселений в Саратовском Поволжье // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1989. С. 110, 117.

³ Рыков П. С. Отчет об археологических работах в 1930 г., произведенных в Нижневолжском крае. Архив АОИА. 1931. № 795. Л. 7. Попытка Е. К. Максимова и А. А. Хрекова установить местонахождение Дурникинское городища не дала положительного результата.

керамику около с. Рассказань⁴. Два селища близ с. Красный Полуостров и Трубетчино были открыты в 1966 г. Ю. В. Деревягиным, во время разведки по Хопру⁵.

Сейчас круг источников по городецкой культуре в бассейне Хопра значительно расширился⁶. Вновь выявлено 16 памятников. Эти открытия позволяют на новом источниковедческом уровне решить и поставить ряд вопросов связанных с этнокультурной истории лесостепного Прихоперья в раннем железном веке (рис. 1).

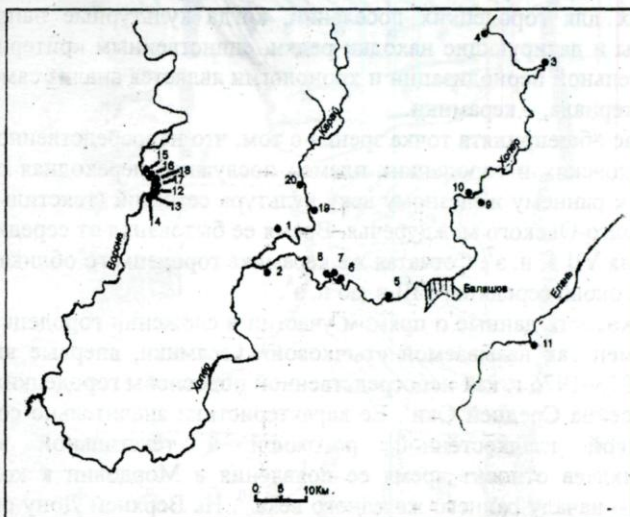

Рис. 1. Археологические памятники городецкой культуры в бассейне Хопра:

- 1 – Дурникино; 2 – Рассказань; 3 – Трубетчино; 5 – Никольевка; 6 – Алмазово I; 7 – Алмазово II; 8 – Алмазово III; 9 – Котоврас; 10 – Пады; 11 – Борки; 12 – Шапкино I, дюна 3; 13 – Шапкино I, дюна 4; 14 – Шапкино II; 15 – Шапкино IV; 16 – Шапкино III; 17 – Шапкино I, дюна 5; 18 – Шапкино VI; 19 – Подгорное; 20 – Романовка

⁴ *Либеров П. Д., Пузикова А. И.* Отчет о раскопках в Белгородской и Воронежской областях, произведенных Лесостепной скифской археологической экспедицией (1965). Архив ИА РАН. № 3126.

⁵ *Деревягин Ю. В.* Юному туристу-археологу // Изучай родной край и изучай его богатства. Саратов, 1976. С. 127–128.

⁶ *Хреков А. А.* Исследования в бассейне р. Хопер // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 178; *Его же.* Исследования на Хопре // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 157; *Его же.* Работы Балашовского краеведческого музея // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 98–99; *Его же.* Исследования в бассейне р. Хопер // Археологические открытия 1984 года. М., 1986. С. 82–83. Эти археологические исследования проведены экспедициями музея краеведения и детской станции туристов г. Балашова, а также Комитета по историко-культурному наследию Саратовской области под руководством автора.

По топографическим особенностям расположения памятники условно распределяются на три типа. Первый образуют поселения в поймах и на дюнах: Рассказань, Подгорное, Шапкино I (дюны 3–5), Романовка, Барки. Ко второму отнесены те, которые связаны с первой надпойменной террасой: Алмазово II, III, Котоврас, Пады. Селища и городища на коренных террасах: Дурникинское, Красный Полуостров, Трубетчино, Никольевка, Алмазово I, Шапкино II, III, IV, VI, – включены в третий тип.

Памятники не равноценны по своей информативности. В условиях обычных для городецких поселений, когда культурные напластования смешаны и датирующие находки редки, единственным критерием для их относительной периодизации и хронологии является анализ самого массового материала, – керамики.

Сейчас общепринята точка зрения о том, что непосредственной основой для дьяковских и городецких племен послужила переходная от поздней бронзы к раннему железному веку культура сетчатой (текстильной) керамики Волго-Окского междуречья. Время ее бытования от середины XI в. – до начала VII в. н. э.⁷ Сетчатая же керамика городецкого облика отмечается лишь около середины VIII в. до н. э.⁸

Однако, есть данные о прямом участии в сложении городецкой культуры племен так называемой «тычковой» керамики, впервые выделенной еще в 1973–1976 г. как непосредственной подосновы городецких памятников бассейна Средней Оки⁹. Ее характеристики значительно совпадают с городецкой гладкостенной, рогожной и текстильной керамикой. В. И. Вихляев относит время ее появления в Мордовии к концу эпохи бронзы – началу раннего железного века¹⁰. На Верхнем Дону она отмечается уже в первые столетия I тыс. до н. э., и стыкуется с прагородецкой текстильной керамикой в VIII–VII вв. до н. э., а с рогожной – не ранее VI в. до н. э.¹¹

Самые ранние свидетельства появления в лесостепном Прихоперье текстильной и тычковой керамики обнаружены нами на дюнной стоянке расположенной близ с. Подгорное Романовского района Саратовской облас-

⁷ Фаломеев Б. А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993. С. 3–21.

⁸ Там же. С. 13–21.

⁹ Миронов В. Г. Памятники городецкой культуры и проблеме ее локальных вариантов: Диссертация кандидата исторических наук. М., 1976.

¹⁰ Вихляев В. И. Керамика Ново-Пшеневского городища в Мордовии // Советская археология. 1986. № 1. С. 198–208.

¹¹ Медведев А. П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века // Российская археология. 1993. № 4. С. 65–77.

ти¹². Она находится в пойме левого берега р. Карай в 0,4 км к северу от села. Вскрытая площадь культурного слоя 72 кв. м., а мощность около 1 м. Керамический комплекс с текстильным и тычковым орнаментом концентрируется на глубине 0,6–0,4 м. от современной поверхности. Верхнее стратиграфическое положение занимала рогожная и постзарубинецкая посуда. Ниже находились материалы средней бронзы – энеолита и неолита.

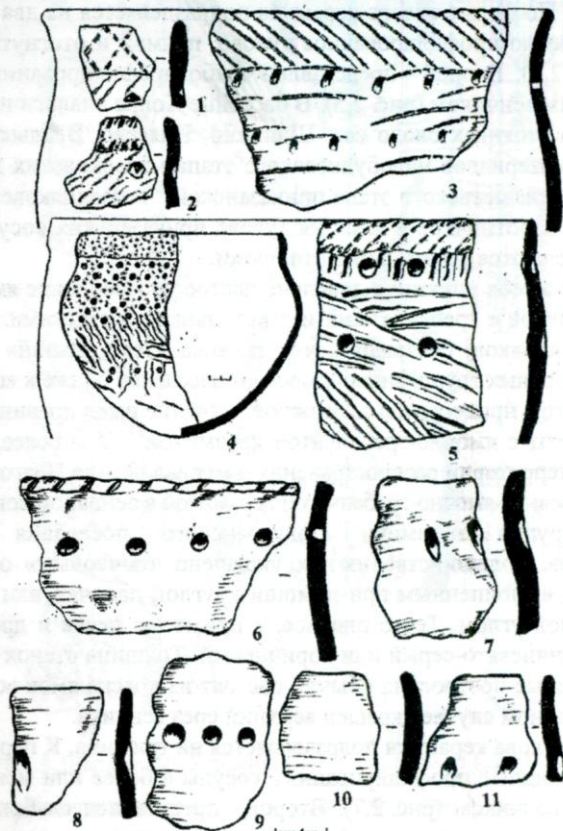

Рис. 2. Подгорное. Керамика

Текстильная керамика (1 развал, 3 стенки, 2 венчика) встречена в одном комплексе с гребенчато-ямочной посудой (42 фрагмента). Она изготовлена из глины с добавлением песка. Толщина стенок 0,5–0,7 см., поверхность

¹² Хреков А. А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1992 год по раскопам у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области и с. Подгорное Романовского Саратовской области.

серовато-коричневая. Большая часть черепков покрыта гребенчато-ямочным орнаментом при подчиненной роли ямок (рис. 2,1–5). По форме ямки: округлые, треугольные, подпрямоугольные и зерновидные. Иногда гребенчато-ямочный орнамент дополнен продолговатыми ячейками, «сеткой» или «шпагатом» (рис. 2,2,4–5). Венчики прямые, иногда отогнуты наружу или с напылом в виде воротничка (рис. 2,1,5). Днища округлые или уплощенные. По форме тулова керамика подразделяется на два типа. Первый тип – сильно профилированное тулово, прямой и отогнутый наружу венчик (рис. 2,4). Второй – представлен слабо профилированными горшками с прямым венчиком (рис. 2,5). В бассейне Хопра аналогичные сосуды встречены на стоянках около сел: Шапкино, Инясево, Владыкино¹³. Они известны из материалов малобудковского этапа марьяновских древностей Украины¹⁴, маклашеевского этапа приказанской¹⁵ и поздняяковской¹⁶ культур. Помимо воротничков и ямок на тулове приказанских сосудов спорадически встречаются текстильные отпечатки.

Обращает на себя внимание довольно частое употребление ямок в орнаментации сосудов с гребенчатыми и текстильными отпечатками. Очевидно, прав П. Н. Третьяков, считавший, что техника «текстильной» обработки возникла у западных групп финно-угорского населения ближе к концу II тыс. до н. э., и в этом процессе немаловажное значение имел древний неолитический субстрат с ямочно-гребенчатой керамикой¹⁷. Тем более, что в бассейне Хопра территории распространения материалов типа Подгорного и паятнников с древней ямочно-гребенчатой керамикой в основном совпадают.

Вторая группа керамики Подгоренского поселения включает 56 фрагментов. Большинство из них украшено «тычковым» орнаментом (рис. 2,6–11), выполненным при помощи круглой палочки или щепы, поставленной под углом. Тесто плотное, с примесью песка и дресвы. Цвет черепков коричневато-серый или коричневый. Толщина стенок 0,4–0,8 см. Композиционные построения обычно состоят из пояски ямок вокруг тулова сосуда. В одном случае украшен верхний срез венчика.

По форме тулова керамика подразделяется на три типа. К первому относятся горшковидные профилированные сосуды с более или менее отогнутым наружу венчиком (рис. 2,7). Второй – представлен слабопрофилиро-

¹³ Хреков А. А. О воротничковой керамике с гребенчато-ямочной орнаментацией // Археология Восточно-европейской степи. Саратов, 1989. С. 124–125.

¹⁴ Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982. С. 42–46.

¹⁵ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 303–304.

¹⁶ Артемова В. Д. Поселение поздняяковской культуры Андреевка IV // Древние поселения Приокшанья. Саранск, 1992. Вып. 104. С. 73–75.

¹⁷ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л., 1966. С. 141.

ванными горшками с невысоким и прямым венчиком (рис. 2,8,11). Третий – включает единичные фрагменты банок с загнутым внутрь венчиком (рис. 2,10).

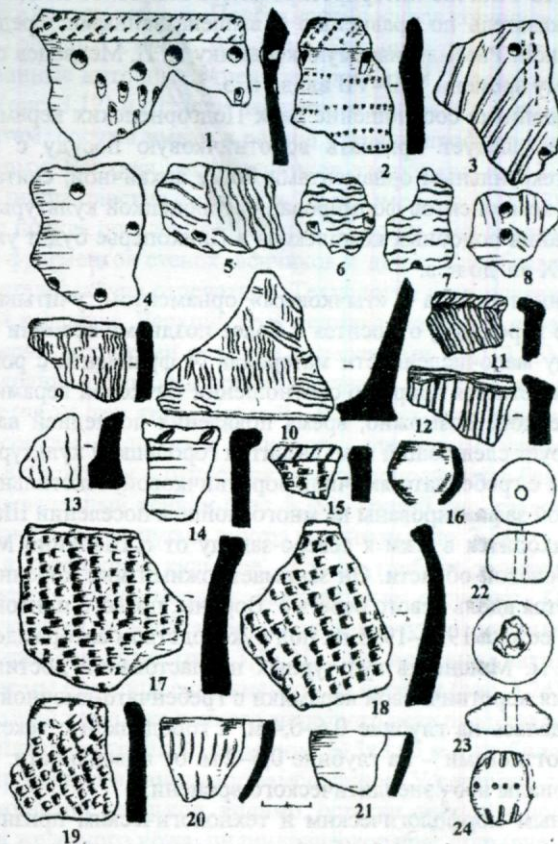

Рис. 3. Шапкино VI. Керамика (1–21) и изделия из глины (22–23)

По морфологическим признакам и составу теста сосуды второй группы сопоставимы с керамикой финального горизонта культур эпохи бронзы лесной и, отчасти, лесостепной полосы Восточной Европы. Для ее культурной атрибуции весьма показательной является орнаментация округлой палочкой или щепкой. По этому признаку сосуды второй группы из Подгорного сближаются с так называемой «тычковой» керамикой Средней Оки, Примокшанья и Верхнего Подонья.

Однако, сопоставляя гладкостенную тычковую керамику Пекшевского городища со среднеокской, примокшанской и бондарихинской, А. П. Медведев обратил внимание на одно существенное различие между ними. У

последних тычковый орнамент часто располагался по всему тулову. На пекшевской и подгорненской керамике он ограничивается одним рядом вдавлений. Это отличие интерпретировалось как более поздний хронологический показатель по сравнению с вышеназванными: среднеокской и бондарихинской. Рассматриваемую керамику А. П. Медведев отнес к раннегородецкому времени VIII–VII вв. до н. э.¹⁸

Поэтому оценивая соотношение двух Подгорненских керамических серий в целом, следует признать воротничковую посуду с гребенчато-ямочным и текстильным орнаментами более архаичной, считая ее одним из основных компонентов формирования городецкой культуры. Вероятно, время бытования подобных комплексов в Прихоперье будет укладываться в рамках X–IX вв. до н. э.

Гладкостенная посуда с «тычковым» орнаментом, учитывая аналогии Пекшевского городища, относится к более позднему времени VIII–VII вв. до н. э. Ввиду малочисленности материала (4 фрагмента с рогожкой) открытым пока остается вопрос о соотношении тычковой керамики и собственно городецкой. Возможно, время появления последней на памятнике характеризует следующий этап развития городецкой культуры.

Комплексы с гребенчато-ямочной воротничковой, текстильной и рогожной керамикой зафиксированы на многослойном поселении Шапкино VI¹⁹. Памятник находится в 2 км к северо-западу от с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Он занимает южный мыс коренной террасы, которая тянется вдоль левого берега р. Вороны, правого притока Хопра. За три полевых сезона 1991–1993 гг. под руководством автора здесь исследовано 608 кв. м. Мощность культурных напластований достигает 0,8–1 м. Концентрация воротничковой керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией наблюдалась на глубине 0,6–0,4 м, а городецкой с текстильными и рогожными оттисками – на глубине 0,5–2 м. от поверхности. Ниже отмечались материалы неолитического времени.

По основным морфологическим и технологическим признакам воротничковая гребенчато-ямочная (54 фрагмента) керамика не отличается от аналогичных сосудов из Подгорного. В орнаментации господствуют оттиски гребенки. Вспомогательную роль играют округлые рамки, тычки, изредка встречаются текстильные отпечатки и бороздки – штрихи, протасенные гребенкой (рис. 3,1–8). Отдельные фрагменты имели гладкую поверхность с разреженными ямками (рис. 3,4). Таким образом, и здесь прослеживается довольно устойчивая связь с более поздней текстильной посудой.

¹⁸ Медведев А. П. Об этнокультурной ситуации... С. 71.

¹⁹ Хреков А. А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1991 год по раскопам у с. Инясево Романовского района Саратовской области и с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области.

Комплекс городецкой керамики по способу обработки поверхности подразделяется на два типа – текстильный и рогожный. Текстильной посуды 42 фрагмента. Она изготовлена из глины с добавлением мелкозернистого песка и редких зерен шамота. Поверхность сосудов коричневато-сероватых оттенков. Толщина стенок 0,5–1 см. Большинство фрагментов имеют сгруппированные ниточные отпечатки (рис. 3,9–11), реже встречаются бороздчатые (рис. 3,12) и оттиски перевитого шнура. Судя по сохранившимся фрагментам, сосуды имели в разной степени профилированную банковидную форму. Верхняя часть венчиков закруглена или Т- и Г-образно утолщена. Днища плоские с закраиной и без нее (рис. 3,10,13).

Рогожная посуда поселения Шапкино VI более многочисленная и насчитывает 125 фрагментов стенок, венчиков и днищ. Преобладают крупно- и среднеячеистая фактура отпечатков. Технология изготовления аналогична текстильной керамике. Верхний край венчиков таким же образом утолщен, изредка покрыт оттисками рогожки и нарезками (рис. 3,15). Днища плоские без закраин. По профилировке венчиков и тулова, рогожная посуда подразделяется на три типа. Первый – включает профилированные горшковидные сосуды с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 3,17). Ко второму – относятся непрофилированные банки, имеющие прямой невыделенный венчик (рис. 3,19). Третий тип представлен округлобокими банками с загнутым внутрь венчиком (рис. 3,18).

Видимо, к городецкой культуре, судя по глубине залегания и фактуре теста, относятся миниатюрные банковидные сосудики. Один из них (рис. 3,20) украшен горизонтальными рядками чуть изогнутых насечек, два других – гладкостенные (рис. 3,16,21). Из вещевых находок отметим овальной формы пряслице с орнаментом из насечек (рис. 3,24).

Строительный комплекс раннего железного века представлен подпрямоугольной в плане постройкой, размером 4,15х3,65 м и глубиной в материке 0,3 м. Ее дно ровное и заметно утрамбованное. У северной стенки зафиксировано скопление угольков, видимо, остатки очага. На полу обнаружены: обломок железного ножа, цилиндрическое пряслице (рис. 3,22), грузик дьяковского типа (рис. 3,23) и фрагменты керамики с текстильными и рогожными отпечатками. Почти в центре постройки находился развал горшковидного толстостенного сосуда, поверхность которого заглажена небрежными бороздами-штрихами.

Для датировки и культурной атрибуции памятника основную массу данных дает керамика. Своеобразным хронологическим маркером являются единичные фрагменты скифоидной и рогожной керамики с насечками и защипами по верхнему срезу венчика (рис. 3,14). Наличие скифоидных элементов в городецкой керамике, в виде защипов или широких зарубок по венчику, а также переход от баночных к профилированным формам харак-

теризует ее ранний этап VI–V вв. до н. э.²⁰. Следует отметить, что абсолютная и относительная хронологии городецких керамических комплексов пока разработаны не в полной мере и нуждаются в корректировке.

В районе Шапкино, помимо поселений на террасах, представительная коллекция городецкой текстильной и рогожной посуды обнаружена в пойме, на дюнах (Шапкино I), по левому берегу р. Вороны. Раскопками исследовались дюны № 3–5.

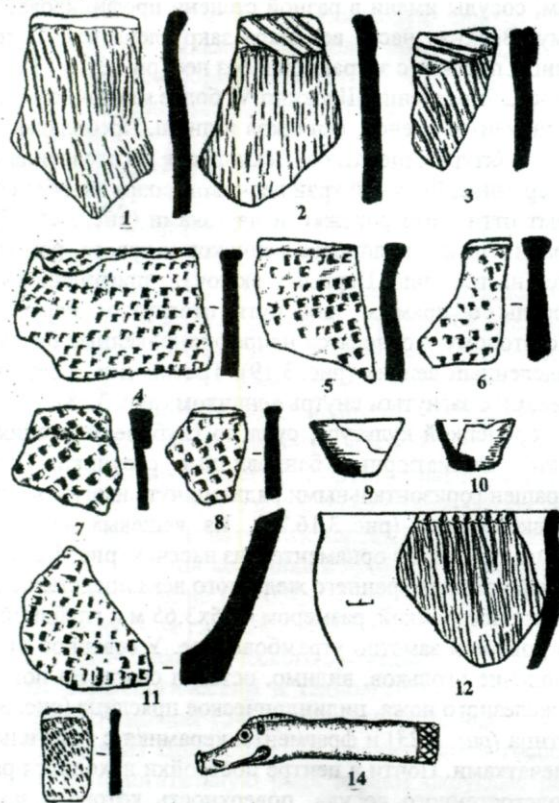

Рис. 4. Шапкино I. Дюна 4. Керамика (1–13) и изделия из бронзы (14)

Наиболее интересные данные получены на дюне № 4. Здесь в 1981–1984 гг. вскрыто 1150 кв. м. Мощностъ культурных напластований до 0,8 м. Городецкая керамика концентрировалась на глубине 0,4–0,15 м от поверхности. Ниже находились материалы эпохи бронзы, энеолита, неолита.

²⁰ Миронов В. Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995. Вып. 4. С. 78–79.

та. По способу обработки поверхности керамика подразделяется на текстильную (49 фрагментов) и рогожную (96 фрагментов). Последняя существенно преобладает. Все сосуды сформованы из хорошо промешанной глины с примесью мелкого песка и отдельных зерен шамота. Цвет черепков – темно-коричневый, коричневый и серый с красноватым оттенком. Толщина стенок 0,4–0,75 см. Днища плоские с закраиной и без нее (рис. 4,10).

Вся внешняя поверхность текстильной керамики, в том числе и венчики, покрыты сгруппированными вертикальными и наклонными ниточными отпечатками (рис. 4,1–3). Одним экземпляром представлен венчик с рябчатыми отгисками (рис. 4,12). Большинство венчиков с внешней стороны имеет наплыв в виде широкого плоского (рис. 4,2–3), или закругленного воротничка (рис. 4,1). По форме тулова и профилировке венчика выделяются три типа керамики. Первый – представлен горшками со слабопрофилированным туловом и чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 4,1). По форме приближаются к профилированным банкам. Ко второму – относятся банки со слабо профилированным выпуклым туловом и загнутым внутрь венчиком (рис. 4,2). Третий включает непрофилированные бокаловидные банки с прямым венчиком (рис. 4,3).

На рогожной керамике преобладают крупно- и среднеячеистые отпечатки штампа. Помимо широкого воротничкового наплыва (рис. 4,7), встречаются Т- и Г-образные утолщенные формы (рис. 4,4–6,8) венчиков. Выделяются два типа посуды. Первый – горшковидные сосуды, с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком и выпуклым туловом (рис. 4,5). Второй – образуют слабо профилированные банковидные формы, с прямым иногда загнутым вовнутрь, и не выделенным венчиком (рис. 4, 4, 6–8). Кроме того, к городецкому комплексу относятся две чашевидные баночки (рис. 4,9–10).

В восточной части раскопа дюны № 4 выявлено жилое сооружение. Подпрямоугольная полужемлянка с закругленными углами, имела размеры 6,1х3,8 м и глубину в материке 0,5 м. Длинными сторонами она ориентирована по линии СВ – ЮЗ. По периметру зафиксированы приступки шириной от 0,1 до 2 м, глубиной в материк до 0,1 м., вероятно, выполнявшие функцию лежанок и две столбовые ямки диаметром 0,2–0,3 м. В центре имеется чашевидное углубление, размером 3х2,5 м, с утрамбованным дном и двумя более крупными ямами.

Первая яма овальной формы 1,2х0,55 м, глубиной в материке до 1 м. Ее стенки прокалены, заполнение: темная золотистая супесь, мелкие кальцинированные кости животных, угольки и фрагменты (34) рогожной керамики. Судя по заполнению, яма представляла собой очажное сооружение. Вторая яма, такой же формы, размером 0,85х0,7 м, глубиной до 0,5 м была заполнена темной супесью. Кроме того, на дне жилищной впадины встречены: миниатюрный гладкостенный сосудик, керамика с рогожными и тек-

текстильными отпечатками, каменный зооморфный предмет и несколько кремневых отщепов.

Оценивая соотношение двух керамических серий стоянки Шапкино I, следует отметить, что они оставлены одной и той же этнической группой. На это указывает технология изготовления, состав теста и совместное залегание керамики. Для определения хронологической позиции памятника некоторое значение имеет фрагмент горшковидного сосуда с бороздчатой поверхностью и валико-образным зашипным венчиком (рис. 4,12). Подобный способ оформления венчика широко практиковался скифоидными племенами Посеймья и Подонья в VI–V вв. до н. э.²¹ Городецкая посуда со скифоидными чертами выделена на Верхнем Дону А. П. Медведевым на стоянке Студеновка, время бытования которой относится к 6–5 вв. до н. э.²²

Эту дату для керамического комплекса Шапкино I подтверждает находка прекрасно сохранившейся бронзовой рукоятки ножа в виде вытянутой головы кабана (рис. 4,14). Внутри рукоятки сохранились остатки черешка от железного однолезвийного ножа. В Восточной Европе находки биметаллических ножей с зооморфными навершиями крайне редки. Немного их у ананьинцев, скифов и савроматов. Однако принято считать такие изделия достаточно ранними и датировать их VI–V вв. до н. э. Вряд ли биметаллический характер этих предметов может свидетельствовать о IV веке до н. э.²³ Вероятнее всего, фрагмент ножа из Шапкино относится к VI–V вв. до н. э.

«Чистый» комплекс рогожной керамики выявлен на многослойном городище близ с. Никольевки Балашовского района Саратовской области. Оно расположено на мысу правого русла коренного берега р. Хопер, в 1,5 км к юго-западу от села. С восточной и западной стороны городище ограничено глубоким оврагом и старицей Хопра, а с напольной – хорошо просматривается ров с валом. В 1978–1980, 1984 гг. на городище вскрыто около 500 кв. м. площади²⁴.

Городецкая керамика (218 фрагментов) концентрировалась на глубине 0,6–0,2 м. от поверхности. За исключением единичных экземпляров с гладкой и текстильной поверхностью, вся керамика рогожная. В тесте доминирует примесь мелкого песка и отдельных зерен шамота. Цвет черепков коричневый и темно-серый. Толщина стенок 0,5–0,7 см. Внешняя поверхность покрыта различными вариантами штампа. Преобладают мелко- и среднеячеистая фактуры отпечатков. Техника их нанесения небрежная, в отдель-

²¹ Пузикова А. И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М., 1997. С. 49, рис. 13.

²² Медведев А. П. Об этнокультурной ситуации... С. 73–75.

²³ Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. С. 150.

²⁴ Хреков А. А. Исследования на Хопре // Археологические открытия. 1980 года. М., 1981. С. 157.

ных случаях беспорядочная. Иногда они едва выделяются или имеют аморфные очертания.

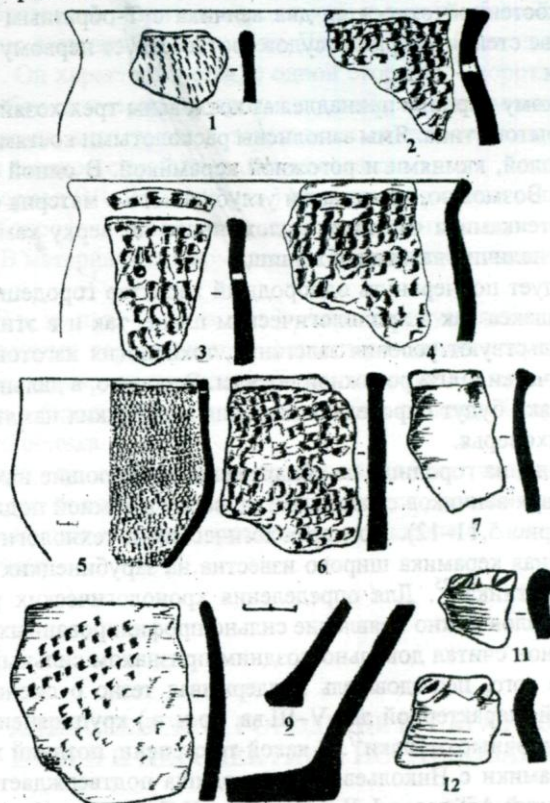

Рис. 5. Никольевка. Керамика

Венчики, в основном, Т- и Г-образные (рис. 5,2-4,6-7). В отличие от других памятников, в Никольевке встречены и упрощенные формы венчиков – без утолщения верхней части, с округлым и приостренным срезом. Все днища плоские, с закраиной и без нее (рис. 5,9-10). Выделяются четыре типа сосудов.

Первый – горшковидные с сильно профилированным туловом и отогнутым наружу венчиком (рис. 5,2,4). Второй – также горшковидные, но с прямым венчиком и более или менее профилированным туловом. Эти сосуды по форме напоминают тюльпановидные (рис. 5,5). Третий – банки с прямым или слабопрофилированным туловом (рис. 5,6). Четвертый – банки с профилированным туловом и загнутым внутрь венчиком (рис. 5,8).

Керамика с текстильным орнаментом представлена только фрагментом венчика с незначительным утолщением в верхней части (рис. 5,1) и стенкой. К гладкостенной относятся два венчика с Т-образным утолщением (рис. 5,7) и две стенки. Форма сосудов соответствует первому типу рогожной керамики.

К городецкому периоду принадлежат котлованы трех хозяйственных ям и очагов открытого типа. Ямы заполнены расколотыми костями животных, угольками, золой, камнями и рогожной керамикой. В одной яме есть кусочки шлака. Возможно, что остатки углубленного в материк очага, с прокаленными стенками и частично выложенного по верху камнями свидетельствуют о наличии наземного жилища.

Особо следует подчеркнуть однородный характер городецкого керамического комплекса как в хронологическом плане, так и в этническом. Об этом свидетельствуют условия залегания, технология изготовления и наличие практически 100% рогожной посуды. Вероятно, в дальнейшем эти и другие признаки будут определяющими для городецких памятников лесостепного Прихоперья.

К сожалению, на городище не обнаружены датирующие находки, за исключением двух венчиков с заплатами по верху и темной подлощенной поверхностью (рис. 5,11–12). По морфологическим и технологическим признакам подобная керамика широко известна на зарубинецких и постзарубинецких памятниках²⁵. Для определения хронологических рамок городецких материалов важно появление сильно профилированных сосудов.

В. Г. Миронов считал довольно поздним признаком сильный отгиб венчика²⁶. Кроме того, исследователь поддерживал тезис о смене к III–II вв. до н. э. ранней (характерной для V–III вв. до н. э.) крупноячеистой фактуры на беспорядочные оттиски²⁷. В какой-то степени, поздний характер городецкой керамики с Никольевского городища подтверждается материалами с поселений Алмазово I–II и Шапкино II. Совпадают формы сосудов, технология изготовления, фактура рогожного штампа, отсутствие текстильной керамики и появление гладкостенной посуды.

На поселении Шапкино II в пяти хозяйственных ямах с типично постзарубинецкой грубой и лощеной посудой обнаружена рогожная керамика. Судя по заполнению ямы, вряд ли «рогожка» оказалась здесь случайно, что, возможно, является поводом для их частичной синхронизации. Сочетание лощеной и рогожной посуды, со сглаженными и небрежными отпечатками, отмечено на таком позднем памятнике, как Троице-Пеленицкое

²⁵ Обломский А. М., Терпиловский Р. В. среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991. С. 32–33.

²⁶ Миронов В. Г. Памятники городецкой культуры... С. 94–95.

²⁷ Миронов В. Г. Городецкая культура: состояние проблем... С. 79.

городище²⁸. В предварительном плане городецкие материалы лесостепного Прихоперья типа Никольевки можно датировать II в. до н. э. – I–II вв. н. э.

Таким образом, в развитии городецкой культуры бассейна Хопра уже сейчас можно выделить три периода. Первый (IX–VII вв. до н. э.) – прото-городецкий. Он характеризуется, с одной стороны, – воротничковой керамикой с гребенчато-ямочной орнаментацией, иногда дополненной штрихами-бороздами, ячеистыми и текстильными отпечатками, а с другой, – появлением гладкостенной посуды с «тычками».

Второй период (VI–IV вв. до н. э.) выделяется в самом общем плане. Керамика слабопрофилированная текстильная и рогожная, с преобладанием последней. В материальных комплексах фиксируется наличие скифоидных элементов.

Третий (II в. до н. э. – I–II вв. н. э.) – характеризуется появлением сильно профилированных горшковидных форм и рогожной посуды со сглаженными и небрежными отпечатками. Диагностирующим признаком является присутствие в городецких комплексах грубой и лощеной керамики постзарубинецкого облика.

Естественно, что предложенная периодизация – это только рабочая схема, которая нуждается в корректировке и дополнении. Дальнейшие исследования дадут более полное и разностороннее представление о городецкой культуре данного региона.

А. И. Юдин

АЛЕКСЕЕВСКОЕ ГОРОДИЩЕ В САРАТОВЕ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На территории Саратова насчитывается около десятка археологических памятников. Самыми известными из них являются золотоордынский город Увек (Укек) и Алексеевское городище, расположенное в Волжском районе города, к востоку от поселка «Юбилейный». Алексеевское городище занимает высокий мыс с крутыми берегами, ограниченный с севера и юга оврагами (Дудаковским и Алексеевским), а с востока – Волгой. Поэтому свободный доступ к памятнику есть только с западной, напольной стороны. Именно в этом месте мыс перегорожен оборонительными рвом и валом.

²⁸ *Смирнов А. П., Трубникова Н. В.* Городецкая культура // Советские археологические исследования. М., 1965. Вып. Д–1–14.

Удобное расположение рядом с Волгой, обрывистые берега, являющиеся естественной защитой, привлекали сюда людей на протяжении нескольких исторических эпох. За время функционирования памятника на некоторых участках накопился культурный слой толщиной до двух метров.

Алексеевское городище периодически осматривается и исследуется археологами с 20-х годов. За прошедшие годы получена интересная коллекция находок различного времени – начиная с эпохи средней бронзы до средневековья¹. Первые материалы с городища собраны и переданы в Саратовский краеведческий музей С. Н. Черновым и П. Н. Шишкиным в 1921 году. Именно этим годом отмечено поступление небольшой коллекции разновременной керамики. Кроме того, П. Н. Шишкин в 1921–1923 гг. совместно с А. А. Кротковым производит здесь небольшие раскопки. В эти же годы городище посещает и П. С. Рыков, что засвидетельствовано еще одной партией находок, а в 1925 году он начинает разведочные раскопки. В своем отчете по итогам работ П. С. Рыков напишет, что “в настоящее время о нем (Алексеевском городище. – А. Ю.) нельзя сказать чего-либо определенного, так как городище исследовано лишь предварительно”².

Тем не менее, уже после первого года раскопок им установлено, что городище было заселено еще в бронзовую эпоху, в раннем железном веке занято “каким-то финским племенем”, а в средние века – татарским населением. Высказано предположение об увеличении площади городища в золотоордынское время, когда был насыпан второй вал, и утрате древнейшей части памятника – «обвалилась в Волгу уже в позднейшее время, так как здесь, по обрыву, находятся и поздние золотоордынские погребения».

К моменту раскопок городище, по описанию П. С. Рыкова, имело в плане форму прямоугольника с вогнутыми длинными сторонами, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток. Длина городища от Волги до вала 160 м, ширина от 70 до 110 м. Три разведочные траншеи были заложены по краю берега над Волгой. В других местах копать было невозможно, так как вся площадь городища была засеяна пшеницей. Полученные разрезы показали одинаковую стратиграфическую картину. Культурные напластования достигали полутора метров и включали три слоя: «хвалынский» или «поздне-срубный», с «рогожной» керамикой и золотоордынский. Кроме керамических находок, слои содержали куски железного шлака, железные ножи, ножницы, фрагмент глиняной льячки. В траншеях 1 и 2

¹ Наиболее полная сводка об источниках и музейных коллекциях по Алексеевскому городищу приведена в статье: *Миронов В. Г.* Очерк истории исследований городищских поселений в Саратовском Поволжье в 1918–1977 годы (Материалы к археологической карте Нижнего Поволжья) // *Археология Восточно-европейской степи.* Саратов, 1989.

² *Рыков П.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // *Извест. краевед. ин-та изучения Юго-Восточной области.* Саратов, 1926. Т. 1. С. 96.

обнаружены погребения. Скелеты лежат вытянуто, ориентированы в юго-западном направлении и обложены бревнами, «образующими как бы гроб». Погребения «относятся или к татарам, или, скорее, к финнам XIV–XV вв»³.

Поскольку городище располагалось всего в 4 верстах от тогдашней окраины Саратова, оно и в дальнейшем неоднократно осматривалось краеведами и археологами, на поверхности собирались находки и закладывались небольшие пробные раскопы, материалы которых также имеются в фондах краеведческого музея. Например, это коллекция находок, переданная Н. К. Арзютовым в 1928 году, которая включает разновременные предметы от эпохи средней бронзы до позднего средневековья.

Наиболее полные сведения о памятнике оставлены П. С. Рыковым, который проводил его изучение по плану пополнения коллекций Нижне-Волжского краевого музея. Еще в одном опубликованном дневнике полевых исследований летом 1929 года П. С. Рыков уже отмечает, что Алексеевское городище «представляет собой хороший образчик городищ Городецкого типа, но сильно испорченного разными пробными раскопками»⁴. В раскопах на северном склоне обнаружены остатки землянок городецкого времени, но форму их установить невозможно, так как они были устроены в культурном слое позднего бронзового века. В жилищах встречена городецкая керамика, в том числе, целый сосудик бокаловидной формы, шестиугольные пряслица, кости домашних животных и рыб. Особый интерес вызывает обнаруженный в стороне от землянки большой круглый очаг. Он сложен из небольших по размеру камней и имеет толщину 0,5 м, диаметр 1,7 м. На очаге и вокруг него найдены кости (некоторые со следами огня) коровы, овцы, лошади, фрагменты городецкой керамики. Но самое удивительное, что здесь же были найдены обломки большой и малой берцовых костей человека в естественном сочленении, а к северу от очага – «остатки костяка взрослого человека – череп и кости ноги, причем, последние, опять-таки лежали в правильном сочетании бедра и берцовых костей. ... Представляется возможным допустить, что в данном случае мы имеем скорее жертвенный очаг, нежели остатки домашнего»⁵. Правда в дальнейшем, в работе, обобщающей результаты его многолетнего изучения поволжских древностей, П. С. Рыков противоречит себе. Он пишет, что очаг обнаружен «в довольно крупной землянке, в центре ее»⁶, а останки человека найдены «...в очаге среди золы, угля, черепков посуды **срубного** (выделено мною. –А.Ю.) типа» и т. д, то есть у автора раскопок не было одно-

³ Рыков П. Археологические раскопки... С. 96, 134.

⁴ Рыков П. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Изв. Ниж-Волж. ин-та краеведения. Саратов, 1931. Т. IV. С. 77.

⁵ Рыков П. Отчет об археологических работах... С. 77, 78.

⁶ Рыков П. С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936. С. 52.

значного толкования данного участка культурного слоя. Во всяком случае, последующие исследования городецких памятников показали, что городецкие культовые сооружения имели несколько иной вид. На Чардымских II и IV городищах В. Г. Мироновым исследованы жертвенники в виде овальных и заглубленных в землю ям-зольников, заполненных фрагментами городецкой керамики, обломками каменных орудий, пережженными костями животных, птиц и рыб⁷.

Итоги изучения Алексеевского городища изложены П. С. Рыковым в уже упомянутой работе, вышедшей в 1936 году. Памятник рассматривается в ряду аналогичных городищ Саратовского Правобережья, «где они отмечаются, в особенности от Хвалынска до Саратова, чуть ли ни на каждом мысу, выступающем над Волгой, и на высотах вдали от берега». Наибольшая концентрация этих памятников наблюдается на участке между г. Хвалынском и с. Старая Яблонка. Здесь на 20–22 км волжского берега «насчитывается минимально 17–18 городищ». Городища имеют в плане форму треугольника, неправильной трапеции или овала, с напольной стороны ограничены валом и рвом, иногда двойным и даже тройным. Практически все городища возникли как селища срубно-хвалынской (по терминологии П. С. Рыкова) культуры, оборонительные сооружения возводились намного позднее уже городецким населением⁸.

Большая часть городищ имела небольшие размеры – 70–80 м в длину и 50–60 м в ширину. От эпохи бронзы сохранились глубокие и обширные землянки (на Алексеевском городище). В раннем железном веке на площадке городища стояло до десятка жилищ. Жилища имели четырехугольную форму при длине стороны около 4 м и были слегка заглублены в землю. Стены, изготовленные из плетня, обмазывались глиной. Почти в центре жилища, с небольшим смещением к южной стенке располагался очаг из камней. Внешние укрепления состояли из вала высотой до 2,5 м и шириной в основании до 6 м и рва шириной до 2 м. На валу стоял палисад в виде плетня с мощными столбами. Находки в культурном слое городищ указывали на хозяйственные занятия населения городецкой культуры – животноводство, рыболовство, земледелие, лесные промыслы и охоту, ткачество и прядение, обработку кожи, дерева и металлов. По мнению П. С. Рыкова, по мере разложения родового общества и развития сельской общины, «городища покидаются населением навсегда и лишь в течение кратких моментов ими впоследствии пользуются. Например, Алексеевское городище около Саратова было в XIV веке использовано татарами, которые оставили здесь ряд своих могил, а в верхнем слое городища – слабые

⁷ *Миронов В. Г.* Погребения и жертвенники на городецких памятниках Саратовского Поволжья // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация: Матер. науч. конф. Рязань, 1994. С. 106–107.

⁸ *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. С. 47–48.

леды своего пребывания в виде, сравнительно небольшого, количества ерепков характерной золотоордынской керамики»⁹.

Таким образом, уже в тридцатые годы у исследователей сложились вполне определенные представления о городищах как о многослойных памятниках, функционировавших в разные исторические эпохи. Алексеевское городище было одним из тех объектов, результаты исследования которого легли в первоначальный фундамент знаний о памятниках такого типа. Городища Волжского Правобережья изучались, в основном, как памятники ородецкой культуры. Слои поздней бронзы и средневековья интересовали исследователей в меньшей степени, поскольку материалы этих эпох хорошо представлены здесь срубными поселениями и золотоордынскими городищами. В довоенной литературе нет ни одного упоминания о находках средней бронзы на территории Алексеевского городища, хотя катакомбная керамика есть уже в первой коллекции С. Н. Чернова и П. Н. Шишкина и постоянно встречалась в дальнейшем при сборе материалов на территории памятника в раскопках. Вероятно, она рассматривалась как часть находок эпохи поздней бронзы.

Удобное расположение памятника, который в послевоенные годы вошел в черту г. Саратова, привлекало, как и раньше, внимание археологов. Но все ограничивалось эпизодическими осмотрами и сборами подъемного материала. В 1947 и 1948 гг. в краеведческий музей поступили находки И. В. Сеницына. В 1959–1964 гг. памятник посещался с экскурсионными целями студентами-практикантами исторического факультета СГУ. Во время этих посещений И. В. Сеницын закладывал небольшие траншеи вдоль осыпающегося волжского берега. По сведениям очевидца Е. К. Максимова, на этом участке встречалась, преимущественно, средневековая керамика. В 1967–1969 гг. памятник осматривал Ю. В. Деревягин и собирал очередные партии находок. По его отчетам нам известно, что южная часть вала была скрыта бульдозером, значительная площадь мыса распаивалась, а также была занята садом, заложенным здесь еще в 1931 году¹⁰.

Первые раскопки на городище по существующей сейчас методике были проведены экспедицией ИА АН СССР под руководством Т. А. Хлебниковой в 1971 году. Целью экспедиции было выявление стратиграфии культурных напластований, так как многочисленные посещения памятника и не всегда профессиональные раскопки пагубно сказались на состоянии исторических напластований, что П. С. Рыков отмечал уже в 1931 году.

В центральной части городища, в 60 м от вала была заложена разведоч-

⁹ Рыков П. С. Очерки... С. 51–52, 55–58.

¹⁰ Деревягин Ю. В. Отчет о находках в Саратовской области в 1967 году. Архив ИА РАН. Р – 1, 3430; *Его же*. Отчет об археологических разведках в Саратовской области [1968]. Архив ИА РАН. Р – 1, 3855; *Его же*. Отчет о разведках и раскопках в Саратовской области [1969]. Архив ИА РАН. Р – 1, 3990.

ная траншея длиной 10 и шириной 2 метра по линии север – юг. Под пахотным слоем залегала светло-серая супесь толщиной до 0,7 м. Общая толщина культурного слоя достигала 1 м. Начиная с третьего штыка весь культурный слой был изрыт норами грызунов. В верхних 20 см преобладают средневековая керамика, но встречается и городецкая. Далее, до глубины 0,6 м преобладают городецкие материалы, а с глубины 0,4 м встречается керамика поздней бронзы (фрагменты срубной керамики, обломки венчиков с валиками), но стратиграфически слой бронзы не выделяется. Особое внимание автор раскопок уделила описанию городецкой керамики, которая была разделена на 4 типа. Из средневековой керамики выделяется придонная часть сосуда среднеазиатского происхождения (XIV в.) из мелкого плотного розоватого теста с бирюзовой поливой¹¹.

Раскопки городища были продолжены О. В. Кочерженко в 1992–1993 годах, когда территория памятника оказалась под угрозой застройки. Было вскрыто около 130 кв. м культурного слоя, обнаружены средневековый могильник, о котором упоминал в своих отчетах П. С. Рыков, и остатки землянки эпохи финальной бронзы. Толщина культурных напластований 1,4–2,0 м. Как и в раскопе Т. А. Хлебниковой, верхний слой (толщина 0,2–0,75 м) относится к поздне-средневековому времени, второй (0,4–0,8 м) – к раннему железному веку, третий (0,4–0,8 м) – к финальной бронзе. Четкой границы между слоями нет, находки перемешаны. По остаткам постройки установлено, что она имела неправильную подпрямоугольную форму и была ориентирована почти по линии восток – запад. Восточная часть постройки к моменту раскопок уже обрушилась в Волгу. Оставшаяся часть имела длину 9,5 м и ширину 9 м. Дно жилища слегка заглублено в материк (до 0,2 м), прослежены ямки от столбовых опор параллельно стенкам жилища и остатки двух очагов. В культурном слое встречались скопления глины, вероятно, это остатки глиняной обмазки стен. 11 погребений грунтового могильника были расположены в два ряда по линии запад – восток. Почти половина погребений совершена в гробах, остальные – в простых ямах. Умершие положены на спину, вытянуто, головой в юго-западную часть круга, положение рук неустойчиво. Погребения безынвентарны и, судя по тому, что они прорезают верхний культурный слой, относятся к финальному периоду существования памятника¹².

Несомненно, с поздним периодом функционирования городища связан

¹¹ Хлебникова Т. А. Отчет о работе на Алексеевском городище у г. Саратова в 1971 г. Архив ИА РАН. Р –1, 4397.

¹² Кочерженко О. В. Отчет об археологических раскопках Алексеевского городища (Саратовская область). Саратов, 1992 // Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35 в; *её же*. Охранные раскопки городища Алексеевское и курганной группы у с. Свищевка [Отчет за 1993 г.] // Архив Комитета по историко-культурному наследию. № 35 б.

еще один грунтовой могильник, обнаруженный при строительстве дороги в 0,6 км к западу от вала, на краю слабо выраженной террасы пологого склона мыса. Могильник исследован А. Д. Матюхиным в 1994 году¹³. Он включал 17 погребений, протянувшихся несколькими рядами с севера на юг. Форма могильной ямы – подовальная с неровными стенками – установлена только в одном случае. Остальные могилы совершены на малой глубине и их контуры в гумусном слое и предматерике не прослеживались. Погребенные ориентированы головами на юго-запад с незначительными отклонениями, руки согнуты в локтях и положены на живот или вытянуты вдоль туловища. Также встречены скелеты, где одна рука вытянута, а вторая – на животе. Погребения безынвентарны, за исключением погр. 3. Здесь между туловищем и левой рукой обнаружен железный предмет длиной около 18 см, сильно коррозированный и расслоившийся на пластины и чешуйки. Возможно, это остатки ножа.

При некотором разнообразии в погребальном обряде обоих могильников, можно отметить ряд черт, сопоставимых с христианскими канонами захоронений: положение умерших вытянуто на спине, ориентировка исключительно в западный сектор, безынвентарность. Возможно, здесь мы имеем дело с захоронениями подневольного русского населения. Во всяком случае, в Поволжье имеются аналогичные русские могильники, где в условиях оторванности от родного этноса нет строгого соблюдения канонической обрядности¹⁴.

Таким образом, суммируя все известные материалы памятника, можно составить более или менее цельное представление о времени его функционирования и культурной принадлежности исторических напластований.

Начнем с древнейшего периода. Наиболее ранние находки на памятнике – керамика энеолитического времени – упоминаются в отчетах О. В. Кочерженко. Правда, фрагменты керамики этого времени единичны, мелки и не выразительны, а самое главное – по примесям толченой ракушки в тесте глины и техническим приемам нанесения орнамента – с таким же успехом могут быть сопоставлены и с более поздней, катакомбной керамикой Алексеевского городища. Не исключено, что участки памятника, содержавшие наиболее ранние материалы, уничтожены рекой, так как по данным В. Г. Миронова в Саратовском Поволжье напластования эпохи энеолита имеются на 10% городищ¹⁵. Небольшое количество позднеэнеолитических стоянок известно непосредственно на правом берегу Волги, и все они к настоящему времени практически полностью размыты Волго-

¹³ Матюхин А. Д. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника у совхоза «Комбайн» и курганов у пос. 15 лет Октября в 1994 году // Архив ИА РАН. Р-1.

¹⁴ Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 72–80.

¹⁵ Миронов В. Г. Памятники городищской культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.

градским и Саратовским водохранилищами¹⁶. Большая часть этих стоянок в свое время была даже объединена в памятники Алексеевского типа (по стоянке у с. Алексеевка Хвалынского района)¹⁷.

Более определенно можно говорить о заселении мыса в эпоху средней бронзы катакомбным населением на основании находок здесь характерной керамики. Поселенческие материалы катакомбной культуры в Поволжье долгое время не замечали, и в лучшем случае, рассматривали их в русле полтавкинской культурной концепции. И хотя типичная катакомбная керамика была известна в самых первых сборах на городище, в публикации она не попадала до начала 90-х гг. На это было две причины. Первая – это конечно отсутствие в культурных напластованиях непо потревоженного слоя средней бронзы. Вторая – уже упоминавшаяся полтавкинская концепция для средней бронзы Нижнего Поволжья, в рамках которой позднекатакомбная керамика зачастую рассматривалась как раннесрубная. Например, именно так трактовалась позднекатакомбная керамика Утеса Степана Разина¹⁸. Анализ керамики средней бронзы Алексеевского городища со всей определенностью показывает, что она идентична поселенческой катакомбной посуде как Правобережья¹⁹, так и Заволжья²⁰. Бронзовый нож, обнаруженный в 1993 году в пахотном слое городища, находит многочисленные прямые аналогии в катакомбных погребальных комплексах.

Комплекс валиковой керамики финальной бронзы отражения в литературе не нашел, за исключением упоминаний о нем П. С. Рыкова и П. Д. Степанова. Последний, при описании известного городища «Попово блюдечко» (Вольское), отметил, что поселения срубно-хвалынского времени нередко размещались на высоких приречных террасах, в том числе и Алексеевское городище²¹.

Наибольшую известность Алексеевское городище получило как памятник раннего железного века. Как видно из вышесказанного, Алексеевское

¹⁶ Васильев И. Б., Непочатых В. А. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977; Лопатин В. А. Исследования Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологические памятники Саратовского края. Охрана и исследование в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 62.

¹⁷ Васильев И. Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981. С. 44–50.

¹⁸ Сеницын И. В., Фисенко В. А. Отчет о раскопках на Утесе Степана Разина в 1969 году. Архив ИА РАН. Р – 1, 4530; Их же. Раскопки на Утесе Степана Разина // АО – 1969. М., 1970.

¹⁹ Малов Н. М., Филиппенко В. В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995. № 4. С. 52–61.

²⁰ Юдин А. И. Поселения средней бронзы степного Заволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы междунар. конф. Саратов, 1997. С. 37–43.

²¹ Степанов П. Д. Вольское городище // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1. С. 11–12.

городище первым включил в круг городецких древностей П. С. Рыков. В *дальнейшем памятник упоминается практически во всех сводных работах по городецкой культуре*²². Географическое положение памятника – на границе со степью – обусловило контакты его населения со степными племенами в эпоху раннего железного века, и поэтому материалы Алексеевского городища неоднократно привлекались исследователями при рассмотрении вопросов контактов городецкой культуры со скифо-сарматским миром, начиная с VII–VI вв до н. э.²³. Вопросы хронологии городецких материалов городища исследователями практически не затрагивались. Н. В. Трубникова предполагала, что Алексеевское городище функционировало на всем протяжении городецкой культуры²⁴, а Т. А. Хлебникова в своем отчете о раскопках склоняется к мнению о позднем городецком времени памятника²⁵.

Материалы средневековья, так же как и находки эпохи бронзы, в литературе практически не отражены: они упоминаются как золотоордынские в работах П. С. Рыкова и Л. Ф. Недашковским в материалах раскопок Т. А. Хлебниковой были обнаружены фрагменты от нескольких сосудов древнерусского облика²⁶.

Таким образом, можно констатировать, что полученные за все годы исследований материалы практически не введены в научный оборот. Опубликовано несколько кратких отчетов о результатах полевых исследований в разные годы. Алексеевское городище всегда упоминается в сводных ра-

²² Трубникова Н. В. Племена городецкой культуры // Труды ГИМ. 1953. Вып. 2. С. 137, 152–153.; Степанов П. Д. Хвалынские городища // Труды СОМК. Саратов, 1960. Вып. 3. С. 70; *Его же*. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 111. С. 238, рис. 7Д, памятник № 310; Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура // Свод археологических источников. Д 1–14. М., 1965. С. 33; Миронов В. Г. Памятники городецкой культуры и проблема... С. 14; *Его же*. Очерк истории исследований городецких поселений... С. 107, 109; *Его же*. К вопросу о жилищах и хозяйственно-бытовых сооружениях на городецких памятниках Саратовского Поволжья (историографический очерк) // Археологические памятники Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 212.

²³ Трубникова Н. В. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. 1950. Вып. XXXIV. С. 122–128; Гуляев В. И. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII–IV вв. до н. э. // Историко-археологический сборник. М., 1962; Смирнов К. А. К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // Советская археология. 1991. № 4. С. 54.

²⁴ Трубникова Н. В. Племена городецкой... С. 99.

²⁵ Хлебникова Т. А. Отчет о работе на Алексеевском городище... С. 8.

²⁶ Недашковский Л. Ф. Некоторые древнерусские материалы из Увека и его округа // Этногенез и этнокультурные контакты славян: Тр. VI Междунар. конгр. слав. археологии. М., 1997. Т. 3. С. 233.

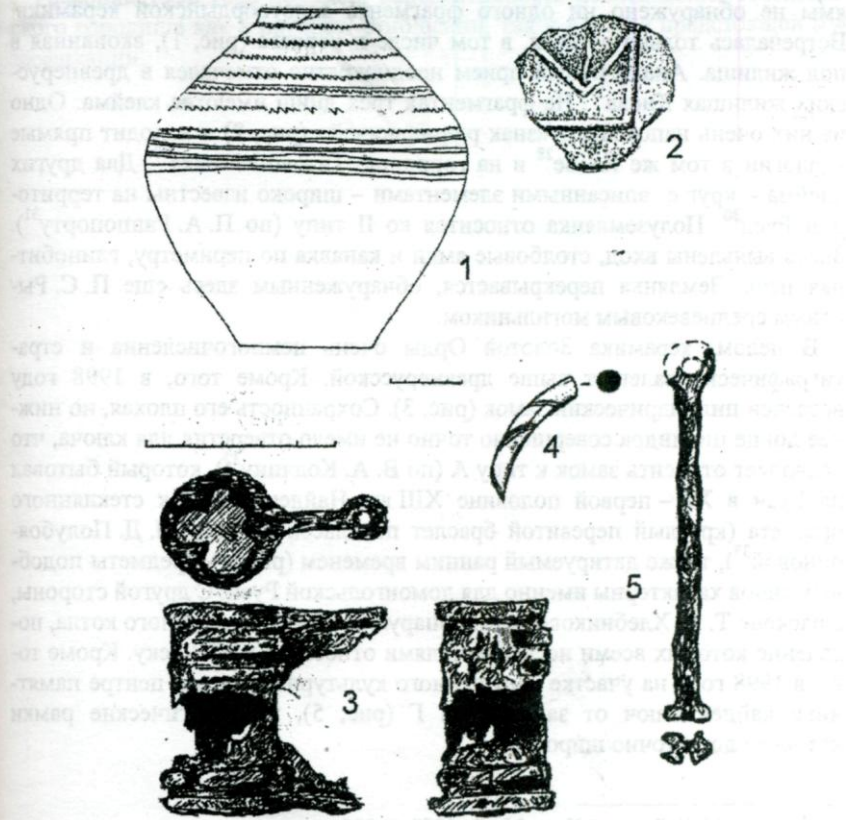
ботах, но нет ни одной публикации с обобщением результатов исследований и сборов материалов начиная с 1921 года, по которой можно составить цельное представление о памятнике. В этом плане городищу не повезло – на нем побывали практически все саратовские археологи, многие из них передали находки в краеведческий музей, часть специалистов проводила там пробные раскопки, но все это происходило на протяжении почти 80 лет при отсутствии какой-либо преемственности в научных исследованиях. В результате памятник остался неизвестным широкому кругу саратовцев и чуть было вообще не погиб под городской застройкой.

В октябре 1996 года Областной межведомственной комиссией по охране историко-культурного наследия России принято решение в целях сохранения Алексеевского городища музеефицировать памятник и создать там археологический центр. В 1998 году совместной экспедицией Комитета по историко-культурному наследию и археологической лаборатории Саратовского пединститута на городище начаты археологические раскопки параллельно с созданием проекта музеефикации. К моменту возобновления исследований Алексеевского городища памятник представлял из себя уже полностью задернованный мыс с остатками сада в южной части. Поверхность значительно повреждена двумя грунтовыми дорогами. Кроме того, в 80-е годы через все городище, по диагонали от вала до Волги была выкопана траншея и уложена труба для подачи воды на поля. Какие-либо следы раскопок, за исключением исследований в 1992–93 гг., на поверхности не прослеживались. Размеры памятника со времени его обмера П. С. Рыковым практически не изменились, не считая двух глубоких промоин на оконечности мыса. Проведенные в 1998 году исследования показали перспективность дальнейших раскопок и возможность музеефикации памятника. Всего было вскрыто 194 кв. м (2 раскопа и 5 шурфов), в том числе сделан разрез вала и рва.

Раскопки не только подтвердили выводы, сделанные предшествующими исследователями, но и поставили перед нами еще одну новую и чрезвычайно интересную проблему. Установлено, что памятник возник не позднее эпохи средней бронзы, о чем свидетельствует малочисленная, но выразительная керамика катакомбной культуры. От эпохи финальной бронзы сохранились развалы и фрагменты типичных валиковых сосудов, иногда с добавлением воротничка. В раннем железном веке мыс заселен городецким населением, которое с напольной стороны сооружает вал и ров. Зафиксированы также остатки городецкого жилища, вплотную примыкавшего к валу аналогично другим памятникам.

Наибольшее внимание привлекли материалы средневековья. Оказалось, что до недавнего времени из поля зрения исследователей выпадали не только материалы средней бронзы, но и древнерусские, а все средневековые находки трактовались исключительно как золотоордынские. В литера-

туре нет ни одного упоминания о предметах древнерусского происхождения на городище, за исключением уже названной статьи Л. Ф. Недашковского. Объяснение этому можно найти только в том, что материалы памятника очень слабо введены в научный оборот, систематические и масштабные раскопки не производились, а сами раскопы закладывались только по краю берега и северной окраине городища.

Раскопы и шурфы в 1998 году были равномерно расположены по всей площади, что позволило выявить в южной части памятника хорошо сохранившийся средневековый культурный слой с остатками русской полужемлянки и большим количеством фрагментов и развалов керамических сосудов. Типологически керамика (по большей части так называемого курганного типа) может относиться как к XII – первой половине XIII вв.,

так и к более позднему времени, но ряд находок позволяет высказать предположение о возможности основания древнерусского поселения на Алексеевском городище еще в домонгольский период. Пока еще недостаточно материала для окончательных выводов о времени появления здесь русского населения, но часть находок может датироваться достаточно ранним временем. В заполнении полуземлянки и сопутствующей ей хозяйственной ямы не обнаружено ни одного фрагмента золотоордынской керамики. Встречалась только русская, в том числе и корчага (рис. 1), вкопанная в пол жилища. Аналогичный прием неоднократно отмечался в древнерусских жилищах Киева²⁷. На фрагментах трех днищ имеются клейма. Одно из них очень напоминает «знак рюриковичей» (рис. 2) и находит прямые аналогии в том же Киеве²⁸ и на городище Титово-Мотыка²⁹. Два других клейма – круг с вписанными элементами – широко известны на территории Руси³⁰. Полуземлянка относится ко II типу (по П. А. Раппопрту³¹). Здесь выявлены вход, столбовые ямки и канавка по периметру, глинобитная печь. Землянка перекрывается, обнаруженным здесь еще П. С. Рыковым средневековым могильником.

В целом, керамика Золотой Орды очень немногочисленна и стратиграфически залегает выше древнерусской. Кроме того, в 1998 году встречен цилиндрический замок (рис. 3). Сохранность его плохая, но нижнее донце цилиндра совершенно точно не имело отверстия для ключа, что позволяет относить замок к типу А (по В. А. Колчину³²), который бытовал на Руси в XII – первой половине XIII вв. Найден обломок стеклянного браслета (круглый перевитой браслет по классификации М. Д. Полубояриновой³³), также датируемый ранним временем (рис. 4) Предметы подобных типов характерны именно для домонгольской Руси. С другой стороны, в раскопе Т. А. Хлебниковой был обнаружен обломок чугунного котла, появление которых всеми исследователями относится к XIV веку. Кроме того, в 1998 году на участке нарушенного культурного слоя в центре памятника найден ключ от замка типа Г (рис. 5), хронологические рамки которого достаточно широки.

²⁷ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. С. 325.

²⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 493, рис. 126, 8.

²⁹ Никольская Т. Н., Полубояринова М. Д. Раскопки древнерусских городищ в Орловской области // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1967. Вып. 110. С. 65, рис. 22, 2.

³⁰ Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 264. Табл. 18.

³¹ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // Свод археологических источников. 1975. Вып. Е 1 – 32. С. 137–141.

³² Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 14–15.

³³ Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // Материалы и исследования археологии СССР. 1963. № 117. С. 171.

Дальнейшие раскопки Алексеевского городища позволят не только более точно определить время формирования здесь русского слоя, но и ответить на вопросы об уровне развития местного ремесла и торговых связей, о юго-восточных границах древнерусского государства.

В любом случае открытый средневековый поселок – это первое поселение русских на территории Саратова, рядом с его историческим центром.

Раскопки 1998 года показали перспективность исследований Алексеевского городища как в научном отношении, так и в плане предстоящей музеефикации.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСОНА В ВОСТОЧНОЙ ОБОИ

Вопрос о роли личности в истории всегда был предметом споров. Восточная Обои – это не просто место, это место, где происходили важные события. Здесь жили люди, которые оставили свой след в истории. Их деятельность была связана с торговлей, ремеслом, а также с политическими процессами. Именно поэтому изучение истории этой территории имеет большое значение для понимания истории России в целом.

Алексеевский, М. 1998. С. 10-15. // *Исторический журнал*. М., 1998. № 1. С. 10-15.
Борисов, А. 1997. С. 12-15. // *Исторический журнал*. М., 1997. № 2. С. 12-15.
Васильев, В. 1996. С. 13-15. // *Исторический журнал*. М., 1996. № 3. С. 13-15.
Григорьев, Г. 1995. С. 14-15. // *Исторический журнал*. М., 1995. № 4. С. 14-15.
Давыдов, Д. 1994. С. 15-16. // *Исторический журнал*. М., 1994. № 5. С. 15-16.
Земсков, З. 1993. С. 16-17. // *Исторический журнал*. М., 1993. № 6. С. 16-17.
Иванов, И. 1992. С. 17-18. // *Исторический журнал*. М., 1992. № 7. С. 17-18.
Климов, К. 1991. С. 18-19. // *Исторический журнал*. М., 1991. № 8. С. 18-19.
Левин, Л. 1990. С. 19-20. // *Исторический журнал*. М., 1990. № 9. С. 19-20.
Морозов, М. 1989. С. 20-21. // *Исторический журнал*. М., 1989. № 10. С. 20-21.
Новиков, Н. 1988. С. 21-22. // *Исторический журнал*. М., 1988. № 11. С. 21-22.
Орлов, О. 1987. С. 22-23. // *Исторический журнал*. М., 1987. № 12. С. 22-23.
Петров, П. 1986. С. 23-24. // *Исторический журнал*. М., 1986. № 1. С. 23-24.
Рябинин, Р. 1985. С. 24-25. // *Исторический журнал*. М., 1985. № 2. С. 24-25.
Сидоров, С. 1984. С. 25-26. // *Исторический журнал*. М., 1984. № 3. С. 25-26.
Тихонов, Т. 1983. С. 26-27. // *Исторический журнал*. М., 1983. № 4. С. 26-27.
Ульянов, У. 1982. С. 27-28. // *Исторический журнал*. М., 1982. № 5. С. 27-28.
Федотов, Ф. 1981. С. 28-29. // *Исторический журнал*. М., 1981. № 6. С. 28-29.
Харьков, Х. 1980. С. 29-30. // *Исторический журнал*. М., 1980. № 7. С. 29-30.
Цыганов, Ц. 1979. С. 30-31. // *Исторический журнал*. М., 1979. № 8. С. 30-31.
Шаров, Ш. 1978. С. 31-32. // *Исторический журнал*. М., 1978. № 9. С. 31-32.
Щербинин, Щ. 1977. С. 32-33. // *Исторический журнал*. М., 1977. № 10. С. 32-33.
Юрьев, Ю. 1976. С. 33-34. // *Исторический журнал*. М., 1976. № 11. С. 33-34.
Яковлев, Я. 1975. С. 34-35. // *Исторический журнал*. М., 1975. № 12. С. 34-35.

ИСТОРИЯ

А. Б. Малышев

НЕСТОРИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Несторианство в XII–XIII вв. распространилось в Центральной, Восточной и Средней Азии среди этносов покоренных монголами, вошедших в XIII в. в состав Монгольской империи и принимавших участие в дальнейших монгольских завоеваниях. Это уйгуры, кераиты (керейты), онгуты, тангуты, кара-китаи (кидани), найманы, меркиты (мергиты), карлуки, канглы, гузы, басмалы, джикили (чигили) и др.¹ Распространение несторианства на этой огромной территории подтверждается и многочисленными данными археологии². Несторианские метрополии в первой половине

¹ Книга Марко Поло. М., 1956. С. 56, 58, 77–78, 83, 94–95; *Картины Д. П., Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 39–41, 115–116, 127–128, 130, 132, 134, и др.; *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I, кн. II. С. 180; 1960. Т. III. С. 18; *Бартольд В. В.* Соч. В 9 т. М., 1963. Т. I. С. 454–457; 1963. Т. II, ч. I. С. 36, 52, 138; 1964. Т. II, ч. II. С. 285, 290–297, 316; 1968. Т. V. С. 108–109; *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 47–48, 106–107, 112, 131–133; *Сочнев Ю. В.* Христианство в Золотой Орде в XIII веке // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 107–108; *Малов Н. М., Малышев А. Б.* Христианство в Золотой Орде (по данным историографического анализа, археологическим и письменным источникам) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897–1997). Саратов, 1997. С. 189; *Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И.* Религия в Золотой Орде. Саратов, 1988. С. 78–79.

² *Пигулевская Н. В.* Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана // Советское Востоковедение. М.; Л., 1940. № 1. С. 213–234; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 131–138; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 351, 365–367; *Картины Д. П., Рубрук Г.* Указ. соч. С. 215 (прим. Н. П. Шастиной); *Окладников А. П.* Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время. (Согдийская колония на реке Унге?) // Тюркологические исследования. М.; Л., 1963. С. 279–281; *Гохман И. И.* Средне-

XIV в. функционировали в Персии, Мерве, Самарканде, Китае (в Пекине – «Ханбалык»), Индии, Туркестане, Седжестане, Тангуте, Кашгаре и Невакете, Карлуке³.

Основными политическими стремлениями несторианской группировки в Монгольской империи, несмотря на её этническую неоднородность, являлись:

азиатская колония в Прибайкалье // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 115–124; *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства... С. 107; *Chwolson D.* Syrisch-nesorianische Grabinschriften aus Semirjetsche // *Memories de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg*, VII serie. T. XXXVII, № 8, St.-Pb., 1890. S. 82. надпись № 49, 2 (112), S. 28. надпись № 97, 1; *Chwolson D.* Syrisch-nesorianische Grabinschriften aus Semirjetsche // *Neue Folge. St.-Pb.*, 1897. S. 13. надпись № 44; *Radloff W.* Das turkische. Sprachmaterial der im Gebite von Semirjetsche au frefund sirisch Grabinschriften // *Memories de L Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg*, VII serie. T. XXXVII, № 8, St.-Pb., 1890. S. 138–157; *Корш Ф. Е.* О турецком языке семиреченских надгробных надписей // *Древности Восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского Археологического общества.* Т. I. 1893. С. 67–72; *Слуцкий С. С.* Семиреченские несторианские надписи // *Древности Восточные.* Т. I. С. 1–66; *Пантусов Н.* Христианское кладбище близ г. Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине // *Записки Восточного Отделения Русского Археологического общества (ЗВОРАО).* Т. I. СПб., 1887. С. 74–84; *Хвольсон Д.* Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных надписях // *ЗВОРАО.* Т. I. С. 84–108; *Его же:* Несторианские надписи из Семиречья // *ЗВОРАО.* Т. I. С. 217–220; *Его же:* Дополнения и поправки к статье: «Несторианские надписи из Семиречья» // *ЗВОРАО.* Т. I. С. 303–307; Археологические открытия в Семиреченской области // *ЗВОРАО.* Т. I. С. 33–34; *Коковцов П. К.* Христианско-сирийские надгробные надписи из Алмалыка // *ЗВОРАО.* Т. XVI, вып. IV. СПб., 1906. С. 190–200; *Его же:* Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии // *Известия Академии Наук (ИАН).* VI серия. Т. I. Сент.–Дек. №№ 12–18. II полутом. СПб., 1907. С. 427–458; *Его же:* К сиро-тюркской эпиграфике Семиречья // *ИАН.* VI серия. Т. III. I полутом. Янв.–Июнь. №№ 1–11. СПб., 1909. С. 773–796; *Пантусов Н.* Город Алмалык и Мазар – Туглук-Тимур-хана // *Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истёкших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. Фон-Кауфмана I-го.* М., 1910. С. 161–173; *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии... С. 75–86; Эпиграфика Киргизии / Сост. Ч. Джумагулов. Фрунзе, 1963. Вып. I. С. 43–58; *Джумагулов Ч.* Эпиграфические памятники Киргизии // *Памятники Киргизстана.* Фрунзе, 1970. Вып. I. С. 42–45; *Бартольд В. В.* Указ. соч. Т. II, ч. 1. С. 52, 60–61; Т. V. С. 108. (данные о распространении на этой территории несторианства до XII в. так же многочисленны, но в данной работе не приводятся. – А. М.)

³ *Gismondi H.* Maris Amri et Slibae. De patriarchis nestorianorum commentaria. Amri et slibae textus. Versio latina. Romae. 1897. P. 72–73; *Sinodicon Orientale ou recueil de Sinodes Nestoriens* puble, Tradut et Annote par J. B. Chabot // *Notices et Extraits des manuscrits de la bibliotheque Nationale.* T. 37. Paris, MDCCCXII (1902). S. 619–620; *Sachau E.* Zur Ausbreitung des Christentums in Asien // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaft (APAW), phil. – hist. Klasse,* 1919. № 1. S. 21–22.

- 1) сохранение единства Монгольской империи;
- 2) придание несторианству статуса официальной государственной религии в империи;
- 3) обеспечение себе (священникам, военачальникам и чиновникам из этносов исповедовавших несторианство) привилегированного положения и возможности продвижения в государственном аппарате империи;
- 4) обеспечение социально-политическую стабильности и этнического мира в рамках империи;
- 5) заключение военного союза с католическими государствами Западной Европы против мусульманских государств Ближнего Востока (несториане были активными участниками дипломатических сношений между Монгольскими ханами и Европейскими государствами);
- 6) обеспечение безопасного и стабильного функционирования Великого Шёлкового пути и его многочисленных ответвлений.

Есть мнение, что монгольские послы к русским князьям в 1223 г. были несторианами, так как были казнены русскими князьями вопреки всем военным традициям⁴. Вопрос спорный и для его решения не хватает источников, хотя известно, что в этой монгольской армии (в Армении) были несториане⁵.

В Улусе Джучи, а потом в Золотой Орде, были несториане: чиновники на службе у ханов, священники⁶. Официальный алфавит государства в XIII–XV вв. был уйгурский, а на государственной и военной службе были уйгуры (несториане и буддисты)⁷. Уйгурский алфавит использовался в официальных документах золотоордынских ханов XIII–XIV вв., а также на золотоордынских монетах и пайцзах⁸. Два серебряных несторианских блюда IX–X вв., происходящие из Средней Азии, найденные в Прикамье (в XIII–XIV вв. – территория Золотой Орды): в с. Григоровское (со сценами из евангелия) и в аниковском кладе (со сценами из книги Иисуса Навина),

⁴ Вернадский Г. В. Были ли монгольские послы 1223 г. христианами? // *Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archeologie. Histoire de l'art. Etudes byzantines.* (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова). Прага, 1929. Т. 3. С. 145–148; Вернадский Г. В. История России. Киевская Русь. Тверь; М., 1996. С. 260.

⁵ Киракос Гандзакец. История Армении. Перевод с древнеармянского, предисловие и комментарии Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 138.

⁶ Карпини Д. П., Рубрук Г. Указ. соч. С. 111, 113, 185.

⁷ Бартольд В. В. Указ. соч. Т. I. С. 452–454; Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 158, 206; Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950. С. 66–67.

⁸ Стацин А. А. Татарские байсы // Известия археологической комиссии (ИАК). Вып. 29. СПб., 1909. С. 132–141; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. Труды куйбышевской археологической экспедиции. М., 1954. Т. I.

может быть принадлежали несторианам проповедовавшим здесь⁹. Влияние художественного ремесла Сирии, Ирана и Средней Азии прослеживается в золотоордынской поливной и неполивной керамике¹⁰.

Есть сведения, что уже Батый был христианином¹¹. По другим свидетельствам – он принял ислам¹², но скорее всего – остался язычником¹³. По рассказам европейских авторов (П. Карпини, Г. Рубрук) и «европейским слухам» сын Батыя хан Сартак (1255–1256 гг. –годы правления) был христианином и даже священником. Сообщали, что он покровительствовал христианам всех исповеданий, держал при себе христианских священников. Рубрук говорил, что на самом деле Сартак лишь уважал христиан, но сам не был христианином, а про то, что он христианин распускали слухи несторианские священники. Сам же Сартак не хотел, чтобы его звали христианином. Рубрук сообщал также, что у Сартака шесть жен и, если он и принадлежал к христианской вере, то лишь формально. Огромным влиянием на Сартака пользовался его секретарь – несторианин Койяк. Он также запрещал называть Сартака христианином. Брат Койяка был несторианским священником¹⁴. Армянский историк Киракос Гандзакец также сообщал, что Сартак был воспитан кормилицей-христианкой в среде сирийских христиан (несториан), которые и окрестили его. Сартак облегчил положение церкви и с согласия отца (Батыя) издал указ об освобождении от налогов священников всех религий¹⁵. Другой армянский историк Мехитар тоже считал Сартака христианином¹⁶. По мнению Л. Н. Гумилева, Сартак был христианином, но не признавался в этом официально, так как, по «Ясе», не мог быть крещен¹⁷.

Сартака называли христианином и некоторые восточные авторы. Они писали, что он «чрезвычайно жестоко и несправедливо обращался с му-

⁹ Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984. С. 126–127; Даркевич В. П., Маришак Б. И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // Советская археология. 1974. № 2; Даркевич В. П. Художественный металл Востока. VIII–XIII вв. М., 1976. С. 26–30, табл. 23, 24; Даркевич В. П. Аргонавты средневековья. М., 1976. С. 66–67.

¹⁰ Фёдоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 131–135, 147.

¹¹ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. С. 85.

¹² Там же. С. 15.

¹³ Там же. С. 21; Бартольд В. В. Указ. соч. Т. V. С. 499.

¹⁴ Карпини Д. П., Рубрук Г. Указ. соч. С. 89, 103, 111, 113–115, 116–117, 121, 185.

¹⁵ Киракос Гандзакец. Указ. соч. С. 218–219.

¹⁶ Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, Вардапетом Айриванским // Труды Восточного отделения Русского археологического общества (ТВОРАО). СПб., 1889. Т. 14. С. 416.

¹⁷ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства... С. 175, 185, 201–202, 206.

сульманами»¹⁸. Это, по мнению В. В. Бартольда, является лучшим доказательством, так как европейские, сирийские и армянские христиане часто называли христианами тех ханов, которые лишь покровительствовали христианству или когда-либо проявляли враждебность к мусульманам. Если же мусульманский писатель говорил о том, что какой-либо монгольский хан – христианин, то подобное известие заслуживает большего доверия¹⁹. Таким образом, Сартак был христианином несторианского толка.

В Золотой Орде во второй половине XIII в. несториане, по-видимому, как и в империи, составляли свою «политическую партию», которая имела описанную выше политическую программу. Стронником этой партии был хан Сартак, при котором она усилилась. Во внешней политике несториане ориентировались на Хулагуидский Иран, где они имели большое политическое влияние и были сторонниками единства империи. Они стремились к союзу с католической Европой, и были против православной Руси. Несториане принимали активное участие в государственной жизни Золотой Орды, в борьбе с мусульманами за власть и влияние на ханов–язычников, ещё не принявших мировой религии в качестве государственной. Выбор, однако, был неизбежен. Борьба между мусульманами и несторианами то обострялась, то слабела. Джучиды, обеспечив своему правящему роду и аристократии главенствующее положение в улусе, старались упрочить свою власть играя на разногласиях между этноконфессиональнополитическими группировками, боровшимися за влияние на ханов. Это зависело как от внутренней, так и от внешней политики.

Л. Н. Гумилев считал, что «Слово о полку Игореве» было написано в середине XIII в. (примерно в правление Сартака) и направлено против несториан Улуса Джучи и империи, бывших противниками православных и сторонниками католиков²⁰. Это подтверждается известным стремлением Русской православной церкви обратить в православие золотоордынских несториан.

Первоначально в Улус Джучи должны были войти все покорённые земли к западу от Иртыша, Аральского моря и Амударьи (в том числе в Средней Азии, Закавказье и Иране). Чингиз-хан умер, а завоевания ещё не были закончены. После смерти Великого хана Гуюка, Батый помог Менгу-хану занять его место, и они поделили территорию империи. Некоторые государства Передней Азии и Иран подчинялись Батыю. В завоёванных областях Ирана, которые находились далеко от центра Улуса Джучи, были размещены войска не только Джучидов, но и Великих ханов. Пока был жив Батый, границы Улуса Джучи здесь оставались прежними. После его смер-

¹⁸ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. С. 18–19; 22, 91.

¹⁹ Бартольд В. В. Указ. соч. Т. I. С. 567; Т. II, ч. 2. С. 263–264.

²⁰ Гумилёв Л. Н. Чёрная Легенда. М., 1994. С. 400–438.

ти, во время правления Сартака, в Иране были созданы наместничества Великого хана и образовалось зависимое от империи государство Хулагуидов. В военных действиях в Иране и Багдадском халифате участвовали войска Джучидов (Кули, Балахай, Татар, Хатаган, Меган и многие другие). За своё участие они стали требовать у Хулагу земельные владения и присоединения их к Улусу Джучи. Хулагу приказал их казнить, и лишь немногие спаслись бегством в Улус Джучи и Египет²¹. Таким образом, Улус Джучи потерял огромные территории, особенно важными из которых в военно-стратегическом и экономическом отношениях были Арран (Северный Иран) и Азербайджан. Эти обстоятельства стали причиной войн Улуса Джучи (Золотой Орды) и Хулагуидского Ирана.

Берке-хан (годы правления: 1256–1266 гг.) пришел к власти, отравив Сартака²² из-за неприятия политики попустительства территориальным потерям Улуса Джучи. Хулагу, узнав о смерти своего сторонника, был опечален²³. Берке-хану были свойственны геополитические стремления, противоположные стремлениям несториан. Будучи мусульманином, он поддерживал мусульманскую придворную группировку²⁴. Берке был противником Хулагу в борьбе за Закавказье и противником Джагатаидов в Средней Азии, сторонником отделения от империи Хубилая и противником католического Запада за влияние в Восточной Европе (в том числе на Руси). Он ориентировался на сотрудничество с Русью. Берке был заинтересован в том, чтобы торговля Запада с Востоком проходила через территорию Улуса Джучи, а не через государство Хулагуидов. Для совместных выступлений против Хулагуидов при Берке-хане с 1261 г. начались частые дипломатические контакты Золотой Орды и Египта²⁵.

В конце 50-х гг. XIII в. отношения Золотой Орды с Ираном обострились, что привело к гонениям на среднеазиатских несториан, ориентированных на Иран и единую империю. Берке-хан разгромил несторианскую «партию» в Золотой Орде, учинив казни несториан и резню их в конце 1250-х гг. в Самарканде.

Это событие, произошедшее между 1256 и 1259 гг., заслуживает подробного рассмотрения. По словам Ашраф ад-дина, молодой христианин (несторианин) в Самарканде принял ислам. В то время там был один знатный монгол-христианин, обладавший большой властью и могуществом (видимо, чиновник Великого хана). Самаркандские христиане пожалова-

²¹ Киракос Гандзакецци. Указ. соч. С. 196, 217–219, 224, 226–228, 236; Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. СПб., 1884. Т. I. С. 100; Т. II. С. 67–68.

²² Киракос Гандзакецци. Указ. соч. С. 226.

²³ Киракос Гандзакецци. Указ. соч. С. 226.

²⁴ Бартольд В. В. Указ. соч. Т. I. С. 576; Т. V. С. 505.

²⁵ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. I. С. 55–57, 99, 194, 358–359, 429, 434, 510; Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966. С. 43–95.

лись ему, что мусульмане принудили юношу принять ислам и делают то же в отношении христианской молодёжи. Они просили его решить вопрос с помощью принуждения и силы. Чиновник велел привести виновника. Христиане стали уговаривать его лаской, лестью, деньгами и разными благами остаться христианином. Монгол же угрожал ему жестоким наказанием. Но всё оказалось бесполезно. Тогда чиновник приказал казнить юношу, что и было сделано. Мусульманская община Самарканда послала жалобу в ставку Берке-хана, изложив суть дела. Берке приказал перебить эту христианскую общину прямо в церкви, а саму церковь разрушить²⁶.

Рассказ нуждается в объяснении. Причина новой вспышки борьбы христиан и мусульман в империи в это время состоит в том, что монголы вели войну с Багдадским халифатом, а в 1258 г. взяли Багдад – один из главных центров ислама, истребив или продав в рабство мусульманское население и не тронув христианское. Кроме того, Багдад был центром несторианской церковной организации, так как здесь находился престол католикоса. В этих условиях мелкий конфликт между мусульманами и христианами в Самарканде привёл к противостоянию и был использован Берке-ханом для укрепления своего положения в Мавераннахре²⁷. Следует отметить, что часть Средней Азии, называемая Мавераннахром (в том числе и Самарканд), находилась в сфере влияния Джучидов и была спорной территорией до 1260 г., когда наместники Берке были изгнаны оттуда Джагатаидами²⁸.

После правления Сартака золотоордынские несториане уже никогда не имели такого политического влияния. Все последующие ханы исповедовали другие религии и поддерживали другие группировки. При Берке в Волжской Булгарии чеканились монеты с именем покойного почитаемого халифа Насир лид-Дина и мусульманскими религиозными сентенциями. Мусульманский символ веры встречается на монетах, чеканенных в Волжской Булгарии при ханах правивших до Узбека²⁹. Хан Менгу-Тимур (1267–1280 гг.) был язычником. Туда-Менгу (1280–1287 гг.) – мусульманином. Язычник Тула-Буга (1287–1290 гг.) покровительствовал исламу. При Токте (1290–1312 гг.) большим влиянием пользовалась буддистская «партия» –

²⁶ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. II. С. 17–18.

²⁷ Петрушевский И. П. К истории христианства в Средней Азии // Палестинский сборник. М.; Л., 1966 Вып. 15. (78). С. 143–144.

²⁸ Бартольд В. В. Указ. соч. Т. II, ч. 2. С. 318.

²⁹ Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева. СПб., 1832. № 7–10. С. 2; № 15, С. 3. № 18–21. С. 4.; Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг // Материалы и исследования по археологии СССР. № 42. Труды куйбышевской археологической экспедиции. М., 1954. Т. I. С. 427–430; Фёдоров-Давыдов Г. А. Два клада серебряных монет из Болгара // Нумизматика и Эпиграфика. 1972. Т. X. С. 169; Фёдоров-Давыдов Г. А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 29–30.

уйгурские чиновники («бахши») и буддистские (ламаистские) священники («ламы»). Сам Токта благосклонно относился к людям любой религии, в том числе и к мусульманам³⁰.

Большой интерес представляет известие о золотоордынских несторианах и яковитах из «Ответов Константинопольского патриаршего собора на вопросы Сарайского (православного) епископа Феогноста» в 1276 г. Епископ спрашивал: «Как крестить несториан и яковитов?» В ответе патриарха Иоанна подчёркивалось, что они должны проклясть свою веру и учителей своих. Другой вопрос Феогноста Иоанну был о том, как крестить людей и исполнять богослужения в кочевых условиях³¹. Несмотря на отрывочность известия, в нём много информации. 1) В Золотой Орде во второй половине XIII в. были не только несториане, но и яковиты. 2) Их деятельность происходила в кочевых условиях. 3) Отношения Православной и Несторианской церквей были враждебными. 4) Русская Православная церковь стремилась обратить золотоордынских несториан в православие. 5) Менгу-Тимур, поддерживавший Русскую Православную церковь и окончательно отделивший Золотую Орду от империи, был не против обращения золотоордынских несториан и яковитов в православие, а может быть и поощрял это. Во всяком случае, Сарайский епископ Феогност, ездивший несколько раз в Константинополь с дипломатическими поручениями хана Менгу-Тимура, не посмел бы даже задавать вопросы о крещении несториан, если бы несторианская группировка пользовалась поддержкой хана.

Золотоордынские несториане, не имея большого политического влияния, участвовали в государственной жизни. В 1313 г. Узбек-хан (1312–1342 гг.) объявил ислам государственной религией Золотой Орды. Царевичи и нойоны, отказавшиеся предать веру отцов (шаманизм, несторианство, буддизм), были казнены³². По мнению Л. Н. Гумилева, оставшиеся несториане, не пожелавшие менять религию, подались на службу к русским князьям³³. В доказательство он приводит список русских дворянских фамилий тюркского происхождения³⁴. Однако до середины XIV в. мы не можем проследить массового перехода золотоордынской знати на службу к русским князьям. Единичные случаи зафиксированы в XIII – начале XIV вв.³⁵, но массовый характер это явление стало приобретать со второй

³⁰ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. I. С. 105, 174, 197, 277, 362, 435, 514.

³¹ Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. (Памятники XI–XV вв.) СПб., 1880. С. 136–137.

³² Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. I. С. 197, 385, 510; Т. II. С. 100, 104.

³³ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 537–538.

³⁴ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

³⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 143, 185.

половины XIV в. и продолжалось после распада Золотой Орды³⁶. В это время несториане уже не играли никакой роли в политической жизни Золотой Орды, аристократия которой исповедовала ислам.

Золотоордынские несториане, видимо, относились к Самаркандской метрополии, существовавшей в IX–XIV вв. Кроме того, проповедь в Золотой Орде несторианства велась из Туркестанской (начало XIV в.), Армянской (IX–XIV вв.) и Аланской (метрополия Аррана и Алании (Албании?) существовала в начале XIV вв.) несторианских метрополий³⁷.

Несторианская община в Самарканде не была уничтожена в 1259 г., хотя и значительно потеряла свое политическое влияние. Однако, ещё при Тамерлане несториане боролись за власть. Так, сохранилась несторианская легенда о том, что, пытаясь снискать расположение Тамерлана, несториане обратили в свою веру его любимую жену. Железный хромец, однако, казнил изменницу и так разолился на несториан, что решил истребить их окончательно. Так легенда объясняет причину гонения на несториан в Средней Азии при Тамерлане³⁸. В китайских источниках XIII в. Самарканд назван городом, где господствует христианство. Сведения о христианах в Самарканде прослеживаются уже после отделения от Золотой Орды до времен Улугбека (1409–1449 гг.). В 1404 г. Клавихио, посол Генриха III Кастильского писал Тимуру, что в Самарканде было много христиан (армян, греков, яковитов и несториан), переселенных Тамерланом из других стран (может быть и из Золотой Орды). По рассказу армянского историка XV в. Вардапета Фомы Мецопского при Улугбеке христианам в Самарканде пришел конец. Между 1421 и 1429 гг. один сириец-несторианин, по сану – диакон, покинул Мавераннахр, но послал туда письмо, в котором хвастался, что соблазнил жену мусульманина. Из-за этого начались гонения на христиан. Им предложили: либо принять ислам, либо смерть. Многие приняли смерть, остальные поменяли веру. Со второй половины XV в. в источниках больше не встречается упоминаний о христианстве в Мавераннахре³⁹.

³⁶ ПСРЛ. Т. XI. С. 125; Т. XII. С. 75, 118, 154, 219, 225, 235, 242–243, 256,

³⁷ *Sinodicon Orientale...* S. 619–620; *Sachau E. Zur Ausbreitung des Christentums in Asien...* S. 21–22. Трон Аланско-Арранской метрополии находился в г. Барда (в Азербайджане). Это наводит на мысль о том, что название «Алания», в данном случае, является распространённым искажением названия Кавказской Албании, столицей которой была Барда. Впрочем, самой Кавказской Албании не существовало уже с XI в. (Об этом см.: *Касумова С. Ю. Христианство (несторианство) в Азербайджане. Дис. ... докт. ист. наук. Баку, 1992. С. 76–82.*)

³⁸ *Спасский А. А. Сиро-халдейские несториане и присоединение их к православной церкви // Богословский Вестник. Сергиев Посад. 1898. № 5 (май). С. 230–231; Исторический очерк несторианизма от его появления в V веке до настоящего времени // Херсонские епархиальные ведомости. Одесса, 1868. № 8. С. 316.*

³⁹ *Бартольд В. В. Указ. соч. Т. I. С. 571–572; Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 146.*

Таким образом, в Золотой Орде и монгольской империи во второй половине XIII в. несториане составляли свою этноконфессиональнополитическую группировку, несмотря на её этническую неоднородность. Золотоордынские несториане относились к Самаркандской, Туркестанской, Армянской и Аланско-(Албанско) Арранской несторианским метрополиям. Сторонником несториан в Золотой Орде был сын Батгя – Сартак (1255–1256 гг.), при котором они достигли наивысшего влияния. Во внешней политике несториане ориентировались на Хулагуидский Иран, где они имели большое политическое влияние и были сторонниками единства империи. После правления Сартака несториане никогда уже не достигали значительного политического влияния в Золотой Орде. Геополитические устремления золотоордынских ханов не совпадали с программой несторианской партии. Узбек-хан (1312–1342 гг.), приняв в 1312 г. ислам в качестве государственной религии, окончательно отстранил представителей других конфессиональнополитических группировок от власти. После этого несторианские общины сохранились в городах Золотой Орды, но уже не имели никакого политического влияния

Е. Н. Ардабацкий

ВВЕДЕНИЕ САРАТОВСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ГОРОДОВОМУ ПОЛОЖЕНИЮ 1870 ГОДА*

Оживление экономической жизни, связанное с освобождением крестьян в 1861 г., требовало проведения серьезной реформы и в городах Российской империи. Подготовка к ней была длительной, но в 1870 г., в продолжение Великих Реформ, русские города получили новое устройство. По Городовому Положению, Высочайше утвержденному 16 июня 1870 г., это устройство именовалось городским общественным управлением, что означало совокупность всех учреждений городского самоуправления. Учреждения городского общественного управления включали: во-первых, Городское избирательное собрание, т. е. корпус городских избирателей; во-вторых, Городскую Думу или городское представительное собрание, орган распорядительной власти; в-третьих, городские распорядительные органы, состоящие из Городской Управы, различных комиссий (постоянных и временных), отдельных должностных лиц. Организационная структура, полномочия и должностные обязанности всех этих учреждений городского самоуправления были представлены во II главе городского положения 1870 г. Рассмотрим последовательно эти учреждения как в рамках

* Подготовлена при поддержке РГНФ, конкурс «Волжские земли в истории и культуре России», проект 01-01-00165 а/в

Рассмотрим последовательно эти учреждения как в рамках общероссийской законодательной базы, так и в практике становления в Саратове обновленных органов городского самоуправления в 1871 г.

Избирательное собрание. По Городовому Положению 16 июня 1870 г. Городские избирательные собрания составлялись «единственно для избрания Гласных Городской Думы через каждые четыре года; время созыва их определяется Думою». Правом голоса в избрании Гласных обладали как физические, так и юридические лица.

Важным нововведением Городового Положения 1870 г. была узаконенная всесословность выборов. При соблюдении определенных законом условий в выборах мог участвовать и быть избранным всякий городской обыватель, к какому бы сословию он ни принадлежал. Условия участия в выборах были следующими: ценз русского подданства; возрастной ценз («не менее 25 лет от рождения»); имущественный ценз-обязательность наличия владения в городских пределах (территория города и отведенных ему земель), на правах собственности, недвижимым имуществом, подлежащим обложению сбором в пользу города или обязательность содержания торгового или промышленного заведения по купеческому свидетельству. Таким образом, избирателю или будущему гласному нужно было иметь дом в черте городской осёдлости или участок земли, или торгово-промышленное предприятие, дающее определенный доход.

Кроме коренного городского населения, в выборах также могли участвовать лица, прожившие в данном городе два года (хотя бы и с отлучками) и уплатившие в пользу города установленный сбор с купеческого или промыслового на мелочный торг, или приказчиьего 1 разряда свидетельств, или с билетов на содержание промышленных заведений. Это условие было важным моментом законодательства, т. к. оно отражало процесс резкого роста городского торгово-промышленного населения за счет предприимчивых выходцев из деревни. Последним имущественным условием участия в городских выборах была полная уплата городских сборов и отсутствие недоимок¹.

Таким образом, по Городовому Положению 1870 г. избирательный корпус состоял из всех плательщиков городских налогов («цензовиков»), что выгодно отличало его как от Екатерининского городского Положения 1785., так и от последующего «Положения» 1892 г.²

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи (далее—ПСЗ). Собрание второе. Т. 45. Отделение первое. 1870. Санкт-Петербург, 1874, № 48498. С. 821–826; Джанишиев Гр. Эпоха Великих Реформ. Исторические справки. М., 1898. С. 563–585; Кизеветтер А. А. История России в XIX в. М., 1916. Ч. II. С. 113–115.

² Свод Законов Российской Империи, дополненный по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 г. и позднейшим Узаконениям 1911. и 1912 гт. 2-е изд. / Под ред. А. А. Добровольского / Сост. Н. Е. Озерцовский и П. С. Цыпкин. СПб., 1913. Кн. 1.

Однако социальное положение избирателей было далеко не одинаковым, что учитывалось законодательством: от крупных собственников – домовладельцев, до обладателей жалких лачуг на окраине города, а также лиц, вообще не обладавших недвижимостью, если они в качестве торговцев, приказчиков, ремесленников уплачивали в городскую казну несколько рублей промыслового сбора. Это оправдывалось теми соображениями, что данные группы городского населения имели преимущественную заинтересованность в поддержании и улучшении городского благоустройства. Считалось, что именно эти слои городского населения доставляли городской кассе большую часть средств, и были заинтересованы в правильном расходовании этих средств на нужды города. Таким образом, сословное положение, которым прежде обуславливалось право на участие в решении городских общественных дел, в новом Городовом Положении 1870 г. теряло свое прежнее значение, уступая место исключительно имущественному, т. е. буржуазному, представительству³.

Кроме городских обывателей, т. е. физических лиц, правом голоса на городских выборах пользовались и юридические лица, как-то: разные ведомства, учреждения, общества, компании, товарищества, а равно – монастыри и церкви, при условии владения ими в городах недвижимым имуществом, с которого в пользу города взимался положенный сбор, или при уплате установленных сборов с документов на право торговли и промыслов. При этом, юридические лица пользовались правом голоса на городских выборах через своих представителей (статья 21).

Женщины участвовали в выборах не лично, а только через уполномоченных по доверенности близких родственников (отцов, мужей, сыновей, зятьев и родных братьев). (Статья 20).

Не могли пользоваться своими голосами на выборах (хотя и имели на это право, в силу основной 17 статьи), губернские административные лица, связанные по долгу службы с организацией и проведением выборов: сам губернатор, члены Губернского по городским делам присутствия, члены Губернского Правления и чины местной полиции, «пока находятся в сих должностях» (статья 19).

Законодательством предусматривались также и отдельные категории лиц, вовсе лишенных права участия в выборах, несмотря на наличие недвижимости. Однако, кроме этих категорий лиц, в целом по городу лишённой избирательных прав оказалась «разношёрстная группа квартиронанимателей, куда входили лица свободных профессий, чиновники, рабочие, рантье и все дру-

Т. 1–4. С. 938; *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 113–115.

³ *Головачев А. А.* Десять лет реформ. 1861–1871. СПб., 1872. С. 225; *Михайловский И. Г.* Реформа городского самоуправления в России. М., 1908. С. 9–13; *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 113–115.

гие, не владевшие недвижимостью и не выбиравшие промысловых свидетелей». Именно эта ограниченность «электората» и вызвала бурную критику Городового Положения 1870г. со стороны российской общественности и исследователей городского самоуправления⁴.

Выборы. Городовое Положение 1870г. последовательно определило механизм выборов. Для их проведения в каждом городе из обывателей, имевших право голоса на выборах (статья 17–22), утверждались три Избирательных Собрания, каждое из которых выбирало одну треть положенных гласных в зависимости от общей численности городского населения. Для этого городские обыватели вносились в список избирателей в нисходящем имущественном порядке, т. е. по суммам, причитавшимся с каждого в доход города. После этого список делился на три разряда или собрания. Первый разряд состоял из самых богатых избирателей, суммарно плативших одну треть общегородской суммы сборов. Ко второму разряду причислялись следующие за ними по списку избиратели, также вместе уплачивавшие одну треть всех сборов. Третий разряд состоял из всех остальных избирателей. После этого, разделенный на разряды список, утверждался Городской Думой. Характерно, что в списках указывалось, как имущественное, так и словесное положение избирателя, а в XX в. стал также указываться и адрес⁵.

Порядок составления Избирательных собраний современниками считался самой существенной частью нового Положения, так как от полноты участия в выборах городского населения зависели имущественный и социальный состав Думы и Управы, социально ориентированное направление деятельности городского самоуправления. В конечном итоге, все сводилось к возможно большей полноте осуществления избирательных прав городского населения, как настойчиво стремились показать исследователи городской реформы 1870 г. Однако практический опыт в деле городского самоуправления приводил к иным важным и поучительным выводам. Характерным примером является компетентное мнение Саратовского Городского Головы 1901–1905 гг. Александра Осиповича Немировского, неоднократно им высказывавшееся в его печатных трудах о предстоящей реформе городского самоуправления. Немировский подчеркивал, что «правильная постановка городского самоуправления, возможно широкая, прочно обставленная компетенция его, ...правильное устройство и взаимоотношение городского самоуправления – Думы, Управы, комиссий, словом: правильное и целесообразное приспособление к жизни и постановка

⁴ ПСЗ. Собрание второе. Отделение первое. 1870. № 48498. С. 821–825; *Джаншиев Гр.* Указ. соч. С. 583–585; *Озеров И. Х.* Большие города, их задачи и средства управления. 2-е изд., доп. М., 1906; *Шрейдер Г. И.* Город и Городовое Положение 1870 г. // История России в XIX в. Т. IV. Эпоха реформ. Отдел II. Б.м., Б.г. С. 24–26.

⁵ ПСЗ. Собрание второе. Отделение первое. 1870. № 48498. С. 826–828.

его аппарата, правильное содействие и взаимодействие администрации... – эти условия играют гораздо большую роль, чем избирательные законы. При наличии этих условий, городское самоуправление работает час-то очень успешно и продуктивно, несмотря на очень отсталые и устарелые нормы избирательного права».

В своем обобщающем труде «Реформа городского самоуправления», изданном в Санкт-Петербурге в 1911 г., А. О. Немировский анализирует значение избирательной системы в городском самоуправлении с учетом общероссийского и зарубежного опытов того времени. Он убедительно оказывает гораздо большее влияние на дела других факторов – целесообразной постановки самих органов самоуправления: Думы, особенно Управы, их кадрового состава. Анализируя деятельность городского самоуправления в «качественном отношении», А. О. Немировский в первую очередь акцентирует внимание на высоком профессионализме работников как главнейшем условии успешной деятельности городского самоуправления: «... наступило время предъявить некоторые требования к лицам, претендующим стать во главе городского управления: хотя бы знакомства со счетоводством от членов Управы, заведующих кассой и бухгалтерией, или известных технических знаний от заведующих городскими строительными работами или сооружениями и прочее». Пока же существует прежняя организация, «какие улучшения может внести усиление правительственного надзора или изменение избирательной системы, которыми ограничивались все до сих пор произведенные реформы городского самоуправления?»⁶ – включает Немировский.

Должностные лица Городского Самоуправления. Порядок замещения должностей и условия городской общественной службы регламентировались двумя десятками статей Городового Положения 1870 г. (Глава II, 4 отделение). Основным началом был поставлен принцип выборности на должности городского общественного управления. В первую очередь замещались по выбору Городской Думы должности Городского Головы, членов Городской Управы и Городского секретаря (статья 82). В период длительного отсутствия Городского Головы его обязанности временно исполнял назначаемый Думой член Управы (статья 83). Также предусматривалось и избрание запасных лиц – кандидатов на должности членов Город-

⁶ Немировский А. О. О предстоящем преобразовании городского самоуправления. Доклад Городского Головы. Саратов, 1905. С. 3, 8, 16; *Его же*. Реформа городского самоуправления. СПб., 1911. С. 11, 25, 29, 30, 34, 50–52. Общественно-административная служба А. О. Немировского не завершилась хлопотной должностью Саратовского Городского Головы 1901–1905 гг. В 1906 г. он, по приглашению П. А. Столыпина, переехал в С.-Петербург, где и занял должность управляющего городским отделом Министерства Внутренних дел, а ближе к 1914 г. был назначен чиновником особых поручений 4-го класса при МВД – (см.: Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. 33. С. 185–186).

ской Управы, причем выборы в кандидаты производились отдельно, после выбора должностных лиц (статья 84). По выбору Думы назначались также члены торговой депутации, председатель и члены Комиссии для оценки недвижимых имуществ (статья 85). На городские общественные должности могли быть избраны не только гласные, но и другие лица, имевшие право голоса на выборах как лично, так и по доверенности (статья 86).

Однако существовали некоторые статьи, запрещающие общественную службу по выбору определенным категориям лиц. Запрет касался прямых родственников: членами Городской Управы не могли быть одновременно отец и сын, тесть и зять, а также родные братья (статья 87). Евреи не могли быть избираемы в Городские Головы, ни исправлять их должность. Число членов Городской Управы из нехристиан не должно было превышать одной трети всего ее состава (статья 88). Также в должности по городской общественной службе не могли быть избираемы: духовные лица, председатели и члены судебных мест, за исключением Почетных Мировых Судей, прокуроры и их товарищи (заместители), чиновники Казначейств (статья 89). В то же время должности по городской общественной службе были совместимы с должностями по государственной службе (с разрешения начальства), а также со службой по земским и сословным учреждениям (статья 90–91).

Городовым положением 1870 г., по сравнению с прежним законодательством, был увеличен на год срок службы Городского Головы, составивший 4 года. Столько же стали служить и члены Городской Управы. Срок службы Городского секретаря определялся Думой. Предусматривалось и регулярное обновление кадров – через каждые два года половина Членов Управы выбывала по очереди и замещалась вновь избираемыми, которыми могли быть и выбывшие (статья 94–95). Должности в канцеляриях Городской Думы и Управы, за исключением Городского секретаря, замещались по найму (статья 97), а порядок назначения определялся Думой.

Все избранные лица Городского самоуправления, включая Городского Голову, гласных Думы и членов Городской Управы перед вступлением в должность обязаны были приносить, «каждый по своей вере, присягу о добросовестном исполнении принимаемых ими на себя обязанностей; если вера кого-либо из избранных лиц не допускает присяги, то от таковых отбираются по сему предмету подписки» (статья 96).

Должностные лица городского самоуправления по Городовому Положению 1870 г. не считались состоящими на государственной службе (статья 99). При этом, Городскому Голове и Членам Городской Управы воспрещалось «входить в подряды и поставки по предметам городского хозяйства, но им не возбранялось участвовать в торгах на отдачу в содержание городских имуществ» (Статья 102).

Городские Головы, Члены Городских Управ, исполнительных комиссий, городских оценочных комиссий и торговых депутатий, а также чины тор-

говой и хозяйственной полиции при отправлении своих обязанностей и в торжественных случаях должны были носить особые должностные знаки по Высочайше утвержденным рисункам. На середине лицевой стороны знака был изображен «герб подлежащего городского поселения, с наименованием по краям оного должности лица, которое будет носить оный при отправлении служебных обязанностей, а на оборотной стороне знака было означено время утверждения Городового Положения» (16 июня 1870г.). Городским Головам, членам Городских Управ и исполнительных комиссий полагалось носить знак на большой плоской цепи по утвержденному законодательством рисунку, а прочим должностным лицам – на малой цепи; причем, цепь, на которой будет носиться знак, должна быть серебряная для наглядного отличия по цвету от цепи, на которой носят знаки судебного ведомства.

Городскому Голове представлялся, сверх того, мундир ведомства Министерства Внутренних дел, назначенный для Голов Санкт-Петербурга и Москвы по IV разряду, для Голов губернских и равных им городов – V, а для Голов прочих городских поселений – VII класса. Городскому Голове и членам Управ полагались должностные знаки⁷.

Саратовский материал дает относительную возможность (данные на 1878г.) судить о социальном составе избирателей 70-х гг. XIX века.

Список обывателей г. Саратова, имеющих право быть городскими избирателями на основании 17 статьи Высочайше утвержденного 15 июня 1870 г. Городового Положения, 3-его четырехлетия был составлен строго в соответствии с новым городским законодательством. Он включал в себя списочный состав трех Избирательных собраний города.

Первое из них состояло из 94 личных и коллективных избирателей. Открывало список Общество купцов и мещан Саратова, имевшее максимальную сумму городских сборов (1080 р.). Другими коллективными избирателями были Архиерейский дом (381 р.), дворянство Саратовской Губернии (120 р.). В этом списке первого собрания значились наиболее состоятельные и известные люди Саратова, в подавляющем большинстве купцы. Укажем некоторых из них, наиболее известных тогда:

Ф.И.О.	Сословная принадлежность	Сумма городских сборов
Гудков Василий Викулович	почетный гражданин	670 р. 05 к.
Барыкин Григорий Иванович	купец	600 р. 00 к.
Вакуров Василий Дмитриевич	купец	413 р. 35 к.
Очкин Григорий Васильевич	купец	361 р. 75 к.

⁷ ПСЗ. Собрание второе. Т. 4. Отделение первое. 1870. № 48498. С. 831–832; ПСЗ. Собрание второе. Т. 46. Отделение первое. 1871. СПб., 1874. № 49313–49317; Отделение 3. Приложения. СПб., 1874. № 49313.

Коробков Аполлон Алексеевич	купец	282 р. 25 к.
Кокуев Павел Иванович	коммерции советник	259 р. 45 к.
Парусинов Михаил Дмитриевич	купец	231 р. 25 к.
Шерстобитов Матвей Евдокимович	купец	175 р. 45 к.
Мордвинкин Иван Иванович	купец	163 р. 75 к.
Рейнке Андрей Егорович	поселянин	156 р. 25 к.
Масленникова Василия Львовича, почетного гражданина, наследники		156 р. 00 к.
Недошивин Ананий Иванович	купец	147 р. 25 к.
Шерстобитова Екатерина Родионовна	купчиха	108 р. 00 к.

Сумма городских сборов по Первому собранию варьировалась от максимальной (верхний предел законодательство не устанавливало) в 1080 р. до минимальной – в 72 р. и составляла в общей сложности 15 545 р.

Второе избирательное собрание (того же 1878 г.) Саратова состояло из гораздо большего количества избирателей – в списке их значится 507, включая коллективное членство, а вся сумма городских сборов, платившихся этими избирателями, составляла вторую треть общегородской суммы или 15 514 р. 40 к. Социальный состав Второго собрания более широк, но с заметным преобладанием купцов; некоторые из них:

Финаев Леонтий Степанович	купец	61 р. 75 к.
Критский Иван Дмитриевич	купец	62 р. 95 к.
Скворцов Иван Васильевич	купеческий сын	60 р. 00 к.
Жегина Агрофена Ивановна	купчиха	60 р. 00 к.
Смирнова Елизавета Эрастовна	купеческая дочь	19 р. 00 к.

Среди купцов по Второму собранию встречаются и почетные граждане – Никитин Хрисанф Иванович (66 р. 25 к.), наследники – купца Калашникова Ивана Васильевича (54 р. 00 к.). Здесь же достаточно часто встречаются дворяне – Слепцов Александр Павлович (72 р. 00 к.), Столыпин Афанасий Валерианович (60 р. 00 к.), его наследники (30 р. 00 к.), Щербатова Мария Афанасьевна, княгиня (48 р. 00 к.), Елагина Мария Михайловна, дворянка (30 р. 00 к.).

В этом же списке представлено и состоятельное чиновничество мужского и женского пола: Аничков Петр Николаевич (36 р. 00 к.), Языков Николай Дмитриевич (60 р. 00 к.), Фролов Николай Петрович (27 р. 00 к.), Лаврова Агафья Анфимовна (54 р. 00 к.). Здесь же начинают встречаться и состоятельные мещане – Аленин Алексей Михайлович (24 р. 00 к.), Лепалева Прасковья Ивановна (24 р. 00 к.), цеховые – Викторовы Артемий и Яков Ивановичи (по 37 р. 75 к.); единично встречаются и крестьяне – Солин Алексей Михайлович (66 р. 25 к.).

Коллективными избирателями по Второму собранию являлись Отделение государственного Банка (36 р. 00 к.), Почтовое ведомство (48 р. 00 коп.) и др. Сумма городских сборов по отдельным избирателям колебалась от 72 р. 00 к. до 13 р. 75 к.

Третье избирательное собрание Саратова было представлено подавляющим большинством городских избирателей, владельцев средней и, в основном, мелкой недвижимости – 5186 человек. Сумма сборов по избирателям колебалась здесь от 13 р. 75 к. до минимальной в 30 к. Социальный состав этого собрания был достаточно пестрым: здесь встречаются купцы и купчихи, временные купцы и купеческие сыновья, даже торговые дома («Торговый Дом Василия Перлова с сыновьями»), изредка встречаются дворяне и представители интеллигенции (доктор, жена архитектора); часто встречаются чиновники и чиновницы, военные и члены их семей (майор, поручик, фельдфебель, солдат, полковница, солдатка); попадаются крестьяне, но преобладающее большинство Третьего собрания составляли мещане⁸. В целом же процент участия в выборах физических и юридических лиц был весьма невелик. На 1878 г. он составлял всего 5,7% от всего населения Саратова, а в 1882 – и того меньше, только 5,2%. Видимо, подобными по составу Избирательными собраниями г. Саратова были избраны гласные и органы городского самоуправления на первое четырехлетие (1871–1874 гг.).

Содержание аппарата обновленного Саратовского Городского самоуправления предусматривалось расходной частью городского бюджета – «Свода росписи доходов и расходов по городу Саратову на 1871 г.». Общая сумма всех городских доходов на 1871 г. планировалась в следующих контрольных цифрах:

назначено бывшей Думой к сбору	228068 р. 85 к.
утверждено Губернским Правлением	187251 р. 13 к.
предположено комиссией всего	291797 р. 06 к.

Предполагаемый расход планировался в общей сумме в 260278 р. 42, 75 к. Из этой суммы на содержание канцелярии Городской Думы был исчислен расход в сумме 17096 р., в том числе – на мещанское отделение – 3569 р. и на рекрутское 2071 р.

Губернское Правление при рассмотрении этой статьи расхода утвердило его только в сумме 12056 р. (содержание канцелярии Думы), а остальные 5640 (содержание мещанского и рекрутского отделений), согласно предписаниям министра Внутренних Дел были представлены на усмотрение общей Думы. Городская комиссия, посчитав, что содержание мещанского отделения есть сословный расход, порекомендовала утвердить эту сумму только на 1871 г., а относительно расхода на рекрутское отделение Городской Управе предлагалось изыскать средства за счет мещанского общества.

Содержание Городского Головы г. Саратова определялось еще приговором городского общества от 6 февраля 1866 г. После введения нового Городового

⁸ Список обывателей г. Саратова, имеющих право быть избранными на основании 17 статьи Высочайше утвержденного 16 июня 1870 г. Городового Положения. 3-е четырехлетие. Саратов, 1878. С. 1–363.

Положения 1870 г., по постановлениям Саратовской Городской Думы от 3 и 17 февраля и 12 марта 1871 г. жалование Городскому Голове было прибавлено на 2 тысячи рублей, т. е. вместо прежних 3 тысяч было назначено 5 тысяч рублей годового содержания. Кроме того, четырем членам Управы было назначено по 2 тысячи рублей каждому, а Городскому секретарю – 800 рублей в год. Было также определено годовое жалование двум членам от города в Полицейском Управлении – 2 тысячи; четырем городским депутатам – по 500 рублей каждому, трем городским ценовщикам – по 500 рублей и двум ценовщикам по 300 рублей, что составляло общую сумму в 19900 рублей. Комиссия по рассмотрению росписи доходов и расходов г. Саратова на 1871 г. приняла во внимание, что все избранные лица (кроме Городского Головы, избранного в начале 1871 г. и исполнявшего свои обязанности) вступили в должность не ранее марта месяца 1871 г., поэтому их содержание постановили исчислять и внести в роспись только за 10 месяцев, что выразилось в общей сумме в 17583 р. 34,5 к⁹.

Введение нового Городового Положения в г. Саратове

По закону новое Городовое Положение в Саратове должно было вводиться незамедлительно как в одном из крупных городов Российской Империи (29 место из 46 городов). В это время последним дореформенным Городским Головой был купец 1 гильдии, коммерции Советник Павел Иванович Кокуев, занявший эту должность не без высокой протекции. В январе 1870 г. Коллежский советник В. П. Гусев и купец П. И. Кокуев баллотировались на должность Городского Головы. Больше число голосов тогда получил Гусев, но губернатор князь С. П. Гагарин утвердил Кокуева, которому благоволил. Городское общество этими действиями губернатора было сильно недоволено и обжаловало их в Сенате как в Высшей судебной инстанции. Сенат распорядился отставить от должности Кокуева и утвердить Гусева, а сам губернатор был отстранен от губернаторства. Таким образом, П. И. Кокуев управлял Саратовом только четыре первых месяца 1870 г.¹⁰

В конце 1870 г. в городе прошли новые думские выборы, а 4 января 1871 г. состоялось первое заседание новой городской Думы г. Саратова. В заседании участвовал 71 гласный. Гласные принесли присягу и перед началом своей работы приняли первое постановление Думы о поручении Городскому Голове телеграфировать министру Внутренних Дел текст телеграммы Императору Александру II с выражением «глубочайшей верно-подданнической благодарности за дарование нам нового Городового

⁹ Доклад Комиссии по рассмотрению росписи доходов и расходов г. Саратова на 1871 г. Приложение к протоколу 17 июня 1871 г. № 20. Саратов, 1872. С. 25–28, 48, 53.

¹⁰ ПСЗ. Собрание второе. Т. 45. Отделение первое. 1870. № 48498. С. 821; Сведения любезно предоставлены автору Е. К. Максимовым.

Положения и постоянные неусыпные заботы о нашем благосостоянии». Затем гласные приступили к баллотировке Городского Головы. На эту высокую должность большинством голосов (68 против 3) вновь был избран В. П. Гусев, занимавший ее по 1875 г. Все остальные организационные вопросы были отложены до будущих заседаний¹¹.

На февральско-апрельских 1871 г. заседаниях были сформированы исполнительные органы Саратовского городского самоуправления. Так, на заседании 3 февраля 1871 г. в присутствии 60 гласных были рассмотрены вопросы о количестве членов Городской Управы и размерах их персонального содержания. Дума постановила: «Управу составить из четырех членов и назначить содержание каждому по две тысячи рублей в год, производя это содержание только за время действительного исполнения служебных обязанностей, т. е. производя вычеты за время отсутствия по личным делам. Городскому Голове было назначено пять тысяч рублей в год на тех же условиях, а Городскому секретарю было положено 800 рублей, причем срок его службы ограничивался двумя годами». На этом же заседании посредством закрытой баллотировки шарами были избраны (как ранее Городской Голова) члены Городской Управы в следующем составе: Лисенко Захар Ипатьевич (42-за, 17-против), Фомин Михаил Владимирович (32-за, 27-против). Дальнейшая баллотировка была отложена до следующего заседания. На этом же заседании Думы была образована и первая из комиссий при Управе. Ей стала наиболее важная комиссия для росписи городских доходов и расходов, т. е. формировавшая городской бюджет. В комиссию были избраны: В. Вакуров, И. И. Мордвинкин, А. И. Недошивин, Д. Я. Уваров, И. Т. Куприянов, Ф. И. Кожевников.

На заседании Думы, состоявшемся 17 февраля, были избраны и остальные члены Управы. Ими стали: А. Д. Горбунов (43-за, против 18), Х. П. Образцов (39-за, против 22). Кандидатами в Управу были избраны: Д. С. Парусинов (47-за, против 14), Д. Е. Поляков (40-за, против 21) и Городской секретарь М. С. Васильев (58-за, против 3).

На думском заседании 24 февраля 1871 г. были рассмотрены вопросы о содержании депутатов (гласных Думы), избравшихся на должности других органов городского самоуправления. Дума постановила: двум членам от города войти в местное полицейское управление, и платить им по одной тысяче рублей годового содержания каждому. Членам Сиротского суда было положено платить 2 тысячи всем, а директору Городского Банка было определено годовое содержание в 2 тысячи рублей, его же товарищам (заместителям) – по 1200 рублей в год. Четырем торговым депутатам было определено годовое содержание в 500 рублей в год каждому.

На следующем заседании Думы 1 марта 1871 г. в присутствии 49 гласных были проведены выборы на ряд других общественных должностей.

¹¹ Протоколы Саратовской Городской Думы. 1871. Янв., февр., март. С. 1–7.

Гласными от города в Городское полицейское управление были избраны И. Т. Куприянов и П. М. Попов. Директором Городского Банка был избран А. И. Недошивин, а кандидатом на эту должность – И. Н. Уфинцев. Товарищами (заместителями) директора стали В. П. Скворцов и С. Е. Жегин, а кандидатами – Г. Д. Кириллов и В. Я. Коротков. Членами торговой депутации были избраны Л. И. Растворов, В. П. Болдырев, И. И. Малинин, а кандидатами И. В. Секирин, А. Л. Масленников, Ф. Н. Куташов, Е. Т. Решетников.

На этом же заседании Дума приняла решение об избрании также и ценовщиков в количестве 4 человек (по два от купцов и мещан) для оценки городских каменных зданий «на предмет их залога в казне». Этими ценовщиками, по назначению Думы проводились оценки зданий и земель в черте города, закладываемых в Городском Банке. Мещанским обществом избирались из своей среды еще два ценовщика для различных оценок по требованию полиции, а один из них направлялся Думой в Городской Банк для закладываемых в нем вещей. Этим ценовщикам Думой было определено платить по 300–500 рублей годового жалования каждому.

На заседании Городской Думы от 12 марта 1871 г. была проведена баллотировка на должности ценовщиков. Ими были избраны:

1) Для оценки имущества на предмет залога в казне, Городском Банке и для обеспечения иска – М. П. Чистяков, В. Д. Мамин, А. И. Соколов и кандидатом к ним – И. Ф. Дружинин.

2) Для оценки имущества во всех других случаях, не сопряженных с денежной ответственностью, были избраны гласные И. И. Славин, М. Д. Гусев и кандидатом к ним – Е. С. Турчанинов.

Таким образом, Саратовская Городская Дума нового образца была сформирована, открыта и приступила к практической работе. В соответствии с новым Городовым Положением она представляла все городское общество, обсуждала касавшиеся его дела и действовала его именем во всех случаях, когда закон требовал принять общественное постановление или приговор по этим делам (статья 54). Первые вышеуказанные заседания Саратовской Городской Думы были проведены в полном соответствии с 1 и 2 пунктами 55 статьи Городового Положения. Они предусматривали в качестве первоочередных организационных мер «назначение выборных должностных лиц и дела общественного устройства», а также «назначение содержания должностным лицам городского общественного управления и определение размера ононого»¹².

Следующим по Положению шагом в создании Саратовского самоуправления было открытие органа исполнительной власти – Городской Управы. Она, как и Городская Дума, состояла под председательством Городского Головы. Число членов Управы определялось Городской Думой. Законода-

¹² Протоколы Саратовской Городской Думы. 1871. Янв., февр., март. С. 8–22; ПСЗ. Собрание второе. Т. 45. Отделение первое. № 48498. С. 828.

тельство 1870 г. давало только нижний предел количества членов Управы: «...не должно быть менее двух сверх председателя». Саратовская Городская Управа 70-х гг. состояла из 4 членов и 3 кандидатов¹³.

Городская Управа в Саратове была учреждена 6 апреля 1871 г. Ее открытие по традиции предшествовал торжественный молебен в здании Думы, отслуженный Саратовским архиепископом преосвященным Иоаникием. Он же произнес и напутственное слово, обращенное к присутствовавшим гласным Думы, членам Губернского по городским делам присутствия и всем приглашенным. Затем в присутственном зале Управы к собравшимся саратовцам с приветственной речью обратился Саратовский Губернатор Действительный Статский Советник М. Н. Галкин-Враской. Человек высокой культуры, свою речь он начал следующими словами: «... При настоящем, замечательном для Саратова торжестве, позволю сказать Вам, милостивые государи, несколько слов. Новое Городовое Положение, которое предстоит ввести Вам в жизнь, представляет Вам право почти самостоятельного распоряжения городским хозяйством... Правительство и местные жители возлагают на Вас тем большие надежды, что Саратов – один из богатейших городов Империи... Вы располагаете огромным количеством принадлежащих городу земель, имеете в своем распоряжении более миллиона свободного капитала; при этих средствах и выгодах самого положения Саратова разве позволительно сомневаться в возможностях достижения городу надлежащего благоустройства?».

Далее в своей речи губернатор обратил внимание членов Управы на «некоторые, наиболее выдающиеся предметы» порученного им хозяйства. Они касались благоустройства Саратова и имели долговременную перспективу, как, например, оздоровление территории Глебушева оврага, обращение его, этой давней инфекционной «язвы города» в общественный сад. Была также отмечена необходимость мощения центральных улиц камнем, польза насаждения Камышинской (Рахова) и Астраханской улиц деревьями и т. п.. Губернатор обратил особое внимание членов Управы на необходимость застройки пустовавших мест в городской черте и за ее пределами, постройки нового городского водопровода, улучшения санитарного состояния и другие жизненно важные для города вопросы¹⁴.

В течение первого четырехлетия (1871–1874 гг.) состав Саратовской Городской Думы несколько менялся количественно, сохраняя стабильность в социальном плане. Так, данные на 1872 г. были следующими –

¹³ ПСЗ. Собрание второе. Т. 45. Отделение первое. № 48498. С. 830; Свод Законов Российской Империи, дополненный по Продолжениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим Узаконением 1911 и 1912 гг. Кн. 1. Т. I–IV. Издание второе. СПб., 1913. Стб. 953.

¹⁴ Саратовские губернские ведомости. 1871 г. апрель; памятная книжка Саратовской Губернии на 1872 г. Саратов, 1871. С. 120–123.

¹⁵ Памятная книжка Саратовской Губернии на 1872 г. С. 87–89.

всего гласных насчитывалось 65 человек, в том числе имевших чины: по одному действительному статскому, надворному, коллежскому советнику, коллежских асессоров – 6, дворян, военных – 2, купцов II гильдии – 36, потомственных и почетных граждан из купечества – 5, купеческих братьев и сыновей – 2, мещан – 11, цеховых – 3¹⁵. Среди гласных не редкостью были яркие и талантливые личности, честно и добросовестно относившиеся к своему общественному долгу.

Таким образом, основным итогом административной жизни г. Саратова в 1871 г. было становление обновленного городского самоуправления, в дореволюционную эпоху сделавшего немало для улучшения и развития разных сторон жизни нашего города.

М. В. Булычев

БОРЬБА ЗА КАСПИЙСКИЕ РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

С середины XVIII века, из-за хищнического лова рыбы, прежде всего осетровых пород, ценность рыбных угодий на Волге, на участке Саратов – Царицын, упала¹, а центр промысла сместился в низовья Волги и далее в Каспийское море. С этого периода, прежде слабо заселённые и непригодные для земледелия территории дельты Волги и северного побережья Каспийского моря стали притягательными как для многочисленных рыбаков и рыбопромышленников, так и для местного и столичного дворянства, которому в 60-х годах XVIII века Московская межевая контора, с разрешения правительства, начала продавать здесь земли. Как правило, помещики скупали сравнительно небольшие участки так называемой «удобной» земли под население крестьян, платя в казну всего по рублю с десятины. При этом замежевывались десятки тысяч «неудобных» земель, примыкавших к наиболее ценным рыбным ловлям, что давало возможность претендовать (не официально, но фактически) на право обладания морскими прибрежными водами. Так, княгиня Ирина Юсупова купила в 1772 г. 1000 десятин. Позже этот и смежный с ним участок оказались у кн. Б. Н. Юсупова, которому в 1791 г., при обмежевании поместья, было прирезано безвозмездно 129311 дес. «неудобных» земель. При этом только в даче с. Никольского оказалось 123 версты морского берега². Особенно ускорилось проникнове-

¹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С. 98.

² Как выяснилось в дальнейшем, почти все владельцы приморских поместий сумели присоединить к полученным угодьям ещё десятки тысяч лишних десятин. Государственный архив Астраханской области (далее – ГАО), ф. 194, оп. 2^а, д. 8, л. 3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 186, оп. 1, д. 185, л. 208.

ние привилегированного сословия в Астраханскую губернию с середины 80-х годов. Так, в 1786 г. кн. А. А. Вяземскому было отведено 10397 дес. удобных и 92086 дес. неудобных земель, которые протянулись вдоль моря на 127 верст³. В 1792 г. генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков получил в Красноярском уезде урочища Мертвый Култук и Качан (786 дес. удобных и 209925 дес. неудобных земель)⁴. Обширные участки побережья были пожалованы Екатериной II знаменитому князю А. А. Безбородко и некоторым другим вельможам.

Раздачу берега Каспия продолжил Павел I. В 1797 г. 4 казенных участка в устье Волги, которые раньше были в пользовании астраханских купцов, были пожалованы действительным тайным советникам князьям Александру Борисовичу и Алексею Борисовичу Куракиным⁵, а указом 1799 г. император отдал обер-шталмейстеру гр. И. П. Кутайсову в «вечное и потомственное владение» значительный участок берега, а также богатейшие Эмбенские рыбные ловли⁶. Таким образом, вполне официально, часть моря стала частным владением. К 1812 г. в собственности дворянства Астраханской губернии было около 907000 дес.⁷, которые сконцентрировали в своих имениях менее чем три десятка крупных помещиков. Практически все побережье Каспийского моря от устья Терека до территории Уральского казачьего войска оказалось в руках всего лишь нескольких дворянских родов. Ценность этих владений заключалась в прибрежных морских водах, богатых рыбой. Так, братья Н. В. и А. В. Всеволожские, к которым перешли владения кн. Вяземского и некоторые другие территории, оценивали свое имение в конце 40-х годов XIX века в 2808383 руб., в том числе, свыше 89% приходилось на морские и речные рыболовные воды⁸.

Самовольно присвоив себе монопольное право на лов рыбы вблизи берегов, астраханские помещики-рыбопромышленники вступили в противоречие с интересами государства в целом, которое было заинтересовано в росте доходов казны от богатых морских промыслов Каспия.

Разбирая в начале XIX в. спор между гр. И. П. Кутайсовым и гр. Н. И. Салтыковым о праве владения урочищами Мертвый Култук и Качан с прилегающими к ним промысловыми водами, Александр I указом 27 августа 1802 г. отметив, что «...силою самых древних законов и установлений, воды морские, даже при местах действительно заселенных никогда и

³ РГАДА, ф. 186, д. 185, л. 205.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее – ПСЗ-1). Т. 27. № 20388.

⁵ ПСЗ – 1. Т. 27. № 20933.

⁶ Там же. № 20388.

⁷ Мальцева И. Ф. Владельческая колонизация Нижнего Поволжья во второй половине XVIII–первой половине XIX в. М., 1980.–Деп. в ИНИОН АН СССР. № 5531. С. 56.

⁸ РГАДА, ф. 1290, оп. 4, д. 1365, л. 1 об., 2 (Подсчёт процентов мой.– М.Б.).

нигде частному владению не подлежали, а должны оставаться в общем и свободном для всех употреблении», да и «разум Дворянской грамоты, дающей право помещикам по землям владеть водами, объемлет только реки и озера, а к морским ловлям относиться не может», постановил выделить Салтыкову спорные 786 дес. в других губерниях. Эмбенские же и другие промыслы, пожалованные его отцом своему фавориту, новый император указал обратить «в прежнее их общее ... употребление»⁹, так как «...исключительное владение сими рыбными ловлями, на столь нарочитом пространстве одному лицу присвоенное, есть вредная не только одному краю, но и всему государству монополия».

Этим указом как бы подводилась законодательная база для того, чтобы впредь «рыбные сии промыслы, так как и часть земель, для заведений их и пристанищ нужная, никому ни в оброк, ни в собственность отдаваемы не были, но оставались бы в общем желающих владении». Сенату было поручено рассмотреть права и всех остальных помещиков на морские воды и принять меры к обращению последних «в общее государственное имущество»¹⁰.

Однако, как и во многих других случаях, дальше словесного заявления молодой царь не пошел. В следующем году Сенат, выполняя указ императора, подготовил доклад об устройстве рыбных промыслов на Каспийском море. При этом Сенат нашёл, что продажа и раздача земель помещикам была «учинена» неправильно, в нарушение имевшихся постановлений. Но, так как владельцы заселили некоторые земли крестьянами (крепостными рыбаками), устроили хозяйственные заведения, или продали уже эти участки в другие руки, то оставить им по одной квадратной версте морского берега на каждую рыболовецкую артель, а прочие земли передать в «общее употребление всех желающих иметь пристанище для морских промыслов». Пожалованные князьям Куракиным казённые учуги¹¹ было предложено, дабы не нарушать владельческих прав, оставить за ними в пожизненное пользование, а затем уничтожить, так как учуги в устье Волги препятствовали ходу рыбы на нерест. 11 сентября 1803 г. Царь утвердил доклад, придав ему силу закона¹².

Это новое постановление, по сравнению с указом 1802 г., было шагом назад. За помещиками закреплялась часть побережья, хотя признавалась

⁹ Этим же указом бывший обер-шталмейстер получал огромную денежную компенсацию – 1500000 рублей.

¹⁰ ПСЗ – 1. Т. 27. № 20388.

¹¹ Устройства для задержания рыб (главным образом, осетровых пород), поднимающихся вверх по течению реки.

¹² Несомненным плюсом данного сенатского постановления было запрещение использования наиболее варварских снастей, которые, перегораживая узкие протоки дельты Волги, преграждали свободный ход рыбы. В то же время в открытом море разрешалось использование любых снастей – (см.: ПСЗ – 1. Т. 27. № 20933).

незаконность его приобретения. И, главное, постановление обходило молчалим права владельцев на морские воды против их земель.

С 1816 г. все частные владения были обмежены с оставлением для каждой артели по квадратной версте берега. При этом признавались права береговых владельцев на морские воды до четырёхсаженной глубины. Итоги межевания были представлены в 1818 г. в Сенат, который их так и не утвердил¹³.

Однако сановные владельцы прибрежных участков, недовольные и этим решением, которое грозило резким ограничением их доходов, использовали всё влияние на правительство, чтобы отстоять исключительное право на все приморские земли и лов рыбы в «своих» водах¹⁴. Поэтому рассмотрение прав частных владельцев на занятые ими морские просторы затянулось более чем на четверть века.

С 20-х годов XIX века рыболовство и тюлений промысел Астраханского края получают дополнительный импульс. Сокращение торговли Астрахани с Персией и Средней Азией¹⁵ способствовало перемещению торгового капитала в промыслы Каспийского моря. Это отмечается уже в обстоятельном сочинении 1824 – 1825 гг. астраханца Н. Стахова¹⁶. К середине столетия Астраханская губерния давала более половины всей рыбы, добытой в Европейской России.

Рыболовство оставалось основной отраслью хозяйства большинства жителей южных уездов губернии – Астраханского и Красноярского. В начале 50-х годов на всех промыслах Каспийского бассейна занимались рыболовством, по официальным сведениям, более 200 тысяч человек. Для ловли рыбы употреблялось до 850 судов и несколько тысяч лодок¹⁷. Как и прежде, ловом рыбы, боем тюленя и обработкой добытой рыбы и зверя занимались все слои населения. Одни – как хозяева или арендаторы крупных промыслов, владельцы морских рыболовных судов, другие – как мелкие производители, имевшие одну-две лодки или расшиву, третьи – как наемные работники.

¹³РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 117, л. 41

¹⁴Из крупных правительственных чиновников идею вольного промысла на всей территории Каспийского моря поддержал лишь наместник Кавказа А. П. Ермолов, представивший в Сенат особое мнение, в котором подчеркнул, что не более пяти помещиков захватили все побережье на протяжении 700 верст – от границ Уральского войска до владений шамхала Тарковского. Эти помещики и крупные купцы, арендаторы их промыслов, фактически монополизировав добычу рыбы в регионе, взвинтили цены на рыбопродукты – (см.: РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 185, л. 6.).

¹⁵Более подробно об этом: Булычёв М. В. Развитие торговли Нижнего Поволжья во второй четверти XIX века // Актуальные проблемы исторической науки. Саратов, 1984. Деп. в ИНИОН АН СССР. 1985. 16 янв. № 19301.

¹⁶Российская государственная библиотека. Отдел рукописей, ф. 256, ед. хр. 428.

¹⁷Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1852. Т. 5, ч. 5. С. 145.

Рыболовные «заводы» во множестве были разбросаны в низовье Волги и по берегам Каспийского моря. На этих небольших предприятиях пойманная рыба консервировалась путём соления, вяления, копчения. Из неё изготавливали разнообразные продукты – балыки, вязигу, клей, пользовавшиеся большим спросом на рынке. Весь цикл по обработке рыбы подразделялся на определённые операции, выполнявшиеся вручную наёмными работниками под присмотром специалистов: солельщиков, резальщиков, икряников, клеевщиков, жиротопов и других. Такие «заводы» представляли собой, как и в других отраслях промышленности этого времени, мануфактурные производства, владельцами которых были преимущественно купцы и дворяне. Некоторые крупные предприниматели занимались обслуживанием рыбных промыслов. Так, для хранения улова и рыбопродуктов промышленники нанимали отдельные «лари» и «выходы» – громадные, обложенные льдом подвалы, прорытые в склонах холмов за Волгой, неподалёку от Астрахани. Таких хранилищ в начале 50-х гг. было четыре. Принадлежали они крупным купцам и приносили значительные доходы. В «выходе» купца Голикова в 1851 г. хранилось до 2 тыс. пудов рыбы и 2,5 тыс. сорокопудовых бочек жира. «Выход» купца Сергеева был вдвое обширнее голиковского¹⁸.

Наряду с существованием крупных морских и речных промыслов в Астраханской губернии широкое развитие приобрёл подрядный лов по договорам, основанный как на семейном, так и на наёмном труде и являвшийся по существу мелкотоварным производством. В 1851 г. в губернии промыслили до 10 тысяч подрядных ловцов, тесно связанных производственным циклом с крупными промышленниками. Подрядными ловцами были мелкие купцы, мещане, помещичьи и государственные крестьяне. Близкими по положению к подрядным ловцам были и те купцы, мещане, крестьяне, которые участвовали в вольном промысле в качестве самостоятельных рыбопромышленников. Заниматься вольным промыслом в Эмбенских водах или подрядным ловом в качестве самостоятельных хозяев рыболовных судов или даже лодок могли далеко не все желающие. На постройку и оснащение большой морской рыболовной лодки в 20-х – 30-х гг. требовалось более тысячи рублей. Морское рыболовное судно средних размеров обходилось в 40–50 тысяч рублей. Большинство ловцов, не имевших достаточных средств для покупки лодки и приобретения необходимых орудий лова, припасов и на наём работников, брали деньги у ростовщиков или получали «задаток» у владельцев промыслов¹⁹. Искусственно поддерживавшиеся крупными предпринимателями низкие закупочные

¹⁸ Небольсин П. И. Ловецкие рассказы о Каспийском рыболовстве // Астраханские губернские ведомости (далее – АГВ). 1855. 12 янв.

¹⁹ РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 117, л. 48; д. 118, л. 146, 146 об. Там же, ф. 1290, оп. 4, д. 1316, л. 130, д. 1309, л. 40, 41.

цены на рыбу или тюленя²⁰. повышение цен на продукты питания, а также сокращение добычи из-за хищнических способов лова приводили к тому, что часто к концу сезона ловцы не могли покрыть даже взятый аванс. Они, как отмечал поверенный князя Б. М. Юсупова И. Шулешов, «остаются год от года больше в долгу»²¹. Во многих контрактах недоловы, прежние долги обеспечивались рыболовными орудиями, лодками и имуществом ловцов. Многие вольнонаёмные ловцы разорялись. Так, Богатокултукская контора в 1858 г. не смогла взыскать полностью недоимки накопившиеся на подрядившихся ловцах, у которых, как объяснял управляющий, «почти никакого нет имущества кроме ветхих гнилых жилищ едва укрывающих семейства их от морозов и непогоды, которые нисколько не могут покрыть имеющиеся на них недоловной суммой»²². Такие, прежде свободные, мелкие производители становились наёмными работниками, полностью зависимыми от произвола рыбопромышленников.

Рыбные промыслы требовали участия большого количества именно таких наёмных работников, употреблявшихся на «черновые» работы: рыбаками на судах и лодках, бойщиками тюленей, неводщиками и т. п. Но если для одних эта работа являлась почти единственным занятием, то другие нанимались лишь на определённый сезон, а остальное время занимались сельским хозяйством. В работники нанимались мещане и крестьяне Астраханской губернии, калмыки, а также большое количество людей, пришедших в поисках работы на астраханские рыбные промыслы из других губерний Поволжья.

Владельцами наиболее прибыльных рыбных промыслов по-прежнему были крупные помещики, которые, игнорируя сенатский указ 1803 г., продолжали удерживать побережье, не допуская в свои владения вольных ловцов. Обобщающих данных об участии помещиков в рыбопромышленности нет. Сведения о количестве выловленной рыбы в имениях, указанные в официальных отчетах властей, часто не сопоставимы – одни владельцы измеряли уловы в пудах, другие – поштучно. Но описания отдельных имений, отчёты управляющих²³ в сопоставлении с некоторыми документами губернских учреждений позволяют в целом определить основное направление эволюции помещичьих рыбных промыслов в Астраханской губернии во второй четверти XIX века.

На помещичьих рыбных промыслах широко применялся труд крепостных крестьян. Ловом рыбы на своих помещиков занимались почти все владельческие крестьяне Астраханского и Красноярского уездов и, частично,

²⁰ Небольсин П. И. Ловецкие рассказы о Каспийском рыболовстве // АГВ. 1854. 8 окт.

²¹ РГАДА, ф. 1290, оп. 4, д. 1309, л. 61.

²² РГАДА, д. 1391, л. 188.

²³ Наиболее полные сведения о помещичьем рыбном промысле сохранились в фонде Юсуповых // РГАДА, ф. 1290, оп. 2, 4.

крепостное население Черноярского и Енотаевского уездов. По официальным сведениям, в начале 50-х гг. на владельческих рыбных промыслах было занято до 2 350 крепостных крестьян.²⁴

Формы эксплуатации крепостных ловцов различались в зависимости от прибыльности промыслов. У помещиков Енотаевского, Черноярского уездов – Н. И. Кишенского, М. М. Везелева, княгини П. И. Голицыной, во владении которых речные рыболовные воды были не столь обширные и прибыльные, как у приморских помещиков, крестьяне находились на барщине и отбывали рыболовную повинность в счёт господских дней. У крупных помещиков, владевших устьем Волги и северным побережьем Каспийского моря – Юсуповых, Всеволожских, А. А. Милашевой и других, крепостные были на оброке. Выплачивая владельцам определённый оброк, крестьяне одновременно ловили на помещика рыбу (на собственных лодках и своими орудиями лова), являлись чернорабочими, обслуживающим персоналом на промыслах, получая за работу условленную плату. Богатокултукская контора князя Б. Н. Юсупова, отмечая эту особенность, писала, что крестьян рыболовов «нельзя сравнивать с земледельцами, – за сими последними смотрит староста или другой приставник, понуждая к неленостной работе, но рыбак, находясь в море, не состоит ни под каким надзором и все приобретение зависит от его ловкости и усердия, а усердие от большой или меньшей выгоды по трудам его»²⁵. Крепостные занимали также различные управленческие посты. Администрация рыбных промыслов Юсупова: поверенные, писари, приказчики – сплошь состояла из его крепостных, переведённых сюда из Безводинского имения Нижегородской губернии. Оброк им зачитывался за работу на промыслах, и, кроме того, выплачивалось жалование, размеры которого зависели от занимаемой должности²⁶. Потребность в рабочей силе и тяжелые условия труда чернорабочих делали владельческие промыслы своеобразным местом ссылки провинившихся крепостных из других губерний²⁷. Нехватка своих крестьян заставляла помещиков прибегать к найму большого количества посторонних работников. У А. В. и Н. В. Всеволожских, Н. Б. Юсупова, А. С. Долгорукова, И. Д. Григорьева и Г. Т. Тимофеева – помещиков Астраханского и Красноярского уездов – крепостных по итогам IX ревизии было 1193 души мужского пола, тогда как на морских и речных промыслах

²⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V, ч. 5. С. 143.

²⁵ РГАДА, ф. 1290, оп. 4, д. 1311, л. 5.

²⁶ Там же, д. 1309, л. 43, д. 1313, л. 1–4.

²⁷ Так, на рыбных промыслах Юсупова отбывали наказание крестьяне и дворовые, сосланные «за дурное поведение» из нижегородских и курских вотчин. В 1843 г. на Богатокултукском промысле таких «наказанных» крестьян было 37 (Там же, ф. 1290, оп. 4, д. 1351, л. 13 об.).

в весеннюю путину 1850 г. работали 2019 человек²⁸. Если даже учесть, что в это количество входило все работоспособное мужское население имений, то и тогда вольнонаемные составляли значительную часть работников промыслов. Затраты на оплату труда ловцов и работников составляли основную статью расходов при содержании промыслов.

Разразившийся во второй четверти XIX в. общий кризис крепостничества захватил и рыболовецкие хозяйства астраханских помещиков. Одним из обобщающих его проявлений было сокращение доходности помещичьих промыслов, усиленное острой нехваткой оборотных капиталов. В интересной рукописи середины 20-х гг. XIX в. Ф. Ф. Редькина, управляющего одним из имений Всеволожских, отмечается, что с 20-х гг. рыболовство начинает приходить в упадок. Так, в 1824 г. в Астраханской домовой конторе не оказалось денег даже для найма работников на рыбные промыслы²⁹. Из-за отсутствия возможности нанять необходимое количество работников, помещики-рыбопромышленники не могли даже освоить все принадлежавшие им угодья. По подсчетам поверенного Н. В. Всеволожского, при достаточном количестве людей и лодок (по одной лодке на 1 кв. версту рыболовных вод), доход от морских промыслов владельца составил бы в начале 50-х гг. 47356 руб. вместо полученных 12856 руб³⁰.

Сокращение доходности вотчинных предприятий астраханской рыбной промышленности при постоянном отвлечении значительных денежных сумм на личные потребности владельца³¹ приводило предприятие в разряд убыточных³². Их дальнейшее существование могло (уже вне коммерческого расчета) в течение некоторого времени обеспечиваться имеющимися доходами с иных имений. Желая сохранить хоть какую-то долю прибыли от собственных промыслов, многие помещики начинали сдавать их целиком или частями в аренду крупным купцам, что, как отмечал современник, являлось менее выгодным против прежнего³³. Так, известный на Каспии и

²⁸ ГААО, ф. 374, оп. 1, д. 624, л. 15 об., 16, 52, 58, 65 об., 66, 71 об.–74, 100 об., 101.

²⁹ Редькин Ф. Ф. Историческое описание Чернорынского хозяйства и речных ловель, состоящих Кавказской области в Кизлярском округе при берегах Каспийского моря. Б.м., 1825. Рукопись хранится в областной библиотеке г. Астрахани, инвентарный номер 41400, л. 103, 103 об.

³⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 381, оп. 2, д. 1751, л. 8 об. – 12.

³¹ Из 100632 руб. асс. дохода с Богатокултукских рыбных промыслов Юсупова в 1846 г. 73262 руб. (72,8 % всего дохода) пошло на удовлетворение личных потребностей владельца – (см.: РГАДА, ф. 1290, оп. 4, д. 1365, л. 9-46 (подсчет мой. – М. Б.)).

³² Если в первой половине 40-х гг. Богатокултукские рыбные промыслы еще приносили доход, то с 1847 г. являлись уже убыточными. Убыточными становились в 50-х гг. и промыслы Всеволожских – (см.: РГИА, ф. 381, оп. 2, д. 1751, л. 8 об.–12; РГАДА, ф. 1290, оп. 4, д. 1365, л. 45, 64.).

³³ РГИА, ф. 381, оп. 2, д. 1751, л. 11 об.

всей Волге купец А. П. Сапожников, до 1824 г. арендовал Синеморский рыбный промысел кн. Т. В. Юсуповой за 200 тысяч рублей³⁴. В 50-х гг. частично или полностью сдавались в содержание промыслы уже большинства крупных помещиков, среди них – Юсуповых³⁵, Всеволожских и более мелких помещиков Черноярского и Енотаевского уездов. Некоторые имения из-за отсутствия средств у их владельцев закладывались. Однако и это не всегда помогало. Так, имение Всеволожских, одно из крупнейших в Нижнем Поволжье (39570 дес. земель и 742958 дес. рыболовных вод в Астраханской губернии), к 1858 г., для погашения займов и накопившихся долгов, было продано в казну³⁶.

Одновременно укреплялись позиции купеческого капитала. На речных промыслах Нижней Волги купеческий капитал преобладал уже в 20-х гг. XIX в.³⁷ Крупное астраханское купечество удерживало в своих руках также и наиболее доходные промыслы казны и Астраханского казачьего войска. Оно успешно эксплуатировало арендованные дворянские промыслы³⁸.

Многие астраханские и иногородние купцы выступали в роли скупщиков рыбы и рыбных товаров, перекупая их по ими же установленным заниженным ценам у тех же ловцов, промышленников, владельцев промыслов, которые не имели возможностей для самостоятельного сбыта продукции. Известностью в Астраханской губернии пользовались московские купцы Шапошниковы, державшие в зависимости многих мелких рыбопромышленников. Через таких же оптовых скупщиков поступала на рынок продукция многих помещичьих промыслов. Так, в 1830 г. с Синеморских рыбных промыслов Т. В. Юсуповой и Кушелевых рыба и изделия из неё были проданы А. П. Сапожникову на сумму 17069 руб. В

³⁴ С 1824 г. в связи с обмелением Каспия и запрещением прибрежного весеннего лова Сапожников не стал продлевать аренду. Владелица попыталась эксплуатировать промысел своими силами, но доходы сразу же упали. В дальнейшем промысел вновь был отдан в аренду купцам. – (см.: РГАДА, ф. 1290, оп. 2, д. 452, л. 1, 2. Там же, оп. 4, д. 1379, л. 14.).

³⁵ С 1855 г., после длительных совещаний управляющих Московской и Петербургской контор, были сданы в аренду все рыбные промыслы Н. Б. Юсупова. Их арендатором стал астраханский купец первой гильдии Башкин. – (см.: там же, оп. 4, д. 1379, л. 17–19.).

³⁶ РГИА, ф. 381, оп. 2, д. 1751.

³⁷ На промыслах Черноярского уезда в 1827 г. доля купеческого капитала составляла уже 90,7%. – (см.: ГААО, оп. 10, д. 2273, л. 23–27 (подсчет мой. – М. Б.)).

³⁸ Так, в 1841 г. купцы первой гильдии И. Плотников и Ф. Голиков снимали рыбные угодья кн. Т. В. Юсуповой и гр. Кушелева-Безбородко. На промыслах Голикова работало 1300 человек, выловленной рыбы и рыбопродуктов было продано на 131582 руб. сер. На промыслах купцов Сапожниковых, арендованных ими у своей сестры – помещицы А. П. Милашевой, работало 1470 человек. – (см.: РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 178, л. 1–3.).

1833 г. рыбу осеннего улова Богатокултукского промысла «всю без остатка» скупили Шапошниковы³⁹.

Таким образом, со второй четверти XIX в., особенно с 40-х годов, помещики постепенно уступали свои позиции на промыслах Каспия и Нижней Волги представителям зарождающейся буржуазии. Их промыслы переходили (на условиях аренды) к небольшой группе очень богатых и влиятельных купцов, не менее заинтересованных в сохранении дворянских привилегий. Крупное купечество выступало также за сохранение системы откупов на морские и речные казённые ловли. Всё это позволяло им контролировать рынок сбыта рыбных товаров, удерживать высокие цены и извлекать, тем самым, сверхприбыли. В этом вопросе купеческая верхушка опиралась на поддержку знати и многих представителей государственного аппарата. Ещё в 1812 г. в министерство внутренних дел был представлен проект генерал-лейтенанта Вердеревского, бывшего в Астраханской губернии по разным поручениям, в котором предлагалось отдать на откуп Эмбенский, Чеченский и Тюлений промыслы. Министерство переадресовало проект астраханскому губернатору С. С. Андреевскому, который согласился отдать в аренду Чеченский и Тюлений промыслы. Однако, понимая, что полное запрещение вольного рыболовства нанесёт непоправимый удар по экономике края и вызовет недовольство населения, объявил Эмбенские воды, находящиеся в вольном промысле⁴⁰.

В 1823 г. первостатейный купец, коммерции советник А.П. Саложников предложил проект учреждения торговой компании на акциях Эмбенского и Тюленьего промыслов. Проект фактически ставил в полную зависимость от крупного капитала всех рыбопромышленников, занятых на вольном промысле. Поэтому против него выступила подавляющая часть астраханцев⁴¹.

В 1830 г. каспийские промыслы вновь оказались в поле зрения правительственных чиновников. Министр финансов Е. Ф. Канкрин, считая, что для казны выгоднее крупный лов помещиков и купеческой верхушки, добился созыва комиссии по пересмотру указа 1802 г.⁴². Назначенная 7 февраля 1831 г. комиссия, под председательством сенатора Баранова, признавая, что «владельцы не имели и не имеют никакого исключительного права на воды морские», вместе с тем пришла к выводу о необходимости предоставления помещикам права на исключительное производство лова рыбы в водах около их владений, исходя из предпосылки, что рыболовство может развиваться только в том случае, если прибрежные воды и земли останутся

³⁹ РГАДА, ф. 1290, оп. 2, д. 419, л. 1. Там же, оп. 4, д. 1309, л. 70; Там же, д. 1312, л. 16–18.

⁴⁰ С 1816 г. Чеченский и Тюлений казённые промыслы отдавались в аренду крупным купцам // ГААО, ф. 194, оп. 2^а, д. 3, л. 10 об.–13.

⁴¹ РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 117, л. 41.

⁴² РГИА, ф. 381, оп. 2, д. 354, л. 36.

у помещиков⁴³. Для отделения вольного промысла от участков береговых дач между ними была проведена разграничительная линия. Однако, отсутствие всякой возможности реально разделить море, привело к многочисленным злоупотреблениям со стороны береговых владельцев, препятствовавших лову рыбы вольными промышленниками на любой глубине против их дач и не останавливавшихся перед прямыми грабежами их уловов. В свою очередь это вызывало постоянные протесты рыбопромышленников.

Лишь в начале 40-х годов идея более чёткого разграничения вольного и крепостного лова находит поддержку в правительстве в лице министра государственных имуществ П. Д. Киселёва, представившего в Государственный совет записку по данному вопросу. Основанное на данной записке мнение Государственного совета удостоилось Высочайшего утверждения 9 ноября 1842 г. Государственный совет, оговариваясь, что все помещичьи прибрежные земли являются неотъемлемой собственностью владельцев, постановил «все воды Каспийского моря, состоящие доселе в пользовании владельцев... признать **государственным имуществом**, которым правительство всегда властно распоряжаться по своему усмотрению...»⁴⁴ Однако, решение Государственного совета осталось двойственным. Констатируя отсутствие формальных прав помещиков на морские воды, он в то же время признал необходимым «оставить означенные воды в **пользовании** береговых владельцев по пространству принадлежащего каждому берега...» с уплатой умеренного процента с дохода в пользу казны. Мотивировалось это решение необходимостью «покровительства большому владельческому рыболовству, пока предоставляется средства к иному, более соответственному государственной и общей пользе устройству сего дела». Охраняя таким образом интересы прикаспийских помещиков, Государственный совет сделал определённые уступки купцам-промышленникам и всем горожанам, предоставляя вольному промыслу Эмбенские и Чеченские воды, весь восточный берег моря⁴⁵ и возвращая жителям Астрахани в «общее пользование» пригородные рыбные ловли. Учитывались и интересы крупных откупщиков – казённые промыслы (Астраханские, Учужные и Черневые) вновь отдавались в аренду с 1847 г.

Для более чёткого определения прав всех заинтересованных сторон учреждалась особая комиссия, в которую вошли чиновники министерства государственных имуществ (действительный статский советник Оленич), морского министерства (контр-адмирал Басаргин), министерства внутрен-

⁴³ ГААО, ф. 2, оп. 1, д. 683.

⁴⁴ ПСЗ-2. Т. 17. № 16190.

⁴⁵ Доходность Чеченского участка из-за нападения горцев и запрещения лова в открытом море так называемыми «плавными» сетями стала невелика и он потерял привлекательность для откупщиков, а восточный берег, как выяснилось, был неудобен для промысла по ряду причин: набеги туркмен, большие глубины, каменистое дно и т. п. // РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 186, л. 14, 15, 26.

них дел (коллежский советник Руднев), а также представители владельцев, Спасопреображенского монастыря, Войска Уральского, вольнопромышленников и Астраханской экспедиции рыбных промыслов. Вскоре стало понятно, что ни одна сторона не была готова к компромиссу, все отстаивали только личную выгоду. Сохранившаяся в РГАДА в фонде Ф. А. Бюлера сенатская записка позволяет судить о сути разногласий. Представители помещиков, монастыря и казаков настойчиво требовали признания за ними монопольного права лова рыбы от 5 до 7 саженой глубины. Фактически это предполагало закрепление за ними всей северной части Каспия. Так, на карте против поместья наследников кн. Безбородко семисаженная глубина отмечена только у противоположного берега моря у Тюб-Караганского мыса полуострова Мангышлак. Противоположным было мнение депутата вольнопромышленников купца Моисеева, который ссылаясь на указ 27 августа 1802 г. считал, что у берегов и в открытом море вольные и владельческие ловцы должны рыбачить на общих условиях – по жребью. Наиболее прогрессивным было частное определение чиновника министерства государственных имуществ Оленича. Для того, чтобы правила лова были доступны не только «капиталисту», но и «рабочему простому люду» и чтобы привилегии отдельных лиц не лишали права на лов жителей всей Волги, Оки, Камы и Вятки, он предлагал лишить владельцев монопольного права, прекратить казённый откуп морских вод и позволить всем желающим лов рыбы, не требуя предварительно пошлины с выдаваемых на рыболовные лодки билетов, но определив акциз в казну с веса рыбного товара. Следовало бы также в период нереста рыбы запретить или резко ограничить её лов как в море, так и на Волге и Оке. Всё это дало бы, по его мнению, доход казне втрое против нынешнего⁴⁶. Разумеется, остальные члены комиссии не поддержали Оленича.

Общие выводы комиссии были непоследовательными. С одной стороны она ограничила право помещиков на море трёхсаженной глубиной, а с другой – запретила лов рыбы в открытом море «плавными» сетями, которые широко использовали рыбаки, и тем самым нанесла большой урон вольному морскому лову⁴⁷. В дальнейшем предложения комиссии рассматривались министрами государственных имуществ и внутренних дел, а позднее – первым департаментом Сената, которые поправили комиссию, предоставив помещикам воды «большую часть» до 4–6 саженой глубины⁴⁸.

Такие выводы завели решение проблемы об устройстве Каспийских промыслов в тупик. Вследствие этого, в 1846 г., по докладу П. Д. Киселёва, было велено собрать дополнительные сведения по данному вопросу. Но лишь в 1853 г. была снаряжена специальная учёная экспедиция под руко-

⁴⁶ РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 186, л. 11–12.

⁴⁷ ГААО, ф. 194, оп. 2^а, д. 8, л. 7.

⁴⁸ РГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 186, л. 45.

водством академика К. М. Бэра для комплексного исследования каспийского рыболовства. После завершения работы экспедиции в Астрахани, под председательством губернатора, была учреждена очередная комиссия из чиновников Астраханской экспедиции рыбных и тюленьих промыслов, членов экспедиции Бэра, депутатов от рыбопромышленников и некоторых «сведущих в рыболовстве лиц». Итогом её деятельности была разработка «проекта новых постановлений для Каспийских рыбных и тюленьих промыслов», который был представлен в министерство государственных имуществ. На этот раз комиссия пришла к выводу о «настоятельной необходимости» введения в северной части Каспийского моря вольного промысла, уже существовавшего в центральной и восточной его части. Предложения комиссии легли в основу проекта «Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов», который был представлен министерством государственных имуществ в Государственный совет в ноябре 1864 г. Согласно Уставу морские воды, принадлежавшие наследникам кн. Безбородко и Спасопреображенскому монастырю, а также находящаяся в частном владении прибрежная полоса шириной в версту, подлежали обращению в государственное имущество⁴⁹. Владельцам оставляли лишь по одной квадратной версте на каждую устроенную ватагу. Таким образом, через шесть десятилетий проволочек, поисков компромиссных вариантов, правительство вынуждено было вернуться к рассмотрению проектов 1802–1803 годов. Представленный документ был рассмотрен Государственным советом, исправлен и, «как признанный вполне соответствующим видам правительства», 25 мая 1865 г. утверждён Александром II⁵⁰. Монополия нескольких дворян и одного монастыря на рыбные богатства Северного Каспия была, наконец, ликвидирована.

Т. А. Солопова

ИЗ ИСТОРИИ САРАТОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО О ТЮРЬМАХ КОМИТЕТА

Время «гуманного» царствования императора Александра I ознаменовалось преобразованием и улучшением состояния тюрем. Реорганизацией тюрем преследовала высоко филантропическую идею: облегчение положения и участи заключенных и исправление их нравственности. Отменя-

⁴⁹ ПСЗ – 2. Т. 40. № 42135.

⁵⁰ Там же. № 42136.

лись страдания, смягчались наказания и вообще ставился целью переход от телесных наказаний к наказанию лишением свободы. Так как праздность считалась главной причиной падения нравов, средством к исправлению заключенных были признаны принудительный физический труд, чтение Закона Божия, религиозное и нравственное воспитание и строгий надзор.

Для этой же человеколюбивой цели – исправления заключенных – по высочайшему повелению императора Александра I в 1819 году в Петербурге было образовано Российское Попечительное о тюрьмах общество. Оно находилось под его личным покровительством. Возглавил общество назначенный царем президент генерал-адъютант князь Трубецкой. Общество действовало на основе специально разработанных правил. Средства на содержание Российского Попечительного общества поступали из разных источников: из государственного казначейства – на продовольствие и обмундирование арестантов и содержание их в тюремной больнице, из городского общественного управления – на отопление и освещение тюрем, от членов общества (взносы), а также в виде пожертвований.

На местах организовывались исполнительные органы общества – комитеты попечительные о тюрьмах в губернских и уездных городах, женские (дамские) отделения губернских комитетов. Правилами общества определялось непременно приглашать в члены губернского попечительного о тюрьмах комитета губернского предводителя дворянства, епархиального архиерея, совестного судью, губернского прокурора, председателей гражданской и уголовной палат, уездного предводителя, управляющих палатой государственных имуществ и удельной конторой, жандармского штаб-офицера, старшего врача и городского голову, так как они по месту службы и роду дел постоянно связаны с тюремным комитетом и «могут ошутительнее содействовать на пользу арестантов»¹. Членами могли быть также избраны лица дворянского и купеческого сословия, пользующиеся авторитетом в обществе, активно работающие в комитете и делающие разовые пожертвования и ежегодные взносы в пользу комитета (не внесшие непременный ежегодный взнос переставали быть членами комитета). Они утверждались в звании директоров комитета на четыре года. Общее их число могло доходить до 20. Директора распределяли между собой обязанности и избирали из своей среды казначея и секретаря. Все прочие обыватели, жертвовавшие в пользу заключенных продукты, деньги, одежду, предметы культа в тюремную церковь, не являлись членами комитета, то есть это филантропическое учреждение было ограничено узким кругом знатных состоятельных людей и принадлежность к нему была почетна. Так как в обязанность входили непременные взносы, нередко директора (осо-

¹ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 2, л. 15-16.

бенно директрисы) самоустранились от должности из-за стесненных финансовых обстоятельств.

Члены комитета не являлись государственными чиновниками и не получали за свою работу жалование. При возникновении вопросов о наградах за усердную и успешную службу, специальное Положение от 6 октября 1842 г. разъясняло, что «воспрещается всем человеколюбивым учреждениям, существующим на счет частных благотворений, представлять членов и чиновников их к наградам со стороны Правительства, так как лучшее возмездие за труды свои они могут находить в собственном услаждении сделанным добром и в чувствах к ним благодетельствуемых попечениями их несчастных»².

Саратовский губернский попечительный о тюрьмах комитет был открыт 28 августа 1838 года. В его составе были утверждены два вице-президента, военный губернатор генерал-майор И. М. Бибиков и епископ Саратовский и Царицынский Иаков, и 20 членов: действительные статские советники Попов и Свечин, статский советник Македонский, коллежский советник Арапов, подполковник Скабиневский, надворные советники Халкиопов, Болвиллер и Гине, протоиереи Вязовский, Чернышевский, Крылов, священник Вазерский, коммерции советник Горбунов, почетный гражданин Канин, купцы Мещанинов и Чернышев, титулярный советник Леопольдов, коллежский секретарь Пешков, титулярный советник Песков, чиновник 10 класса Григорьев³.

В обязанности попечительного комитета входило увеличение капитала зависящими от членов средствами, наблюдение за правильным размещением арестантов (мужчин отдельно от женщин, малолетних преступников – от взрослых, дворян, купцов и разночинцев – от людей низкого сословия, подследственных и подсудимых – от отбывающих наказание, несостоятельных должников – от всех остальных, разделение по роду преступлений: тяжких от менее тяжких), заведование хозяйственными делами (снабжение одеждой, обувью, продовольствием, наблюдение за содержанием мест заключения в исправном состоянии), сооружение церквей при тюрьмах и попечение над тюремными больницами, исправление нравственности арестантов, подыскание работ, попечение о пересылаемых в Сибирь, выкуп заключенных за долги⁴.

Вместе с тем нельзя забывать, что Россия была крепостническим, сословным государством, и провозглашенные филантропические принципы имели свои пределы. В тюрьмах строго соблюдался сословный подход к заключенным: люди более высокого сословия содержались в лучших усло-

² ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 2, л. 21.

³ Там же, л. 7–8.

⁴ Там же, л. 36 об; д. 413, л. 33.

виях, освобождались от тяжелых работ и телесных наказаний. Высочайшим рескриптом от 17 июня 1822 года комитетам предписывалось «наблюдать дабы арестанты ...во время заключения своего не имели у себя в руках денег и дабы денежные в пользу их от благотворителей подаяния поступали также в распоряжение Комитета, который по усмотрению своему употребляет оные или на улучшение их пищи без излишества...или же наконец на снабжение их одеждою, обувью и другим чем-либо, как во время заключения, так и при освобождении из тюрьмы и отправлении по назначению Правительства в другие какие места» и «чтобы из тюрем изгнано было всякое изобилие в продовольствии»⁵.

Под попечительством Саратовского тюремного комитета находился местный тюремный замок и исправительная арестантская рота № 21 гражданского ведомства. Место для них было определено высочайше конфирмованным 12 сентября 1812 года планом застройки города. До этого года строительство в городе велось хаотично, как заблагорассудится домовладельцам. После частых и больших пожаров, в особенности после пожаров 1811 года, многие жители стали выселяться из пожароопасного центра на окраины. С этого времени из-за большой потребности в местах для построек Саратов стал планироваться правильными квадратами, старые извилистые улочки стали по возможности выпрямляться. План застройки Саратова был утвержден Александром I⁶.

Трехэтажное каменное здание тюрьмы было выстроено в 1827 г. почти в центре 94-го планового квартала, образованного улицами Московской, Царевской, Цыганской и Камышинской⁷. Тюрьма первоначально была рассчитана на 200 заключенных. По первым годовым отчетам комитета в тюремном замке за 1840, 1841 годы содержались 2417, 2249 человек, вместе с пересыльными арестантов иногда скапливалось до 400 человек в день. Поэтому комитет постоянно заботился о расширении помещения. В главном корпусе арестанты размещались таким образом: подсудимые по разным преступлениям – в верхнем этаже замка, в среднем – большие мужского пола и арестанты «непростого звания», в нижнем этаже – уголовные преступники⁸. Женщин, больных и здоровых, в 1841 г. отделили во флигель. Тогда же в специальном флигеле были размещены пересыльные и несовершеннолетние преступники. Тюремная больница (камеры в мужском и женском отделениях) перешла из ведения Приказа общественного призрения в Тюремный Комитет. На медикаменты для лечения больных из государственной казны отпускалось по 3 копейки серебром в день. На продо-

⁵ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 2, л. 2 об–3.

⁶ Записки о Саратове К. И. Попова // Волга. 1990. № 5. С. 32; Саратовский дневник. 1901. 8 июня. № 120.

⁷ Ныне улицы Московская, Пугачевская, Кутякова и Рахова.

⁸ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 20, л. 1–1 об.

вольствие арестантов гражданского ведомства отпускались из казны суточные деньги из расчета: для арестантов простого звания 4 1/7 коп., для малолетних 1 1/7 коп., для офицеров 7 1/7 коп. Провиант для военных арестантов получался натурой: 1 пуд 32 фунта ржаной муки и 1 1/2 гарнца гречневой крупы в месяц⁹.

В 1841 году уездные отделения губернского попечительного о тюрьмах комитета были образованы в уездных городах Саратовской губернии. По Правилам в них непременно приглашались уездный предводитель дворянства, который являлся председателем, старшее духовное лицо в городе, окружной начальник казенных крестьян, удельный депутат, стряпчий, уездный врач, городской голова, а также избранные обществом члены из купцов и мещан. Они также утверждались в своей должности Государем Императором.

8 января 1841 года с высочайшего разрешения было открыто в Саратове дамское отделение попечительного о тюрьмах комитета¹⁰. В звании председательницы по представлению губернского комитета была утверждена Мария Александровна Столыпина, урожденная Устинова, жена Афанасия Алексеевича Столыпина, губернского предводителя дворянства. А также утверждены 23 директрисы, приглашенные и рекомендованные председательницей. Директрисы по Правилам утверждались в своем звании на 4 года. Судя по переписке М. А. Столыпиной с губернским Комитетом, дамы охотно соглашались на предложение стать директрисами, благотворительностью занимались от доброты сердца, но по-дилетантски. Канцелярские и казначейские дела велись в дамском отделении, но возлагались на члена мужского комитета. Делопроизводство постепенно и незаметно для самих членов комитета полностью перешло из дамского отделения в губернский комитет, а при ревизии оказалось, что «вся переписка по оному была ведена с большими упущениями и небрежностью. Бумаги подшивались без разбора по роду содержания их, нет входящих и исходящих журналов, словом неизвестно сколько поступило бумаг в Дамский комитет со времени открытия его, да и в самых отчетах оказываются многие несообразности с приходно-расходными книгами и документами» («Докладная записка о действиях Саратовского Дамского Комитета с начала открытия его до настоящего времени». 28 октября 1850 г.)¹¹.

Постепенно число директрис уменьшалось. В 1872 г. дамское отделение самопроизвольно закрылось, так как постепенно директрисы самоустраивались и никто не изъявил желания занять эти должности. В 1880 г. по предложению губернатора Федора Ивановича Тимирязева его деятельность во-

⁹ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 7, л. 38.

¹⁰ Там же, ф. 387, оп. 1, д. 2, л. 14, ф. 395, оп. 1, д. 1, л. 12–12 об.

¹¹ Там же, ф. 395, оп. 1, д. 3, л. 14 об–15.

зобновилась. Директрисами были утверждены А. К. Шрейбер – жена старшего председателя Саратовской судебной палаты, С. Н. Азанчевская – жена вице-губернатора, Е. А. Непорожнева – жена председателя Саратовского окружного суда, княгиня Е. Н. Сонцова-Засекина – жена прокурора Саратовской судебной палаты, В. А. Розенталь – жена старшего врача Александровской земской больницы и В. А. Тимофеевская – жена товарища прокурора Саратовской судебной палаты. Председательницей была утверждена графиня С. Д. Татищева – жена начальника 40-й пехотной дивизии¹². Губернский комитет и дамское отделение размещались в здании присутственных мест на Соборной площади¹³.

Пока Российское попечительное о тюрьмах общество действовало под непосредственным руководством императора Александра, оно пользовалось в управлении тюрьмами преобладающим значением. Но с прекращением господства филантропических идей деятельность общества стала ослабевать. Вследствие этого в 1851 году общество подверглось коренному преобразованию. Новый устав общества придал ему бюрократический характер. В состав губернских комитетов стали входить: 1) вице-президенты, которыми в обязательном порядке назначались губернатор, архиерей и прокурор судебной палаты, 2) главные должностные лица губернии и уезда – так называемые члены по должности, 3) директора, выбранные из числа членов общества, утвержденные в этом звании Государем Императором, 4) члены общества, избираемые из частных лиц вице-директорами. Сфера деятельности их стала сокращаться. В 1855 году попечительное о тюрьмах общество и существующие при нем комитеты были причислены к министерству внутренних дел, и министр внутренних дел стал президентом попечительного общества.

О результатах 15-летней деятельности Саратовского комитета можно судить по впечатлениям от Саратовской и уездных тюрем губернатора А. Д. Игнатьева, вступившего в 1854 г. в управление губернией и одновременно в должность вице-президента губернского комитета. По его отзыву многие заключенные содержались в тюрьме дольше объявленного им по суду срока на год и более, не зная причин этого. Оказалось, что причина – медленная переписка с судебными местами. Из-за тесноты не соблюдалось правило о размещении арестантов по возрасту и роду преступлений. Арестанты никаким исправительным трудом не занимались, лишь обслуживали себя (носили воду, кололи дрова, прислуживали за столом, убирали «каморы»), «потому при сидячей жизни, отставая от всякого труда, укореняются в одних праздных разговорах в кругу преступников. Арестанты хо-

¹² ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 265, л. 1–4, 10 и др.

¹³ В настоящее время здание Саратовского областного училища искусств на ул. Радищева.

дят грязные в совершенно изорванном белье»¹⁴. По предложению губернатора между директорами были снова распределены обязанности и, по предложению вице-президента Преосвященного епископа Афанасия на протоиерея Гавриила Ивановича Чернышевского было возложено звание директора комитета без всякого взноса денег, «но только с обязанностью наблюдать, чтобы в установленные дни совершаемо было богослужение в тюремной церкви, чтобы во время поста арестанты говели, чтобы места заключения были снабжены книгами Св. Писания и духовно-нравственного содержания, и чтобы Воскресные и Праздничные дни провождаемы были арестантами в благочестивых чтениях, беседах и молитвах»¹⁵.

С 1 января 1866 г. в связи с упразднением приказов общественного призрения относившиеся к ним рабочие и смирительные дома повелением императора временно, впредь до преобразования системы тюремного заключения, перешли в ведение попечительных комитетов о тюрьмах и губернских правлений¹⁶. В рабочие дома определяли празднующихся и нищенствующих, они содержались на счет государственной казны. В смирительные дома помещики сдавали своих непокорных крепостных и дворовых людей, а также родители своих детей за неповиновение. С отменой крепостного права смирительные дома утратили свое значение. Они существовали на средства приказа общественного призрения.

Саратовский рабочий дом был построен в губернаторство А. Д. Панчулидзева (1808–1826)¹⁷. Сведения о времени образования смирительного дома не найдены. Рабочий и смирительный дома помещались вместе, рассчитаны были на 80 человек: 50 мужчин и 30 женщин. Мужчины содержались в деревянном доме, принадлежавшем приказу, в нем в отдельной «каморе» содержались поступившие в смирительный дом; он был рассчитан на 3 человека. Женщины все вместе жили во флигеле. Особого смотрителя при этом заведении не было. Им заведовал смотритель дома умалишенных, получавший за это жалование. Назначение смотрителя и надзор за тюремной стражей было обязанностью губернского правления, а хозяйством руководил и попечительствовал над заключенными тюремный комитет¹⁸.

Содержание в рабочем доме не соответствовало цели заключения – исправлению принудительным физическим трудом. Так как арестантов было немного и содержались они недолгий срок, создавать мастерские было признано невыгодным. Поэтому мужчины занимались домашней работой на кухне, а женщины – стиркой и шитьем для богадельни и тюремной

¹⁴ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 356, л. 1–3.

¹⁵ Там же, ф. 387, оп. 1, д. 56, л. 14 об–15, 24–24 об.

¹⁶ Там же, д. 172, л. 9.

¹⁷ Записки о Саратове К. И. Попова. С. 35.

¹⁸ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 1538, л. 10–12; ф. 387, оп. 1, д. 172.

больницы, что действительно приносило пользу, поскольку они заменили наемных прачек и швей. С упразднением в 1866 г. приказа общественного призрения помещение, в котором располагались рабочий и смирительный дома, перешло губернской земской управе. Тюремный комитет к 1869 г. подыскал частный дом и договорился об аренде здания, но по предложению департамента полиции в ожидании близких реформ мест заключения саратовские рабочий и смирительный дома были закрыты, а арестантов распределили в тюремный замок и уездные тюрьмы¹⁹.

В Саратовском тюремном замке стали содержаться как отбывающие наказание, так и подсудимые, ссыльные, пересыльные, приговоренные к содержанию в рабочем и смирительном домах (которых не было), несостоятельные должники, военные (приговоренные к заключению на гауптвахте), несовершеннолетние преступники, а кроме того, малолетние дети, содержащиеся вместе с заключенными родителями. По отчетам, например за 1871, 1872 годы, в замке содержалось в среднем по 514, 598 человек в сутки (соответственно). В камерах, предназначенных человек на 30, скучивалось до 60, а в камерах для одиночного заключения приходилось помещать до 10 человек. Из-за тесноты и непригодности помещений невозможно было соблюдать предписанные попечительным обществом правила о размещении арестантов по сословию, возрасту и роду преступлений. Например, по отчету губернского комитета за 1872 г. арестанты были разделены на следующие группы: в 1-м отделении наиболее серьезные и секретные арестанты, в том числе и ссыльные из приговоренных к уголовным наказаниям, во 2-м – следственные, в 3-м – числящиеся за окружным судом, судебной палатой и прокурорским надзором, в 4-м – срочные по приговорам общих судебных мест, в 5-м – пересыльные, в 6-м – военные, в 7-м – приговоренные к заключению по приговорам мировых учреждений, в 8-м – мастеровые, в 9-м – на кухне и пекарне – кашевары, пекари и квасники и в 10-м – женщины. Независимо от этого в 3 и 4 отделениях размещены по отдельным камерам заболевающие, которых врач комитета не признал нужным перевести в больницу, дворяне всех разрядов, долговые. Несовершеннолетние мужского пола помещались в так называемой школе. Вместе с женщинами находились малолетние преступницы и дети вместе с заключенными родителями²⁰.

Гораздо больше соответствовала назначению исправительного заведения Саратовская исправительная арестантская № 21 рота гражданского ведомства. Она была сформирована в 1838 г. для производства работ в губернском городе, которые состояли в распоряжении комитета об устройстве города. В состав арестантской роты поступали: способные к

¹⁹ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 172.

²⁰ Саратовские губернские ведомости. 1873. № 145.

работе беглые и бродяги, осужденные к ссылке в Сибирь на поселение за маловажные преступления люди от 35 до 40 лет, осужденные за неважные преступления в крепостную работу на срок или к заключению в рабочие дома, люди дурного поведения, отданные в арестантскую роту для исправления по приговору общества или по воле помещика. Направлялись такие люди в арестантскую роту распоряжением начальника губернии²¹.

По закону 1870 года исправительные арестантские роты и полуроты гражданского ведомства переименовывались в исправительные арестантские отделения с введением в них гражданского управления и вольнонаемного надзора. По этому закону в 1882 г. Саратовская арестантская № 21 рота была переименована в арестантское отделение²². Трехэтажное каменное здание арестантской роты было построено в 1832 г. в 93-м плановом квартале на улице Астраханской между улицами Московской и Цыганской. Рассчитано оно было на 200 человек.

Попечительства над арестантскими ротами находились в Российском попечительном обществе на особом положении и не являлись отделениями губернских комитетов, как уездные и дамские. В составе попечительства над Саратовской арестантской ротой находились председатель (вице-губернатор) и 4 члена (из директоров Саратовского губернского тюремного комитета). Попечители избирались на 1 год и утверждались в этом звании главноуправляющим путей сообщения и публичных зданий (ведомство путей сообщения). Запрос о выборе попечителей из числа директоров губернского комитета делала губернская строительная и дорожная комиссия²³.

Поскольку задачей исправительной арестантской роты было поставлено не столько заключение, сколько исправление заключенных, попечители над арестантской ротой кроме общих с членами губернского комитета выполняли ряд особых задач. Они заведовали учрежденной в отделении школой, приобретением книг духовно-нравственного содержания и учебных пособий, приисканием внешних подрядных работ и наблюдением за их выполнением, осуществляли надзор за работой во внутренних мастерских, перевод арестантов из разряда испытываемых в разряд исправляющихся.

Цели нравственного исправления должно была способствовать предоставление некоторым арестантам льгот. На основании Устава о содержащихся под стражей (1863 год), содержащиеся в арестантских ротах подразделялись на 2 разряда по роду проступков. Попечители проводили перевод дисциплинированных заключенных из разряда испытываемых в разряд исправляющихся, которые содержались отдельно от первых, получали лучшее обмундирование и питание.

²¹ Положение о Саратовской арестантской роте гражданского ведомства. СПб., 1838.

²² ГАСО, ф. 394, оп. 1, д. 24, л. 2-2 об.

²³ Там же, д. 45, л. 101 об.

В 1866 г. временно в виде опыта было введено сокращение сроков содержания в арестантских ротах гражданского ведомства, срок содержания исправляющихся арестантов мог быть сокращен на 5 дней в месяц или 10 месяцев считались за 1 год²⁴. Эту же цель преследовали разработанные попечительством инструкции и правила внутреннего распорядка, по которым к участию в надзоре за арестантами, за их трудом и вообще за порядком привлекались сами арестанты, отличающиеся дисциплинированностью.

Большие изменения в состоянии мест заключения в Саратове связаны с именем губернатора М. Н. Галкина-Враского (1870–1879). До назначения на этот пост Михаил Николаевич около 10 лет занимался исследованием тюремного дела в России и Европе и имел практический опыт работы по руководству тюрьмами. Начиная с 1862 г. по поручению министерства внутренних дел он посещал российские и зарубежные тюрьмы и собирал информацию о современном состоянии тюрем и условиях содержания заключенных. В 1867 г. он был назначен членом комиссии по обсуждению планируемых преобразований тюремной части в России. В этом же году его утвердили директором С.-Петербургского тюремного попечительного комитета, а вскоре поручили руководство тюрьмой для срочных арестантов в С.-Петербурге²⁵.

Будучи саратовским губернатором, М. Н. Галкин-Враский активно принялся за благоустройство саратовских мест заключения, которые находились под его личным контролем. По его указанию был вымощен камнем двор тюремного замка, проведен водопровод к кухне, вокруг тюрьмы и арестантской роты посажены деревья, перед зданиями проложены дорожки. По его инициативе в тюрьме стали организовываться мастерские для занятия арестантов работой.

В 1871 г. для облегчения снабжения арестантов продовольствием и одеждой, на что средства поступали из государственной казны, и для соблюдения интересов казны «во избежание требования из казны авансовых отпусков, сопряженных с разными неудобствами и сложною перепискою», по его инициативе и его председательством была организована особая комиссия. В нее вошли управляющий казенной контрольной палатой и один директор комитета. Комиссия выработала особые правила, по которым арестантов содержали на имеющиеся у комитета и его отделений средства с последующим возвратом в конце месяца из казны израсходованных ими сумм²⁶. В 1873 г. по инициативе губернатора в Саратове был учрежден учебно-исправительный приют для несовершеннолетних преступников, а в

²⁴ ГАСО, ф. 394, оп. 1, д. 18, л. 1, 2.

²⁵ Самохвалова Н. Проездом из Казани в Петербург с остановкой в Саратове // Саратовские вести по понедельникам. 1999. № 35. 8 февр.

²⁶ ГАСО, ф. 1221, оп. 1, д. 35, л. 210–211.

1877 г. по просьбе тюремного ведомства он обратился в городскую Думу с проектом постройки часовни в ограде тюрьмы по Московской улице, о чем будет сказано ниже.

В 1879 г. в С.-Петербурге в составе МВД было образовано главное тюремное управление, возглавить которое был приглашен М. Н. Галкин-Враский. Целью создания управления была централизация руководства всеми местами заключения. После многих лет работы по составлению проекта нового уголовного уложения, определившего тесную связь законодательства о тюрьмах и практического осуществления тюремного дела, в 1895 г. Главное тюремное управление было присоединено к министерству юстиции и министру юстиции присвоено звание президента общества попечительного о тюрьмах.

В 1890 г. в Саратове была учреждена тюремная инспекция при губернском правлении²⁷ для непосредственного управления тюрьмами. С ее созданием в ведении губернского попечительного комитета и его отделений остались обеспечение продовольствием и обмундированием, лечение содержащихся в тюрьмах, снабжение пересыльных постельными принадлежностями, содействие развитию арестантских работ, содержание церкви, священнослужителя и медицинского персонала.

В начале XX века положение в Саратовском тюремном замке и исправительном арестантском отделении было таково.

В тюремном замке, например в 1902 г., рассчитанном на 430 человек заключенных, было 29 камер общего заключения и 11 – для одиночного заключения; среднесуточный состав в замке был 432 человека (396 мужчин и 36 женщин). В исправительном арестантском отделении, рассчитанном на 700 человек, было 25 камер, среднесуточный состав – 517 человек. Для занятия арестантов трудом попечительным комитетом были налажены различные производства. Арестантское отделение располагало специальным каменным зданием для ткацкой мастерской, рассчитанной на 50 станков, кузницей, в главном здании под мастерские были выделены 4 камеры: 2 под столярную, 1 под сапожную, 1 под портняжную. В Саратовской тюрьме 1 камера была отведена под гильзовую мастерскую, 2 камеры – под ткацкую мастерскую и в пристройке 3 камеры для сапожной, столярной и портняжной мастерских. Арестанты выполняли «наружные» черные работы за пределами тюрьмы, хотя это и не соответствовало идее тюремного заключения и лишения свободы, так как из-за размера тюремных помещений и ограниченности направлений сбыта сделанной арестантами продукции трудно было занять всех заключенных внутренними исправительными

²⁷ Отчет Саратовского губернского тюремного инспектора о деятельности губернской тюремной инспекции и о состоянии мест заключения Саратовской губернии за 1897 год. Саратов, 1898. С. 1.

работами. Самыми доходными из наружных работ были организованные в исправительном арестантском отделении ассенизационный и извозный промыслы. К числу платных по внутритюремному хозяйству с вознаграждением от 40 копеек до 2 рублей в месяц относились должности кашеваров, хлебопеков, хожатых при больнице, прачек, банщиков, ламповщиков и др. На бесплатных работах по наряду заключенные убирали тюремные помещения и двор, мололи хлеб на тюремной мельнице, обрабатывали тюремный огород, кололи дрова, стирали, топили печи и т. д.

Кроме занятий работами одной из главных исправительных мер считалось духовно-нравственное воспитание заключенных. С этой целью попечительства наблюдали за выполнением заключенными всех религиозных обрядов. Утром и вечером перед едой и после нее арестанты читали молитву. В воскресные и праздничные дни в тюремных церквях и часовне совершались богослужения при участии хора певчих из арестантов. Во время великого поста все арестанты говели. Для исполнения религиозных обязанностей арестантами неправославного вероисповедания тюрьму и исправительное отделение посещали армяно-григорианский и римско-католический священники, шульмейстер лютеранской церкви и магометанский ахун. В обязанности священника тюремной церкви входило проведение душевспасительных бесед и чтений с заключенными и преподавание арестантам грамоты в тюремной школе.

Тюремная домовая церковь была устроена в помещении замка и освящена епископом Саратовским и Царицынским Иаковом 10 января 1833 г. во имя Тихвинской иконы Божьей Матери. В 1893 г. церковь была расширена за счет придела нового алтаря на средства саратовского купца Василия Петровича Барина²⁸, члена попечительного о тюрьмах комитета, несколько раз он также назначался попечителем приюта для детей арестантов.

В 1877 г. по предложению М. Н. Галкина-Враского архитектором Сатурнином Францевичем Езеровским (1838–1899) была построена часовня перед тюремным замком по Московской улице в тюремной ограде²⁹. В 1874–1887 годах он был губернским архитектором, с 1877 г. – членом попечительного о тюрьмах комитета. Был членом IV международного тюремного конгресса в Петербурге. Сатурнин Францевич проектировал также здание Галкинского исправительного приюта для малолетних преступников. В 1878 г. за заслуги по тюремному ведомству он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени³⁰. Средства на строительство тюремной

²⁸ Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912. С. 9.

²⁹ ГАСО, ф. 656, оп. 1, д. 50.

³⁰ Саратовский справочный листок. 1878. 26 июля.

часовни пожертвовал Саратовский купец, ктитор тюремной церкви Иван Сергеевич Кувардин, являвшийся членом губернского попечительного комитета.

В 1880–90 годы XIX в. неоднократно членами-попечителями тюремного комитета утверждались коллежский секретарь Александр Осипович Немировский, бывший также членом правления Галкинского исправительного приюта; потомственный почетный гражданин Хрисанф Петрович Образцов, бывший также попечителем арестантской роты; потомственные почетные граждане Иван Иванович Зейферт и Михаил Иванович Паули, также член попечительства над арестантским отделением и член правления Галкинского учебно-исправительного приюта; Михаил Александрович Попов, в разные годы бывший также попечителем арестантской роты и членом правления исправительного приюта, а также саратовские купцы Федор Иванович Горанжин, Иван Никифорович Уфимцев, Алексей Матвеевич Оленев, Николай Иванович Хватов.

Николай Иванович Хватов, саратовский купец 2-й гильдии, с 1895 г. был директором губернского попечительного о тюрьмах комитета, также попечителем арестантского отделения, членом правления детского исправительного приюта. Судя по его формулярному списку, это был необычайно активный и разносторонних интересов человек, с успехом занимавшийся общественной деятельностью. С 1893 г. он был избран гласным городской думы, избирался членом и казначеем попечительного совета Богаевского детского женского приюта, членом и казначеем попечительного совета бухгалтерских курсов общества содействию торгово-промышленному и служебному труду, с 1899 г. на 4-х летний срок был избран, а в 1903, 1907 годах переизбран членом и казначеем попечительного совета саратовского коммерческого училища, в 1900 г. избран членом уездного земского собрания, с 1901 г. – председателем саратовского сиротского суда. Занимал и многие другие посты. В 1908 г. губернский попечительный о тюрьмах комитет представил Николая Ивановича Хватова за заслуги к награде орденом Св. Станислава 3-й степени³¹.

Для лечения арестантов во дворе тюремного замка в 1887 г. была выстроена больница. До этого устроенная в 1851 г. больница на 60 кроватей находилась вне тюремной территории в наемном доме³². Больница была отделена от тюремного двора длинной каменной стеной. Она вмещала 100 кроватей: 84 мужских, 12 женских и 4 детских. В ней содержались и тяжелобольные из арестантского отделения, для легких больных при отделении была устроена больница на 26 кроватей. Построенная по барачной системе по плану, одобренному профессором гигиены медико-хирургической ака-

³¹ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1079.

³² Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1538, л. 8.

демии Доброславиным, она состояла из 4-х больших деревянных одноэтажных барачков, стоящих параллельно: один административный, два для больных мужчин и один для больных женщин. Промежутки между бараками хорошо проветривались.

Суточное продовольствие одного больного обходилось в среднем в 14,5 копеек. А общее суточное содержание одного больного вместе с продовольствием, содержанием медицинского персонала, снабжением медицинскими принадлежностями, а также бельем, одеждой, уборкой больницы и жалованием хожатым за больными обходилось в 36 копеек. От государственной казны же на суточное содержание каждого больного губернский попечительный комитет получал по 40 копеек и за амбулаторного по 3 копейки. При саратовской тюрьме имелся особый постоянный врач, получавший за службу из средств тюремного попечительного комитета 900 рублей в год и 300 рублей за наблюдение над больницей исправительного отделения. Фельдшера получали содержание от 120 до 420 рублей в год. В женском отделении кроме того была акушерка-фельдшерица.

Попечительный комитет обеспечивал арестантов продовольствием и одеждой. В 1902 г., например, заключенные исправительного отделения получали по 2 1/2 фунта хлеба в день, а выходящие на внешние работы – по 3 фунта в день. Арестанты получали обед и ужин. В скоромные дни на обед давали щи с капустой и говядиной или солониной, на ужин – горячую похлебку с пшеном и картофелем, с салом. В постные дни: на обед щи с капустой и рыбой или гороховый суп, на ужин – похлебку с пшеном и картофелем. Кроме того, три раза в неделю к обеду прибавлялась крутая пшеничная каша. В праздники рождества Христова, св. Пасхи и храмовый праздник отделения арестантам давалась улучшенная пища на деньги, отпускаемые попечительством из сэкономленных средств.

Одежда арестантов состояла из зимних (шапки, куртки, брюк и портянок из серого армейского сукна, черного суконного галстука) и летних (шапки, куртки и брюк из белого рвендука, холстовых рубаш), производившихся трудом самих арестантов. Обувь – кожаные поршни и полусапоги для внешних работ – также изготавливалась арестантами³³.

Вместе с заключенными родителями в тюрьмах содержались и их малолетние дети. На основании Устава о содержащихся под стражей 1842 г. дети арестантов «для ограждения от порчи нравов, столь заразной между преступниками», должны были поступать в заведения приказов общественного призрения³⁴.

³³ Отчет Саратовского губернского тюремного инспектора о состоянии мест заключения Саратовской губернии за 1902 год. Саратов, 1903. С. 91–92.

³⁴ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 2, л. 19.

В 1844 г. в Саратовском попечительном комитете обсуждался вопрос об отправке детей заключенных от 4 до 12 лет в Саратовский детский приют со взносом за каждого по 30 рублей серебром в год из средств комитета. Тогда член комитета почетный гражданин Х. И. Образцов, известный своей благотворительной деятельностью, изъявил готовность содержать таких детей в детском приюте на свой собственный счет³⁵. По-видимому, приют так и не был образован, в отчетах постоянно говорится, что малолетние дети содержатся вместе с заключенными матерями или в особой камере, так называемой школе, вместе с малолетними преступниками, где под наблюдением священника обучаются грамоте и Закону Божию.

В 1893 г. такой приют для детей арестантов был образован на пожертвования душеприказчиков умершей купчихи Д. С. Поздеевой в 10 000 рублей. Приют был рассчитан на 15 мальчиков и девочек в возрасте от 6 до 14 лет и устроен с целью оградить детей от совместного содержания в тюрьме с заключенными родителями и вредного влияния тюремной жизни. Детей обучали Закону Божию, чтению, письму и элементарной арифметике, а также посильным работам: плетению веревочных ковров, бредней, мочальных изделий, девочек – вязанию и вышивке гладью³⁶. Попечительствовали над приютом директрисы дамского попечительного о тюрьмах отделения. Если питомцам приюта исполнялось 14 лет, а их родители еще не освобождались из заключения, попечительницы определяли детей к их родственникам, в учебные заведения или в услужение. Приют сначала располагался на углу Горянской площади и Часовенной в доме Сибирякова № 42³⁷, затем на углу улиц Московской и Камышинской³⁸, а канцелярия приюта – в здании присутственных мест на Соборной площади.

В 1873 г. по предложению губернатора М. Н. Галкина-Враского был открыт Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, бесприютных сирот и нищих. Согласно уставу, главное управление приютом сосредоточивалось в Саратовском губернском попечительном о тюрьмах комитете, а непосредственное управление возлагалось на особое правление. Оно размещалось в здании Саратовской губернской земской управы на углу Малой Сергиевской и Александровской³⁹ и состояло из шести лиц: директора тюремного комитета, директрисы дамского отделения, по одному представителю от земства и города и двух от совета благотворительного союза Саратовского православного братства св.

³⁵ ГАСО, ф. 387, оп. 1, д. 20, л. 7–7 об.

³⁶ Отчеты Саратовского губернского тюремного инспектора за 1897 год. С. 57; Отчеты Саратовского губернского тюремного инспектора за 1901 год. С. 32–35.

³⁷ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1900 год. Саратов, 1900. С. 128.

³⁸ Ныне ул. Рахова; Памятная книжка Саратовской губернии на 1907 год. Саратов, 1907. С. 53.

³⁹ Ныне ул. Мичурина и ул. М. Горького.

Креста. Они избирались на два года. Члены правления выбирали из своей среды председателя, казначея и секретаря.

В обязанности членов правления входили пожертвования в пользу приюта, назначение смотрителя и учителей, наблюдение за обучением, хозяйственное обеспечение, создание мастерских, приискание работ и заказов, устройство воспитанников после выпуска из приюта на работу, для чего в местных ведомостях опубликовывались объявления, и в течение трех лет выпускники находились под покровительством правления. Для устройства приюта на пожертвованные суммы было приобретено имение за 2,5 тысячи рублей у саратовского купца Т. М. Лобанова в 8 верстах от города на речке 2-я Гуселка. Оно состояло из сада, построек и земли – всего 8 десятин. Для приспособления имения под приют был заключен контракт с кушом И. М. Поповым, по которому он отремонтировал существующие постройки и выстроил новый деревянный на каменном фундаменте дом.

Со временем количество воспитанников приюта возросло. Например, в 1901 г. в приюте было 77 детей – 63 мальчика и 14 девочек. За год поступило 38 человек, выбыло 32. Подавляющее большинство составляли дети от 13 до 18 лет, поступившие по приговору суда в основном за кражу, а также в единичных случаях за поджоги и святотатство. Воспитанники обучались в школе приюта по программе одноклассных народных училищ. Мальчиков обучали слесарно-кузнечному, столярному и сапожному ремеслам, они обслуживали нужды приюта и выполняли работы по частным заказам (изготавливали мебель, шили обувь, ремонтировали орудия труда). Девочки занимались рукоделием, огородничеством и садоводством.

За проступки воспитанников подвергали различным наказаниям: выговору простому или публичному с занесением на черную доску, недопущению к играм, назначению на хозяйственные работы сверх очереди, одиночному заключению в светлой или темной комнате на срок до 3 дней. Если эти меры наказания оказывались неэффективными, то по постановлению Правления провинившихся воспитанников на время или до конца срок содержания отделяли от остальных в особое помещение для отдельного содержания.

По предложению М. Н. Галкина-Враского в колонии в 1878 г. была построена Михаило-Черниговская церковь на средства саратовского купца члена попечительного о тюрьмах комитета Василия Александрович Смирнова⁴⁰.

После Октябрьской революции 1917 г. попечительные о тюрьмах комитеты прекратили свою деятельность.

⁴⁰ Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912. С. 10.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВОУЗЕНСКОГО И НИКОЛАЕВСКОГО ЗЕМСТВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мировая империалистическая война, начавшаяся в 1914 г., стала в истории человечества первой глобальной катастрофой, потребовавшей максимальной мобилизации различных тыловых ресурсов. Правительства воюющих стран старались перестроить уже существовавшие организационные структуры для удовлетворения потребностей военного времени. Для этой цели российское правительство, в частности, активно использовало земства.

Расчет на то, что земства окажутся важной поддержкой тотальной мобилизации, был вполне оправдан, поскольку уже имелся соответствующий опыт. Аналогичной деятельностью занимались различные либеральные земские организации еще в период русско-японской войны. Земства выделяли значительные денежные средства на разнообразные военные нужды. И их действия определялись не только «единодушным патриотическим порывом», особенно на начальных этапах военных действий¹, но и надеждой на то, что самодержавие (как и после Крымской войны) само станет на путь реформ². Возможно, земцы не оставили подобные надежды и в период первой мировой войны³.

С началом войны царское правительство возложило на земство обязанности по военным, промышленным заготовкам, лечению раненых и оказанию помощи семьям призванных на фронт. Этим занимались местные комитеты Всероссийского Земского Союза (ВЗС). В Самарской губернии такой комитет был организован в немецкой колонии Розенталь (Розовка) Новоузенского уезда. Кроме того, Екатериненштадтский волостной комитет оказывал помощь пострадавшим от военных действий, а Николаевский уездный комитет помогал больным и раненым воинам. Помимо этих возложенных правительством задач после отступления армии из Галиции на земства легла также обязанность мобилизации сельской промышленности и забота о беженцах из западных губерний.

Общее руководство по решению проблем беженцев и распределению кредитов принадлежало министру внутренних дел. При нем в августе

¹ Шацлло К. Ф. Либералы и русско-японская война // Вопросы истории. 1982. № 7. С. 104.

² Там же. С. 105

³ Вопрос о политических воззрениях земцев, их участие в политической жизни государства – предмет отдельного исследования.

1915 г. было образовано Особое управление – «Отдел по устройству беженцев»⁴. На местах же основными организациями в деле помощи беженцам являлись комитеты Земского союза и Земские управы. В их обязанности входило обеспечение необходимыми вещами, медицинской и юридической помощью. Эти вопросы регламентировались специальным Положением по устройству беженцев, утвержденным министром внутренних дел 2 марта 1916 г. В нем четко оговаривалось, что «местное попечение о беженцах и их дальнейшей судьбе возлагается на земские и городские общественные управления»⁵. Так, в обязанности Розовского местного комитета ВЗС входило «...питание, удовлетворение жилищной нужды и врачебно-санитарной помощи»⁶. Однако правительственный надзор за правильным устройством беженцев в пределах губерний и областей принадлежал губернатору или градоначальнику⁷.

Разработка плана приема и распределения беженцев в пределах Новоузенского уезда осуществлялась Земской управой. Согласно земскому плану, прием беженцев производился непосредственно на железнодорожных станциях Новоузенского уезда специальными комиссиями. В их состав обязательно входил член уездной Земской управы. Затем прибывшие беженцы направлялись на места нового проживания в ведение волостных комитетов⁸. Здесь они распределялись по квартирам местных жителей. Из доклада Председателя Новоузенского уездного комитета Е. Д. Трипольского следует вывод, что «при составлении этого плана была принята во внимание численность дворов и населения в волостях, и лишь в некоторых случаях – экономическое положение жителей»⁹. В тех же случаях, если не оказывалось жителей, желающих добровольно размещать у себя беженцев, то «следовало назначать их принудительно. Ведь это тот же пожар, который вынуждает принять экстренные меры»¹⁰.

Земствами также была проведена огромная работа по сбору статистических сведений о количестве беженцев, их нуждах. Например, Николаев-

⁴ Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (ЭФ ГАСО), ф. 334, д. 6.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ф. 296, оп. 1, д. 1 (Журнал заседаний Новоузенского уездного комитета ВЗС от 28 сентября 1915 г.).

⁸ Причем естественно, что участие земцев и в этом органе всячески приветствовалось властями. Так, в докладной записке отдела по беженцам при НУК говорилось, что «в целях большего оживления работы на местах комитетов по устройству беженцев желательно... в число членов комитета пригласить проживающих в селе агентов земства: медицинский персонал, агрономов, учителей и др. для обсуждения всех нужд беженцев». – (см.: ЭФ ГАСО, ф. 296, оп. 1, д. 1.).

⁹ ЭФ ГАСО, ф. 296, оп. 1, д. 1 (журнал заседания НУК ВЗС от 28 сентября 1915 г.).

¹⁰ Там же.

ский уездный комитет ВЗС просил у всех сельских попечительств: «...предоставить сведения о количестве разного рода одежды и белья для отдачи беженцам»¹¹. На заседании уездного комитета великой княгини Татьяны Николаевны от 22 октября 1915 г. постановили прямо возложить на земства обязанности по закупке теплой одежды¹². Кроме того, земские учреждения должны были оказывать медицинскую помощь беженцам¹³. На все это были нужны огромные финансовые средства. По подсчетам Новоузенского уездного комитета к октябрю 1915 г. в уезд должно было прибыть около 25 тыс. беженцев (т.е. половина от намеченного числа). Расходы на их месячное содержание должны были составить 198738 руб.¹⁴. В декабре 1915 г. в селе Розовка (Розенталь) находилось 148 беженцев, среди которых было 9 детей. По отделу питания расходы на их содержание составили около 500 руб. за месяц. К 1917 г. эта цифра возросла до 700 руб.¹⁵.

Расходы покрывались правительственными ссудами и займами. Но ввиду ухудшающейся экономической ситуации в стране администрация вынуждена была сокращать расходы, связанные с нуждами местного населения и в том числе беженцев. Из доклада Самарского уездного губернского комитета ВЗС помощи больным и раненым воинам от 26 октября 1916 г. следует, что Кредитная комиссия уменьшила почти в 2 раза денежные суммы, выдаваемые на содержание беженцев. Губернский комитет из запрашиваемых 2607111 руб. за период с июля по сентябрь 1916 г. получил лишь 1427826 руб.¹⁶. Расходование этих средств строго контролировалось правительством. Сметы всех предстоящих по губернии расходов, связанных с устройством беженцев, должны были составляться на 3 месяца вперед¹⁷. Естественно, что подобная ситуация ухудшала положение беженцев и местного населения.

Одной из мер по снижению расходов государства на беженцев стала разработка плана по их привлечению на сельскохозяйственные работы. В «Положениях по привлечению беженцев на сельскохозяйственные работы» говорилось: «Правительственные учреждения, общественные и частные организации, работающие по устройству беженцев, принимают все меры к подысканию последним соответствующих их познаниям и навыкам заработков и, в особенности к организации сельскохозяйственных артелей, мастерских»¹⁸. Уездные земские управы выступали в данном случае как

¹¹ ЭФ ГАСО, ф. 334, оп. 1, д. 8, ф. 50.

¹² Там же, ф. 334, оп. 1, д. 4.

¹³ Там же, ф. 334, оп. 1, д. 6; ф. 296, оп. 1, д. 1.

¹⁴ Там же, ф. 296, оп. 1, д. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, ф. 296, оп. 1, д. 1.

¹⁷ Там же, ф. 334, оп. 1, д. 6.

¹⁸ Там же, д. 4.

центры, где концентрировались сведения о количестве беженцев и рабочих мест для них. На заседании Новоузенского уездного комитета (НУК) было принято решение о том, чтобы «сведения о спросе и предложении труда беженцев были сосредоточены в бюро труда, организованном Новоузенской уездной земской управой»¹⁹. Однако предпринятые меры были, по видимому, не эффективны. Так, органы Земсоюза констатировали «невозможность беженцам иметь постоянный заработок из-за отсутствия промышленного фабричного производства, недорода хлебов, дороговизны топлива»²⁰. В 1915–1916 гг. правительством и местными властями принимались все меры, чтобы не допустить стихийного оттока беженцев в другие губернии²¹. Тем не менее, к 1917 г. наблюдался обратный процесс. Проблема с продовольствием стала настолько острой, что на заседании Продовольственной комиссии Чрезвычайного губернского земского собрания в августе 1917 г. (т.е. уже при Временном правительстве) было принято решение «широко агитировать среди беженцев целесообразность переселения их в урожайные губернии» ввиду того, что «недостаток хлеба в губернии особенно осложняет дело продовольствия беженцев, осевших в пределах губернии»²².

В условиях тяжелой экономической и политической ситуации, сложившейся в стране, именно органы земств стали основной силой в решении проблем беженцев.

Вторым направлением деятельности местных органов управления по компенсации расходов на военные нужды стало использование труда военнопленных в сельской местности: «сельским хозяевам могут быть предоставляемы военнопленные на определенных... условиях, для производства работ в районах, не входящих в театр военных действий...»²³. И здесь центральную роль в организации данного мероприятия играли губернские и уездные земские управы и местные комитеты ВЗС. Именно в их распоряжение военным начальством по правилам, разработанным к сентябрю 1914 г., передавались военнопленные²⁴. По приказу правительства Земские управы были обязаны «озаботиться о распределении прибывших военнопленных на работы; обеспечить содержание военнопленных и медицинскую помощь, кроме того военнопленные могут быть предоставляемы сельским хозяевам за плату, размер которой устанавливается Земской

¹⁹ ЭФ ГАСО, ф. 296, оп. 1, д. 1.

²⁰ Там же, ф. 296, оп. 1, д. 1.

²¹ Об этом свидетельствуют многочисленные воззвания и обращения, зафиксированные в документах комитетах ВЗС. См. ЭФ ГАСО, ф. 296, оп. 1, д. 1; ф. 385, оп. 1, д. 1, ф. 19об.

²² Там же, ф. 296, оп. 1, д. 1.

²³ Там же, ф. 93, оп. 1, д. 356. ф. 25.

²⁴ Там же.

управой с полным содержанием от хозяев»²⁵. Земства стали не только собирать сведения о необходимом количестве пленных для сельскохозяйственных работ, но и заниматься их обустройством. К лету 1915 г. на сельскохозяйственных работах в Самарской губернии было занято 31627 военнопленных²⁶. По данным Розовского (Розенталя) местного комитета ВЗС в Новоузенском уезде к февралю 1916 г. находилось 7 тыс. пленных. На сельскохозяйственные работы было отпущено 1 тыс. человек, распределенных по районам уезда согласно заявке Земств²⁷. В «Правилах об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» четко не оговаривался источник финансирования на их содержание. С большой долей вероятности можно предположить, что таким источником был местный бюджет. Таким образом, центральное правительство, сняв с себя бремя затрат на содержание военнопленных, переложило его на местные органы управления и в первую очередь на Земства.

С самого начала войны Земства развернули также широкую кампанию по сбору средств, в пользу действующей армии. Например, в воззвании НУК ВЗС говорилось, что «ВЗС (и его комитеты) поставили своей задачей оказывать немедленную помощь армии во всем необходимом»²⁸. В сентябре данная организация обратилась с призывом к населению «...о пожертвовании меди, железа, чугуна, стали для нужд армии»²⁹. Поскольку войска нуждались также в теплой одежде и обуви, то и данная проблема стала задачей земств. Все поставки принимались уездной, городской, волостными и сельскими земскими правлениями³⁰. Сборы осуществлялись за плату. Значительную часть этих средств составляли выплаты из местных бюджетов. По анкетным данным 1915 г. расход губернских земств на военные нужды составлял в среднем 26% бюджета³¹. Сюда также входили расходы на помощь семьям призванных на фронт. Ближайшие родственники солдат обеспечивались продуктами или денежным довольствием. Особое внимание уделялось «семьям тех нижних чинов», которые отправились на службу вдовцами и в семье которых остались малолетние или несовершеннолетние дети...»³². Но и эти мероприятия не могли существенно улучшить положение сельского населения губернии. Мобилизация запасных чинов в армию лишила работников десятки тысяч крестьянских хозяйств. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.

²⁵ ЭФ ГАСО, ф. 25(об).

²⁶ Анфимов А. Н. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 189.

²⁷ ЭФ ГАСО, ф. 296, оп. 1, д. 1.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, ф. 385, оп. 1, д. 1.

³⁰ Там же.

³¹ Кимитака М. Почему умерли земства // Родина. 1994. № 7. С. 39.

³² ЭФ ГАСО, ф. 93, л. 349, л. 18.

в селах Самарской губернии отсутствовала почти половина трудоспособных работников³³.

Мобилизация оказала значительное влияние и на немецкое население губернии. Точные цифры численности солдат-немцев, участвовавших в первой мировой войне, отсутствуют, но, по данным И. И. Шлейхера, их было около 200 тыс.³⁴, из которых не менее 40 тыс. составляли поволжские колонисты³⁵. Массовая мобилизация повлияла и на состав населения в колониях. В 1917 г. женщины составили абсолютное большинство всей сельской рабочей силы³⁶. Немецкое население колоний не избежало также обязательных поставок скота и продовольствия. Реквизиция лошадей для армии еще более усложнила положение колонистов, даже несмотря на то, что правительство компенсировало их стоимость. В среднем к 1917 г. около 26% хозяйств остались без тягловых лошадей³⁷. Данные обстоятельства приводили к нарастанию кризисных явлений в сельском хозяйстве губернии и, в частности, в хозяйствах немецких колонистов. В этих обстоятельствах роль земств осложнялась тем, что именно они были вынуждены заниматься разверткой поставок скота, принудительной продовольственной заготовкой, сельскохозяйственной переписью. В итоге в глазах крестьян-колонистов земские работники «стали виновниками тотальной мобилизации людьми, которые эксплуатируют, а не приносят пользу»³⁸.

Помимо экономических тягот военного времени положение поволжских колонистов осложнялось и тем, что в стране резко активизировались антигерманские настроения. Дж. Лонг назвал этот период «последней и худшей страницей истории немцев Поволжья при правлении Романовых, которые проводили политику безумного шовинизма»³⁹. В прессе развернулась кампания против «немецкого засилья», поддержанная широкими кругами русских помещиков и германофобов⁴⁰. «Русским» немцам ставилась в вину их обособленность от коренного населения, захват лучших земель и лояльное

³³ Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в.: В 2 кн. Самара, 1993.

³⁴ Шлейхер И. И. Пособие по истории российских немцев XVIII–XX вв. Славгород, 1992.

³⁵ Long J. From Privileges to Dispossessed. L@L. 1988. P. 198. По данным В. П. Тотфалушина, Волжские поселения дали фронту около 50 тыс. человек, которые в основном сражались на Кавказе – (см. Тотфалушин В. П. «Русские» немцы и немецкий вопрос в годы первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губернии) // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 181).

³⁶ Анфимов А. Н. Указ. соч. С. 192.

³⁷ Там же. С. 200–204.

³⁸ Кимитака М. Указ. соч. С. 39.

³⁹ Long J. Ibid. P. 197.

⁴⁰ Шлейхер И. И. Указ. соч. С. 85–86.

отношение к врагу Российского государства – Германии⁴¹. Характерно, что пик подобных антинемецких кампаний, как правило, совпадал с крупными неудачами русской армии. Так, например, правительство, потрясенное катастрофическими поражениями на фронте (русские войска были разгромлены в боях около двух озер – Таннерберг и Мазуи Мазуриан), возобновило дискриминацию и «охоту» на немцев.

На словах власти заявляли о полной лояльности к разным национальностям Российской империи. Так, в приказе Верховного Главнокомандующего от 26 июня 1915 г. подчеркивалось, что «на всякое подпольное обвинение лиц... только носящих не русскую фамилию и честно несущих службу, во славу царя и Родины, я буду смотреть, как на недопустимую попытку внести смуту в ряды нашей доблестной армии или среди населения театра военных действий»⁴². Но фактически по отношению к немцам проводилась явно дискриминационная политика. Характерным примером этого может служить в частности, запрет на употребление немецкого языка во всей военной корреспонденции, что для многих семей и солдат означало полную потерю связи в течение войны. Правительство запретило также издание всех немецких газет и других материалов для чтения, одновременно введя строгую цензуру печатной продукции⁴³. Помимо этого, в 1915 году были изданы законы о ликвидации немецкого землевладения и землепользования⁴⁴.

С другой стороны, важно определить чувства простых немцев, касающиеся первой мировой войны. Наиболее верной в этом плане представляется характеристика, данная Дж. Лонгом: «Традиция, предписывающая быть лояльными, чтящими законы гражданами империи, подсказала, ... большинству немцев решение, что защита земли предков является ответственностью, от которой они не могут отступиться»⁴⁵. Подобное отношение нашло свое отражение в конкретных действиях – помощи армии. Помимо значительных финансовых вкладов немцы через органы земств участвовали в создании госпиталей, сборе продовольствия и одежды для раненых.⁴⁶ Так, в подписном листе сбора средств для подарков воинским чинам на Пасху 1915 г. значится более 100 фамилий немецких колонистов с. Поповка (Куттер)⁴⁷. Интересно, что Екатеринбургский волостной комитет помощи семьям нижних чинов, действовавший в Николаевском уезде,

⁴¹ Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 181.

⁴² ЭФ ГАСО, ф. 93, оп. 1, д. 356, ф. 83.

⁴³ Long J. Ibid. P. 196.

⁴⁴ Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 182.

⁴⁵ Long J. Ibid. P. 196.

⁴⁶ Всего немцы Поволжья содержали с начала войны 7 госпиталей. А уже к середине 1915 г. поселенцы дали около 100 тыс. рублей деньгами и не меньше обувь, бельем и продуктами – (см. Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 181).

⁴⁷ ЭФ ГАСО, ф. 93, оп. 1, д. 350, ф. 61.

полностью состоял из поволжских немцев. Причем большинство было из так называемого «третьего элемента» – земских учителей⁴⁸.

Таким образом, деятельность земских органов в годы первой мировой войны носила неоднозначный характер. Земства неуклонно исполняли все распоряжения правительства в части мобилизации ресурсов тыла для нужд армии. Выполнение ими специфических функций, вызванных обстоятельствами военного времени, заставило земства «забыть об основной своей обязанности – поддержание благосостояния населения»⁴⁹. Крестьянство, экономически ослабленное обязательными поставками на фронт продовольствия и скота, в эти годы практически не получало помощи от сельскохозяйственных структур земств. Кроме того, произошло резкое снижение эффективности управления Земств с осени 1916 г. как следствие их участия в военной мобилизации⁵⁰. Земские служащие (из тех, кого не призывали на фронт) использовались не по прямому назначению. Все эти явления в полной мере касались и жизни немецких колонистов. Но их положение усугублялось развернувшейся антигерманской пропагандой в годы войны. Именно эти факторы вызывали недовольство Земствами среди населения и в определенной степени повлияли на более быструю трансформацию органов управления на местах после Октября 1917 г.

Н. М. Шумейко

БЕСКОРЫСТНЫЙ РАДЕТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ. СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ А. А. ТИЛЛО (1846–1918 гг.)

В воскресный день 18 декабря (по старому стилю) 1911 года общественность Саратова отмечала 25-летие существования Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК). Радость членов комиссии по поводу этого события была особенной, так как накануне своего юбилея СУАК переехала на новое и постоянное местожительство – в прекрасный дом по ул. Б. Кострижной, 50.

Дом этот выделялся среди своих соседей внешним видом. Он был построен в мавританском стиле. Над крышей в средней части дома возвышался купол. Стены дома украшал орнамент в виде медальонов, крестов и различных геометрических фигур. Углы дома выступали на два аршина вперёд относи-

⁴⁸ ЭФ ГАСО, ф. 334, оп. 1, д. 6.

⁴⁹ *Кимитака М.* Указ соч. С. 39.

⁵⁰ Там же. С. 40.

тельно средней части и были украшены колоннами и изящными главками. Вход сделан был оригинально – в виде фонаря из дерева и разноцветного стекла: малинового, жёлтого, зелёного. В солнечный день стёкла переливались, и дом был сказочно хорош. Он и по сей день украшает Саратов, хотя и лишился некоторых своих архитектурных особенностей – купола, входа-фонаря (ныне жилой дом по ул. Сакко и Ванцетти, 40).

В 12 часов того далёкого декабрьского дня в этом доме началось празднование юбилея СУАК. На торжество прибыли саратовский губернатор П. П. Стремоухов, ректор университета В. И. Разумовский, члены губернского правления, управляющий казённой палатой, члены архивной комиссии и др.¹

Один из старейших членов комиссии В. П. Соколов поведал собравшимся в доме гостям про многолетние мытарства архивной комиссии, 25 лет не имевшей своего собственного помещения и ютившейся, где только представлялось возможным. Сначала комиссия находилась в корпусе присутственных мест на Соборной площади (ныне хореографическое училище). Когда помещение понадобилось для нового учреждения, начались странствия комиссии: размещалась она в Радищевском музее, в доме графа А. Д. Нессельроде (ныне областная дом культуры и науки на углу улиц Московской и Комсомольской), в доме дворянского депутатского собрания (ул. Московская, ныне на этом месте 9-этажное здание «Комплексбанка»), в дворянском пансионе (ул. Некрасова, школа № 8), в здании городской публичной библиотеки (ныне областная научная библиотека).

И, наконец, СУАК обрела постоянное местожительство для своих музейных коллекций, исторического архива и библиотеки. Это стало возможным благодаря А. А. Тилло, подарившему комиссии свой 18-комнатный особняк по Б. Кострижной вместе с флигелем, службами и всей обстановкой. Кроме этого, он обязался ежегодно давать комиссии по 800 рублей, на которые должен был содержаться и поддерживаться дом. Гостям, пришедшим на торжество, был показан весь дом. Побываем и мы в нём.

Поднявшись от входной двери на четыре ступени вверх, посетители попадали в вестибюль, где прямо напротив входа висела мраморная доска с надписью: «Дом этот пожертвован Саратовской учёной архивной комиссии почётным членом и первым председателем А. А. Тилло. Поставлена в знак признательности иждивением почётного члена А. Н. Минха». Здесь же в вестибюле были размещены предметы палеонтологии, старинное оружие, памятники старины: каменные ступы, жернова и др.

Из вестибюля дверь вела налево, в зал. Стены его были увешаны портретами императрицы Екатерины II, императоров Петра I, Александра III, Николая II, картинами на исторические сюжеты, фотографиями, гравюрами.

¹ Празднование 25-летнего юбилея СУАК. 12.12.1911 г. Саратов, 1912 г.

Вдоль стен в комнате стояли мягкие диваны, кресла, большой закрывающийся стол-бюро, два больших шкафа из красного дерева. Эта комната предназначалась для общих собраний комиссии, поэтому по середине был поставлен длинный стол, а вокруг него – одиннадцать венских кресел и несколько таких же стульев.

В трёх следующих комнатах вдоль стен стояли витрины, в которых размещались экспонаты музея. Здесь были археологические находки, добытые при раскопках золотоордынского города Увека и в других местах Саратовской губернии. Показывались медали, различные жетоны, монеты, найденные на старом городище Саратова, а также вещи, составлявшие церковный раздел музея: иконы, металлические образки, кресты, складни, портреты епископов, среди которых выделялся портрет епископа Мефодия, изображённого в натуральную величину в полном архиерейском облачении. В углу стояла скульптура Спасителя.

На стенах были развешены принадлежности мордовских женских костюмов, приобретённые в сёлах Петровского и Кузнецкого уездов. Три комнаты были отведены под библиотеку учёной архивной комиссии.

Со двора дом имел пристройку в виде буквы «Г», и здесь находились ещё шесть комнат. В них располагались кабинеты правителя дел комиссии, хранителя архива и сами архивные дела, которые лежали на полках в несколько ярусов. Под этими комнатами был подвальный этаж с пятью небольшими комнатками, занятыми исключительно архивными делами.

Во дворе стоял деревянный флигель. Около него располагались каретник, дровяник и сарай-конюшня².

Как отметил один из членов комиссии, протоиерей И. П. Кречетович, «щедрый дар А. А. Тилло сделал Саратовскую комиссию баловнем судьбы среди других учёных комиссий, много работающих для отечественной науки, но ниоткуда не видящих поощрений»³.

Как свидетельствуют документы, всё движимое и недвижимое имущество, пожертвованное А. А. Тилло СУАК, оценивалось в 100 тыс. рублей. Такие крупные дары на благо культуры были не частым явлением в России того времени. Об этом благородном поступке было доложено царю в докладе министра внутренних дел. На докладе Николай II написал: «Прочёл с удовольствием». Отзыв царя был сообщён саратовскому губернатору П. П. Стремоухову для объявления А. А. Тилло⁴. К сожалению, и его великодушный поступок и само его имя ныне известно лишь узкому кругу са-

² Соколов В. П. Исторический очерк // XXV-летие СУАК. 12.12.1886–12.12.1911. Саратов, 1911. С. 132.

³ Празднование 25-летнего юбилея СУАК. 12.12.1911 г. Саратов, 1912 г.

⁴ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8792, л. 14–15.

ратовских историков-краеведов, тогда как они, безусловно, заслуживают большего внимания.

Родился Адольф-Вильгельм-Пауль Андреевич Тилло (таково его полное имя) в 1846 году. Происходил он из французского дворянского рода, переселившегося в Россию и принявшего русское подданство. Предки его были гугенотами. Воспитывался в I-м Павловском военном училище в Петербурге. Но военной службе он предпочёл гражданскую, получив для этого соответствующее образование. Высочайшим приказом он был исключён из списка юнкеров училища и произведён в коллежские регистраторы для поступления в гражданское ведомство⁵. И начал карьеру с чина 14-го класса, самого низкого в «Табели о рангах».

Тилло был определён на службу в штат канцелярии Оренбургского генерал-губернатора. Более 7 лет служебная деятельность его проходила в этом отдалённом крае, где он принимал участие в походах губернатора на Ак-Тюбе, реку Эмбу, Муходжарские горы, выполнял секретные его поручения. На первом же году деятельности был награждён «за отлично усердную службу полугодовым жалованием в 200 рублей»⁶.

Природный ум, энергия, высокие деловые качества и безукоризненная честность помогли ему продвигаться по службе. Он был назначен чиновником особых поручений при военном губернаторе, потом начальником уезда, уездным судьёй. Работа в Оренбургском крае дала молодому чиновнику большой практический опыт по управлению обширной территорией.

Занимаясь служебными делами, Тилло проявляет большой интерес к научным исследованиям края. Произошло это, вероятно, под влиянием брата – Алексея Андреевича Тилло (1839–1899 гг.), военного геодезиста, картографа и географа, составившего первую гипсометрическую карту Европейской России и ставшего впоследствии всемирно известным учёным.

В 1869 году Адольф Андреевич Тилло был избран членом-сотрудником Императорского Русского Географического общества⁷. Сам он вспоминал об этом времени: «В молодости своей, когда я в качестве сотрудника Географического общества и географа Элизе Реклю писал о пустынях Азии, я тщательно объехал степи, изучая их...»⁸.

В 1871 году, будучи начальником уезда и являясь членом Географического общества, он провёл первую народную перепись в Киргизской степи среди азиатских кочевников.

За годы службы в Оренбургском крае Тилло прошёл все низшие ступени чиновного производства и в 1874 году был пожалован чином 8-го класса – коллежского ассесора. И вскоре был назначен старшим советником Костром-

⁵ ГАСО, ф. 2, оп. 1, д. 675.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 831.

⁸ Там же, д. 838.

ского губернского правления, где прослужил 8 лет. Используя свои частые служебные командировки для изучения края, он исследует народные (кустарные и отхожие) промыслы. Труды его по этим вопросам были напечатаны в «Журнале Министерства государственных имуществ».

В 1885 году новое повышение по службе – Тилло назначается Эстляндским вице-губернатором, а в конце того же года перемещается в Саратов на место уволенного по болезни вице-губернатора Е. А. Куровского.

В то время он был молодым, видным чиновником. Ему ещё не было 40 лет, а он уже имел чин статского советника, был награждён орденами Св. Станислава 2 степени, Св. Анны 2 степени и Св. Владимира 4 степени⁹. В Саратове Тилло по поручению губернатора проводит ревизию присутственных мест, делопроизводство станowych приставов в уездах¹⁰, занимается организацией школьного дела¹¹, вникает в проблемы губернских присутствий по крестьянским и городским делам, по воинской повинности и др. Кроме того, как вице-губернатор, он является членом различных губернских комитетов, комиссий и обществ, в том числе губернского статистического комитета, попечительного комитета о тюрьмах, попечительства детских приютов, общества «Красного креста» и др. Словом, служебных забот у него было немало.

За неполных три года службы в Саратове Тилло неоднократно успешно исполнял в отсутствие губернатора его должность: в общей сложности 1 год и три месяца¹². Три года службы в Саратове позволили ему близко познакомиться с местным краем и населением, завоевать симпатии саратовцев.

В 80-х годах прошлого столетия, когда Тилло появился в Саратове, местное интеллигентное общество и энтузиасты-краеведы делали неоднократные попытки создать общество, которое занималось бы изучением истории края, сохранением бесценных архивов, погибавших от небрежного хранения в различных губернских учреждениях.

Такие попытки делались и в других губерниях. По высочайшему разрешению для этих целей стали создаваться губернские учёные архивные комиссии.

12 (25) декабря 1886 года в квартире губернатора А. А. Зубова (ныне дом № 31 по ул. Московской) состоялось учредительное собрание Саратовской учёной архивной комиссии. Первым её председателем большинством голосов был избран А. А. Тилло. Ставя его во главе комиссии, первые члены СУАК несомненно учли его научные интересы и познания, его организаторские способности и административный опыт. Несмотря на боль-

⁹ ГАСО, ф. 2, оп. 1, д. 6755.

¹⁰ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 829, л. 28–30.

¹¹ Там же, д. 834, л. 11–19.

¹² Там же, д. 829, л. 28–30.

шую занятость по службе, он принял активное участие в работе СУАК. Старания его как председателя были направлены на выработку организационных и научных основ деятельности комиссии, на обеспечение её материальными средствами.

Все шесть существовавших в то время в России губернских архивных комиссий были разрознены и находились в самом неопределённом положении, не имея никаких инструкций по своей деятельности. Тилло предлагает установить с ними связь и выработать общее направление в работе. «Иначе, – говорил он, – может случиться, что комиссии пойдут вразброд, наделают массу ошибок, каждая будет отыскивать Америку, давно найденную соседом»¹³.

Во время служебной командировки в Петербург он находит время, чтобы побывать в Археологическом институте и побеседовать с его директором по поводу научных направлений деятельности СУАК.

Уже на втором заседании 18 декабря 1886 года по предложению председателя принимается следующее решение: путём публикаций в газетах, обращений к частным лицам собрать сведения о всех существующих по Саратовской губернии правительственных, церковных, монастырских и частных архивах. Сам Тилло обещал доставить комиссии копии с описей архивов ведомства МВД.

Некоторое время спустя в комиссию стали поступать материалы, которые хранились в архивах различных ведомств Саратовской губернии. В результате стал образовываться ценный исторический архив. Готовых исследований и трудов по истории края в то время не существовало, и внимание членов комиссии направилось на изучение огромного архивного богатства. Уже через несколько месяцев после своего создания комиссия заслушивала доклады своих членов по разбору и описанию архивов.

Тилло принадлежала идея печатать протоколы заседаний комиссии в местных «Губернских ведомостях» отдельными оттисками, а в приложениях к ним публиковать и работы членов комиссии. Вскоре были напечатаны сообщения М. В. Готовицкого «О значении названия «Саратов», Ф. Ф. Чекалина «Древние обитатели Саратовской губернии», Н. С. Соколова «Первая попытка к составлению описания Саратовского края» и др. В следующем, 1888 году, начинают выходить целые сборники «Трудов Саратовской учёной архивной комиссии». Их было выпущено пять только за один этот год. Публикация «Трудов СУАК» в немалой степени способствовала завоеванию архивной комиссией авторитета в обществе и привлечению симпатий и интереса к её деятельности.

По предложению Тилло было решено составить систематический указатель исторических статей и заметок, помещённых в местных губернских и

¹³ Протокол № 3 собрания СУАК от 6 марта 1887 г.

епархиальных «Ведомостях» за всё время существования этих изданий. При комиссии постепенно начинает создаваться ценнейшая библиотека.

Богатство Саратовского края в археологическом отношении и научные интересы людей, ставших у истоков архивной комиссии, повели их с самого начала к тому, что внимание комиссии было направлено на сохранение, собирание и изучение не только письменных источников, но и вещественных памятников старины. Благодаря их энергии в первый же год существования комиссии при ней был образован историко-археологический музей, коллекции которого лежат ныне в основании Саратовского областного музея краеведения. На третьем заседании комиссии в марте 1887 года Тилло доложил о первых вещах, поступивших в распоряжение комиссии.

На этом же заседании было решено: с наступлением весны приступить к раскопкам курганов и городищ. Сам Тилло проявлял большой интерес к истории и археологии. В июне 1888 года под его руководством впервые были осмотрены и даже проведены небольшие двухдневные раскопки развалин золотоордынского города Бельджамен¹⁴.

Первый год существования комиссии не был лёгким. Необходимых для её деятельности научных пособий и руководств не существовало, материальных средств или субсидий от правительства не было совсем. Саратовская комиссия на свой страх и риск вырабатывала для себя разнообразные правила и инструкции. Но результаты года показали, что работа комиссии не заглохла, а успешно наращивала темпы.

В становлении СУАК немалую роль сыграло то, что первым её руководителем был А. А. Тилло. Члены СУАК с величайшим уважением говорили, что он «давал общее направление деятельности комиссии, сам любил эту деятельность и других привлекал к тому же»¹⁵.

«Тилло был тактичным, прекрасным руководителем общих собраний и вдохновителем работников комиссии», – вспоминал В. П. Соколов¹⁶. Он страстно любил своё детище. Это видно из строчек протокола собрания от 23 января 1889 года, на котором Тилло сложил с себя должность председателя, готовясь к отъезду из Саратова: «А. А. Тилло благодарил комиссию за самую близкую, живую и искреннюю солидарность с ним за два года существования комиссии под его руководством. Работа комиссии так близка ему и так высоко ценится им, что он считает за честь оставаться в ряду действительных её членов».

Прощаясь с ним и благодаря его за труды и заботы о насущных нуждах архивной комиссии в первое, самое трудное время её существования, сотрудни-

¹⁴ Празднование 25-летнего юбилея СУАК. 12.12.1911 г. Саратов, 1912. С. 5; *Материки А. В.* К вопросу об истории исследований Волянского городища // *Древности Волго-Донских степей.* Волгоград, 1993. Вып. 3.

¹⁵ Празднование 25-летнего юбилея... С. 18

¹⁶ *Соколов В. П.* Указ. соч. С. 49.

ки комиссии единогласно избрали Тилло пожизненным почётным членом СУАК. Организационные и научные основы, заложенные в первые годы деятельности СУАК, позволили ей в дальнейшем стать одной из лучших среди аналогичных комиссий России по богатству коллекций её музея, по количеству древних документов, хранящихся в её архиве, по количеству книг её библиотеки и по научной ценности издаваемых ею трудов.

Тилло перевёлся на пост вице-губернатора в Ставрополь. Как вспоминал один из членов СУАК и его друг И. Я. Славин, он не сошёлся во взглядах с губернатором А. И. Косичем, сменившим А. А. Зубова. «Я помню, – пишет И. Я. Славин в своих воспоминаниях, – что свой уход из Саратова он мотивировал так: «одно из двух: или губернаторство или сатрапия»¹⁷.

Несмотря на это у Тилло установились прочные и тесные связи с Саратовом: здесь он женился на юной и очень состоятельной Аглаиде Петровне Тюльпиной. Она принадлежала к купеческому семейству, известному в Саратове не только богатством, но и своими благотворительными делами. Прадед её занимался откупам, а дед, купец первой гильдии Пётр Фёдорович Тюльпин, преумножил своё состояние, строя, перепродавая и сдавая внаём дома¹⁸.

На его средства в Саратове была построена Духосошестввенская церковь (ныне действующая), было открыто и содержалось убежище св. Хрисанфа для бедных девочек¹⁹, он сделал крупное пожертвование на устройство колокольни при кафедральном соборе Александра Невского и др.

Находясь далеко в Ставрополе, Тилло не забывает саратовцев. В 1891 году страшный неурожай охватил 19 губерний. Это бедствие поразило и Саратовский край. Тилло принимает живое участие в помощи голодающим: он содействует закупке на Кавказе 164 вагонов хлеба и отправлению их в Саратов²⁰.

В 1893 году в чине действительного статского советника, согласно прошению, он увольняется со службы с мундиром последней должности и с пенсией в размере 1200 рублей в год²¹.

Тилло возвращается в Саратов и навсегда поселяется здесь. Живут супруги сначала в доме по ул. Александровской, полученном Аглаидой Петровной по наследству от бабушки – потомственной почётной гражданки Дарьи Христофоровны Тюльпиной²². На дворовом месте расположенном

¹⁷ ГАСО, ф. 1283, оп. 1, д. 10. Т. 1, л. 76.

¹⁸ Семёнов В. Н., Семёнов Н. Н. Саратов купеческий. Саратов, 1995. С. 2.

¹⁹ Саратовская летопись // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893.

²⁰ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 834, л. 40–41.

²¹ Там же, д. 829, л. 86–87.

²² Дворовое место на углу ул. Александровской и Театральной пл. было приобретено Д. Х. Тюльпиной в 1843 году у коллежского советника Григория Михайловича Устинова (см.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 830, л. 9–10, 24–26). Потомком Г. М. Устинова является

на углу ул. Александровской (ныне ул. Горького) и Театральной площади находились два каменных 2-этажных дома, три каменных одноэтажных лавки и другие постройки, которые сдавались в аренду. Оставив службу, Тилло занимается управлением домами, принадлежащими жене²³.

В 1901 году он приобретает дворовое место с постройками по ул. Б. Кострижной, 50 и переселяется в собственный дом²⁴.

Реформатского вероисповедания по рождению, в Саратове он принимает православие с наречением ему имени Анатолий. Обряд крещения был совершён в кафедральном соборе²⁵.

Тилло не порывает связей в СУАК, он остаётся действительным членом архивной комиссии, участвует в собраниях, помогая не только советами, но и значительными денежными суммами в периоды её материальных затруднений. Так, за счёт Тилло комиссия приобрела в Москве дорогой пергамент, на котором был написан вязью в стиле XIV века приветственный адрес, преподнесённый членами СУАК Саратовскому университету в день его открытия.

Он пожертвовал крупную сумму на продолжение работы, начатой А. Н. Минхом над «Историко-географическим словарём Саратовской губернии». 78-летний, ослепший А. Н. Минх откликнулся на это письмом: «Глубокоуважаемый Адольф Андреевич! Вчера был у меня брат Николай Николаевич и передал мне Ваше тёплое, дружеское сочувствие к старому товарищу, а также то, что Вы намерены пожертвовать известную сумму нашей архивной комиссии на продолжение начатого мною труда. Сердечно благодарю Вас за добрую память обо мне»²⁶.

Тилло выступает защитником интересов учёной архивной комиссии. В 1911 году он пишет в Петербург некоему влиятельному Николаю Алексеевичу ходатайство о том, чтобы СУАК назначили ежегодную правительственную субсидию: «... Считаю необходимым обратиться к Вашему Высокопревосходительству с покорнейшей просьбой войти в положение комиссии, чтобы ей не пришлось в конце концов прекратить своё существование. ... Комиссия нуждается в расходах на отопление, освещение, водоснабжение, на наём рассыльного, на канцелярские потребности, на издание своих многочисленных трудов. ... За 25 лет в архиве и музее комиссии накопилось много редких исторических и других сокровищ. И всё это богатейшее собрание ... не имеет ни одного оплачиваемого ответственного лица, и все работающие в комиссии отдают ей по необходимости лишь ча-

ся известный английский киноактёр, режиссёр и писатель Питер Устинов (см.: Максимов Е. К. Род дворян Устиновых // Краеведческие чтения. Доклады и сообщения IV-VI чтений). Саратов, 1994. С. 74.

²³ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 829, л. 53, 77.

²⁴ Там же, л. 86.

²⁵ Там же, л. 32.

²⁶ Там же, д. 222, л. 5.

сы своего досуга от службы в разных правительственных, общественных и частных учреждениях, каковою службою они добывают себе кусок хлеба. Я не могу не высказать удивления по поводу того, что правительство, создав учреждение, ставшее теперь на всю Россию образцовым, не озаботилось до сих пор назначением ему необходимых средств и заставляет его обращаться к благотворительности, выпрашивать у местных обществности, учреждений и частных лиц пособий»²⁷.

Продолжительное время Тилло собирал собственную коллекцию различных древностей и вещей историко-художественного характера. У него были произведения живописи, старинные гравюры, фарфор, мебель времён императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II и многое другое. Всё это он подарил вместе с домом учёной архивной комиссии и Саратовскому художественному музею им. А. Н. Радищева²⁸.

Тилло был патриотом России и, передавая свой музей саратовцам, ставил неременным условием не продавать и не передавать ни одну вещь за границу.

У него была обширная домашняя библиотека. Каких только изданий не таили в себе его книжные шкафы. Здесь были труды по истории, географии, археологии, медицине, различного рода справочники, художественная литература. Многие из них он отдаёт учёной архивной комиссии: собрание сочинений Мельникова – Печерского в 22 томах, Писемского в 24 томах, «Живописную Россию» в шести томах, альбом, посвящённый 200-летию юбилею Петра I, труды по географии своего брата А. А. Тилло, труды А. Н. Минха, книгу Бадмаева «Главное руководство по врачебной науке Тибета» и многие другие²⁹.

В 1903–1905 годах Саратовской губернией управлял П. А. Столыпин. Тилло уважал выдающийся государственный ум Петра Аркадьевича и то, что тот, находясь уже на посту председателя совета министров и министра внутренних дел, сделал много полезного для Саратова. Одно то, считал Тилло, что благодаря Столыпину осуществилось желание всего мыслящего населения губернии – открылся университет, даёт ему право на признательность саратовцев.

После гибели Столыпина, передавая свой дом по Б. Кострижной, 50 учёной архивной комиссии, он внёс в договор дополнительный пункт о том, что при историческом музее СУАК был создан музей, посвящённый памяти вы-

²⁷ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 829, л. 128.

²⁸ В художественном музее хранятся подаренные А. А. Тилло бухарский ковёр, китайские лампы, бронзовые подсвечники, настольные часы, вышивки бисером, икона «Вознесение истово» на перламутре, картина «Призыв Пожарского», две засушенные тыквы, гравированные итальянским художником, многочисленные предметы посуды из фарфора китайского, немецкого, французского производства и др.

²⁹ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 829, л. 89.

дающего государственного деятеля³⁰. Так, по инициативе А. А. Тилло возник единственный в России музей Столыпина. Уже в феврале 1912 г. собранию членов архивной комиссии было доложено о поступивших и ожидаемых в музей предметах³¹. Расходы на поездку в Киев, где погиб Столыпин, на пересылку вещей, доставку их в музей взял на себя Тилло³². Ныне вещи из музея памяти Столыпина экспонируются в Саратовском областном музее краеведения, в их числе кресло из киевского оперного театра, в которое упал смертельно раненый премьер-министр, шинель, мундир Столыпина и др.

Увлечения, интересы, познания Тилло были на редкость многообразны. Иногда он публиковал небольшие брошюры или статьи на различные темы. Им были написаны статьи: «Выработка леса», «Великая русская воляница», «Европейский вопрос», «Вопль пьяницы», «Народные выборы» и др.³³

Судя по отдельным сохранившимся его произведениям, Тилло был хорошим публицистом: необходимая научность сочеталась у него с живой, яркой и образной манерой изложения. Публикации его вызывали интерес. Например, в статье «Итоги борьбы с чумной эпизоофией» он предлагал меры борьбы с падежом скота. В конце прошлого столетия чума ежегодно посещала около 40 губерний, погибало до 0,5 млн. голов скота, что приносило значительный урон экономике. На рукописи этой статьи, хранящейся в Государственном архиве Саратовской области, сделана надпись карандашом: «Статья моя доложена государю»³⁴.

В статье «Голодный мор», изучая проблему периодически наступающих страшных неурожаев и голода, Тилло приходит к выводу, что причиной этому является «смертельное дыхание сухой пустыни, ... колыбелью оно имеет пустыни Гоби и Шамо». Он считал, что не столько орошение спасёт земли от суховеев из Азии, сколько полосы лесонасаждений, которые необходимо начать сразу за Волгой от границ Самарской губернии и вести вплоть до границы с Китаем³⁵.

Эта идея нашла заинтересованных в ней людей. От председателя Астраханского общества огородничества и полеводства Тилло получил письмо: «В газете «Новое время» я имел счастливый случай ознакомиться с Вашей статьёй. Затрагиваемый Вами вопрос, как бороться с голодовками, имеет колоссальную важность и общегосударственное значение. ... К сильно заинтересованным местностям в заграждении от суховеев принадлежит Астраханский край и, конечно, он один из первых примкнёт и будет поддерживать Вашу идею (насаждение лесополос. – М. Ш.). ... Имею честь

³⁰ Протокол собрания СУАК от 4 октября 1911 г. // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.

³¹ Протокол собрания СУАК от 18 февраля 1912 г. // Труды СУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.

³² ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 222, л. 16.

³³ Там же, д. 829, л. 89.

³⁴ Там же, д. 834, л. 42.

³⁵ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 838.

покорнейше просить принять участие на съезде (астраханских полеводов и огородников. – М. III.), если не личным присутствием, то присылкой Вашего доклада». На этом письме сохранился карандашный черновик ответа Тилло: «Благодарю за приглашение, но по болезни своей приехать не могу»³⁶.

Здоровье его сильно сдаёт после смерти любимой жены. Аглаида Петровна Тилло умерла в 1907 году 39-ти лет от воспаления лёгких³⁷. Тилло тяжело переживал её кончину. Чтя её память, он завещал М. В. Готовицкому – троюродному брату супруги и своему душеприказчику, крупный капитал в распоряжение на благотворительные дела и учреждения «в память незабвенной жены»³⁸.

В СУАК Тилло помогал и другим учреждениям науки, культуры и образования. Саратовскому университету он подарил часть книг из своей библиотеки³⁹ и завещал ему 15 тысяч рублей для учреждения премии за сочинения по медицине и хирургии⁴⁰. Библиотеке Саратовского 8-классного коммерческого училища он передал английские и французские иллюстрированные журналы⁴¹.

Императорскому Русскому Географическому обществу Тилло жертвует 5 тысяч рублей с тем, чтобы на них была учреждена премия имени Алексея Андреевича Тилло. Премии должны были выдаваться один раз в пять лет за лучшие работы в области физической и математической географии России, написанные на русском языке⁴².

Вице-председатель Географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский, благодаря Тилло за столь щедрый дар на пользу науке, писал: «Это дар, свидетельствующий о том, что не оскудевает земля истинными бескорыстными радателями просвещения и высокой культуры»⁴³. Первым и последним премию имени А. А. Тилло получил в 1916 году знаменитый исследователь Средней Азии Г. Е. Грум-Гржимайло за свой труд «Западная Монголия и Уренхойский край»⁴⁴.

Зная Адольфа Андреевича Тилло как человека, преданного делу культуры, народного просвещения и щедрого благотворителя, многие общества желали видеть его в составе своих членов. Так, начальница саратовской женской гимназии Э. Ульрих просит его войти в состав учредителей организуемого «Общества для содержания женской гимназии». «Историческое общество Нестора-летописца» избирает его в действительные члены.

³⁶ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 222, л. 42, 43.

³⁷ Там же, д. 830, л. 11.

³⁸ Там же, д. 222, л. 1–3; д. 832, л. 1.

³⁹ Там же, д. 222, л. 51.

⁴⁰ Там же, д. 832, л. 1об.

⁴¹ Там же, д. 222, л. 15.

⁴² Там же, д. 835.

⁴³ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 222, л. 41.

⁴⁴ Там же, д. 222, л. 23.

«Общество защиты женщин», созданное в Петербурге под покровительством принцессы Е. Г. Саксен-Ольденбургской, предложило Тилло стать его членом.

Началась первая мировая война. Тилло принимает участие в благотворительных акциях для русской армии. За подарки, направленные на фронт, командир 148-го пехотного Каспийского полка прислал ему признательное письмо: «Милостивый государь Адольф Андреевич! Все подарки лично мною разделены между нижними чинами полка, с радостью и чувством умиления принявшими этот знак внимания к их трудам на передовых позициях. Каспийцы благодарят Вас...»⁴⁵.

Военные неудачи русской армии, общественно-политическая обстановка в стране настраивали на тревожные мысли. Иногда он звонил своему другу И. Я. Славину, делился с ним впечатлениями на эту тему, говорил о предчувствии наступающих для России тяжёлых времён⁴⁶. Трудно сказать, как встретил Тилло революционные события 1917 года. Советская власть отнеслась к нему жёстко. На банковские вклады его был наложен арест. И 9 декабря 1917 года он был вынужден написать саратовскому губернскому комиссару П. А. Лебедеву следующее письмо: «По своей старческой немощи и болезням я не могу лично подать сие прошение... За мной целый хвост — я кормлю, обуваю и частично плачу за учение около 20 человек, кроме того, поддерживаю материально некоторые учёные и благотворительные учреждения. Мне срочно нужно уплатить страховки, повинности, подати, некоторые долги и пр... Прошу господина комиссара приказать 2-му обществу Саратовского Взаимного кредита, коего я состою членом, выдать из моего текущего счёта 6 тысяч рублей. ... Никаких земель, имений, домов у меня нет. По старости зарабатывать не могу»⁴⁷.

Разрешено ли было банку выдать Тилло деньги, неизвестно. Известно лишь, что он получал до дня кончины пенсию в 137 рублей в месяц⁴⁸.

Скончался Адольф Андреевич Тилло 11 ноября 1918 года⁴⁹ в доме № 44 по ул. Б. Кострижной (ныне не сохранился). Ещё при жизни этот дом он завещал архивной комиссии, а капитал в сумме 150 тысяч рублей, согласно его воле, должны были разделить между собой пополам СУАК и Радищевский музей⁵⁰.

В Саратовском областном музее краеведения хранится конверт с надписью: «Моя последняя воля». В конверте пожелтевший лист бумаги, на котором написано: «...в дополнение к моему последнему нотариальному духовному завещанию прошу моих душеприказчиков и членов Саратовской

⁴⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 222, л. 19.

⁴⁶ Там же, ф. 1283, оп. 1, д. 10. Т. 2.

⁴⁷ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 222, л. 55.

⁴⁸ Там же, л. 62.

⁴⁹ Там же, д. 323, л. 1.

⁵⁰ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 341, л. 5–10.

учёной архивной комиссии исполнить моё последнее предсмертное распоряжение – передать народу, т.е. Саратовской учёной архивной комиссии ... всю домовую и квартирную обстановку, как то: зеркала, картины, все предметы искусства, исторические вещи, документы, гобелены, драгоценные ковры, часы... пишущую машинку с приборами и все письменные принадлежности отдать Семёну Дмитриевичу Соколову, библиотекарю Саратовской учёной архивной комиссии. ... Хоронить меня как простого, бедного рабочего рядом с могилой жены моей. Анатолий (Адольф) Андреевич Тилло. 16/ 29 июля 1918 г.»⁵¹

Похоронили А. А. Тилло на кладбище Спасо-Преображенского мужского монастыря. Члены архивной комиссии проводили своего первого председателя в последний путь. К сожалению, кладбище, на котором А. А. Тилло нашёл последний приют, в 1930-х годах было уничтожено, дом № 44, завещанный комиссии, не сохранился, а дом № 50, подаренный им СУАК в 1911 году, ныне используется как жилой фонд. Но хочется верить, что имя Адольфа Андреевича Тилло, сделавшего много доброго для саратовцев, не будет забыто.

В. А. Жилкин

ОБРАЗОВАНИЕ ГУБЕРНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ САРАТОВСКИХ МЕНЬШЕВИКОВ В 1917 ГОДУ

Революция 1917 года взломала устой жизни российского общества, казавшиеся прежде незыблемыми. На политическую карту мира была поставлена судьба страны, в решении которой считали себя правомочными принимать участие различные политические силы. Люди и партии искали свое место в круговороте событий, течений, мнений. Процесс захватил как столицу, так и дальние провинции.

Саратовская губерния не являлась в этом плане каким-то исключением. Но в новой общественно-политической ситуации все больший вес стали приобретать социалистические партии. Характер экономики, структура населения благоприятствовали здесь работе их сторонников. К тому же Саратовская земля являлась в царское время местом ссылки и пребывания социалистов разных течений. Со свержением самодержавия они обрели свободу для легальной политической деятельности. Среди социалистов выделялись и меньшевики. С марта по август 1917 года они играли заметную роль в советах и органах местного самоуправления. И

⁵¹ Саратовский областной музей краеведения. Архив С. Д. Соколова. СМК. 15038.

такого положения они не смогли бы добиться без поиска единомышленников и решения своих организационных вопросов.

В недавнем прошлом историки писали о меньшевиках применительно к партийной борьбе в советах или участии в муниципальных выборах. О них упоминали, касаясь возникновения организаций в Саратове, Царицыне или проведении Губернской конференции в канун Октябрьского переворота. Однако внутренняя история меньшевистских организаций Саратовской губернии никогда не изучалась самостоятельно.

События на Волге не были оторванными от общего революционного процесса в России. После устранения местных царских властей создавался необходимый политический климат для восстановления партийных организаций в Саратовской губернии. Первоначально оно затронуло такие крупные промышленные центры, как Царицын и Саратов. Здесь сразу же проявилась особенность партийного строительства.

В Царицыне местные меньшевики объединились с большевиками. В основе образования городской социал-демократической организации лежала инициатива местных рабочих-большевиков. 4 марта на квартире И. К. Преснякова, только что вышедшего из тюрьмы, собралось около 25 человек. Они решили созвать всех социал-демократов Царицына на общее собрание и на нем избрать комитет для координации всей последующей деятельности. 12 марта собрание прошло под председательством меньшевика В. И. Изюминского. Его ход показал, что собрание шло вразрез с большевистской инициативой по созданию организации, так как тон на нем задавали меньшевики. Большинство выступавших указывали на необходимость энергичной поддержки действующей армии и укреплению тыла¹. Поэтому по настоянию большевиков выборы комитета отложили до следующего собрания.

Очередное организационное собрание, запланированное на 19 марта в помещении цирка, переросло в грандиозный митинг. Горячо обсуждались два вопроса: об отношении к временному правительству и к войне. Аудитория разбилась на две части, но за меньшевиками было большинство. Очевидец свидетельствовал: «Толпа, среди которой было также много военных, особенно одобряла тех ораторов, которые доказывали необходимость продолжения войны...»². Речи же большевиков не нашли отклика в толпе «и создавали впечатление недостаточности мысли, какого-то замалчивания»³.

Только 24 марта царицынские социал-демократы сумели избрать руководящий орган из 10 человек. Членами Комитета стали четыре меньшевика. Собрание поддержало резолюцию меньшевиков в защиту Оте-

¹ См.: Волго-Донской край. Царицын. 1917. 14 марта.

² Царицын. вестник. 1917. 21 марта.

³ Там же.

чества и в поддержку Временного правительства. За резолюцию голосовали 36 членов, против – 21 и 5 воздержались⁴. Таким образом, деятельность партийной организации началась с преобладания большевиков в руководящем органе и с принятия меньшевистской резолюции. Можно с уверенностью сказать, что тем самым был достигнут компромисс: принятие резолюции в обмен на председательство в комитете большевика С. К. Минина. Это была единственная объединенная организация РСДРП в губернии, которая просуществовала до мая 1917 года. Ее образование отвечало ситуации: к этому времени в России насчитывалось 30 объединенных организаций РСДРП.

В Саратове стала образовываться самостоятельная организация меньшевиков, хотя они пытались договориться с большевиками на предмет восстановления объединенной партийной организации. Уже 6 марта из активных сторонников меньшевизма избрали исполнительное бюро в составе 5 человек. В его состав вошли: Д. А. Топуридзе (председатель), И. А. Скворцов (заместитель председателя), К. А. Ткачев (казначей), Д. К. Чертков (секретарь) и М. И. Судачков (секретарь). 21 марта меньшевики опубликовали объявление об открытии приема в члены партии. В нем сообщалось: «В члены партии принимаются лица, признающие программу РСДРП и платящие регулярно членские взносы»⁵. В то же время на ряде предприятий Саратова, таких как «Меркурий», «Сотрудник», «Гантке» появились социал-демократические рабочие группы, связанные с Комитетом саратовских меньшевиков⁶. 29 марта вышел печатный орган меньшевиков – газета «Пролетарий Поволжья», ставшая одним из крупнейших социалистических изданий на Волге.

Только 10 апреля состоялось организационное собрание саратовских меньшевиков, на котором присутствовало 250 членов⁷. С докладом о возникновении в Саратове меньшевистской организации выступил В. З. Дьяконов. Позднее проведение организационного собрания он связывал с тем, что меньшевики были заняты работой в Совете, продовольственных организациях, профсоюзах и заводских комитетах.

К концу апреля 1917 г. произошел значительный рост саратовской меньшевистской организации. Это отмечалось и на общем собрании 30 апреля. В качестве главного недостатка партийного строительства указывалось на отсутствие необходимого количества партийных работников. Собравшиеся переизбрали состав руководящего органа. Во вновь избранный Комитет вошли В. Д. Петров, Б. Н. Гутерман, В. З. Дьяконов, С. И. Цедербаум, П. О. Куль-

⁴ См.: 1917 год в Сталинградской губернии: Хроника. Сталинград, 1927. С. 21.

⁵ Сарат. вестник. 1917. 21 марта.

⁶ См.: Пролетарий Поволжья. 1917. 29 марта.

⁷ См.: Пролетарий Поволжья. 1917. 12 апр.; Сарат. вестник. 1917. 13 апр.

манов, М. И. Белавинский, Д. М. Гордов, Г. И. Андреев и другие⁸. Всего – 19 человек, из которых 11 были рабочими.

По уездным центрам губернии процесс образования меньшевистских организаций протекал медленно. Первоначально дело ограничивалось деятельностью отдельных представителей меньшевизма. Так было в Петровске и Балашове. Лишь в середине апреля появилась меньшевистская организация в Камышине. К 20-м числам мая организация насчитывала в своих рядах до 150 членов⁹. Камышинские меньшевики установили связь с саратовскими меньшевиками и через них получали необходимую партийную литературу для распространения. Выяснилось, к тому же, что большевистская газета «Социал-демократ» не пользуется популярностью среди местных рабочих¹⁰. В конце апреля образовался Вольский комитет РСДРП, который приступил к записи в члены организации¹¹. Таким образом, уездные партийные организации меньшевиков появились первоначально в Камышине и Вольске. Камышинская организация стала первой по уездным городам губернии. По всей видимости, географическое расположение Камышина между Саратовом и Царицыным повлияло на ее учреждение ранее других уездных организаций.

Дальнейшее строительство меньшевистских организаций по уездным центрам находилось под влиянием решений Седьмой конференции РСДРП(б) и Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций (май 1917 г.). Крупные партийные форумы давали разное понимание важнейших вопросов революции, что не могло не отразиться на организационных вопросах. Так, под влиянием тактических разногласий между меньшевиками и большевиками 10(23) мая раскололась Царицынская объединенная организация РСДРП. Местные меньшевики даже не стали ожидать завершения своей Всероссийской конференции и вышли из организации.

14 (27) мая царицынские меньшевики провели первое общее собрание своих сторонников, на котором присутствовало около 300 человек¹². Меньшевики зафиксировали разногласия с большевиками по вопросам о войне, займе свободы, коалиционном Временном правительстве. Собрание постановило выделиться в самостоятельную организацию и избрать партийный комитет. В его состав вошли Л. Х. Минц, Д. В. Полуян, С. Е. Шевченко, В. В. Ивашкевич, Д. А. Сагирашвили, Н. И. Цицианов и другие. Всего – 12 человек. Комитет сразу же выпустил листовку, в которой объяснялись причины раскола с большевиками. На состоявшемся дву-

⁸ См.: Пролетарий Поволжья. 1917. 3 мая.

⁹ Пролетарий Поволжья. 1917. 3 июня.

¹⁰ Там же.

¹¹ Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917–1918 гг. Саратов, 1968. С. 47.

¹² Пролетарий Поволжья. 1917. 2 авг.

мя неделями позже общем собрании меньшевики заслушали сообщение о Всероссийской конференции и одобрили ее решения¹³. 29 июня вышла в свет газета «Рабочая мысль», ставшая печатным органом Царицынской организации меньшевиков.

Вслед за Камышином, Вольском и Царицыном меньшевистские партийные организации стали возникать в других уездных городах губернии. В мае образовалась Аткарская организация меньшевиков¹⁴. В июле появилась организация меньшевиков в Ртищеве¹⁵. В том же месяце возникла инициативная группа в Сердобске. Толчком к ее возникновению послужили выборы в органы местного самоуправления¹⁶. Инициативная группа численностью до 6 человек начала работать также в Хвалынске¹⁷.

Следует отметить, что выборы в органы местного самоуправления накладывали свой отпечаток на строительство меньшевистских организаций. Так, наряду с формированием избирательных участков создавались районные партийные организации, что хорошо прослеживается по губернскому центру¹⁸.

22–23 июля в Саратове прошла чрезвычайная общегородская конференция меньшевиков. Она была первой с момента возникновения организации. Ее «чрезвычайность» объяснялась в основном июльским кризисом центральной власти, а также подготовкой меньшевиков к Объединительному съезду. Последствия июльских событий в Петрограде меньшевики пытались использовать в «объединительной кампании», начатой еще с весны. «Пролетарий Поволжья» откровенничал: «Рабочие-большевики должны оставить своих вождей ленинцев и слиться с меньшевиками в единой рабочей социал-демократической партии»¹⁹. Таким способом меньшевики считали возможным решить проблему раскола среди рабочих.

В работе городской конференции принимали участие районные комитеты, представители заводов, фракций Совета и городской Думы²⁰. С правом решающего голоса присутствовали 84 человека, с правом совещательного голоса – 57 человек. К этому своеобразному рубежу саратовская организация меньшевиков насчитывала 3 тысячи членов²¹. Она достигла уровня большевистской организации, численность которой со-

¹³ 1917 год в Сталинградской губернии... С. 46.

¹⁴ Пролетарий Поволжья. 1917. 1 авг.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Пролетарий Поволжья. 1917. 5 авг.

¹⁷ См.: Пролетарий Поволжья. 1917. 2 авг.

¹⁸ См.: Пролетарий Поволжья. 1917. 7 июля.

¹⁹ Пролетарий Поволжья. 1917. 15 июля.

²⁰ Пролетарий Поволжья. 1917. 22 июля.

²¹ Пролетарий Поволжья. 1917. 25 июля.

ставляла также 3 тысячи членов²². Неудивительно, что отчет Комитета заканчивался призывом к более энергичной работе и пополнению рядов более активными работниками.

«Объединительный» вопрос остался за пределами дебатов и решений общегородской конференции меньшевиков. Он стал предметом особого внимания на Первой губернской конференции меньшевистских организаций (29–31 июля). К ее открытию в Саратове появились приезжие меньшевики-интернационалисты и был образован их Комитет²³.

В губернской конференции принимали участие 12 человек. Они представляли партийные организации Саратова, Царицына, Камышина, Аткарска, Ртищева, Сердобска и Хвалынска. Председательствовал на конференции царицынский меньшевик Д. В. Полуян.

Основная нагрузка в проведении конференции легла на плечи саратовских меньшевиков. Саратовская организация «компенсировала» недостаток делегатов с мест, выделив для участия в работе конференции дополнительно трех человек. Не считая выступлений с мест, по всем основным вопросам доклады делали делегаты от саратовской организации.

От предстоящего Объединительного съезда саратовские меньшевики ожидали установления партийной дисциплины и тесной связи с провинциальными организациями²⁴. Одновременно «объединительный» вопрос непосредственно увязывался с состоянием взаимоотношений Саратовского комитета и уездных организаций меньшевиков. Сообщения с мест показали общую слабость уездных организаций и групп. Поэтому на конференции решили образовать Губернский Комитет. Понимая, что конференция представлена не всеми партийными организациями, полномочия Губернского Комитета временно передавались Саратовскому комитету²⁵.

Таким образом, к общегубернской конференции Саратовские меньшевики шли на протяжении пяти месяцев. За этот промежуток времени партийные организации появились в Саратове и большинстве уездных центров губернии. Таким образом, меньшевики объединили единомышленников и приобрели своих сторонников.

Численный рост меньшевистских организаций был очевидным (табл. 1).

²² Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 369.

²³ См.: 1917 год в Саратовской губернии: Сб. документов. Саратов, 1957. С. 124; Саратов. листок. 1917. 29 июля.

²⁴ См.: Пролетарий Поволжья. 1917. 6 авг.

²⁵ Пролетарий Поволжья. 1917. 8 авг.

Таблица 1

Возникновение в Саратовской губернии меньшевистских организаций и их численность с марта по июль 1917 г. включительно*

Города и н.п.	Возникновение, месяцы	Численность					Примечания
		март	апрель	май	июнь	июль	
Саратов	март	85 ⁺	2506	400 ⁺	1300	3000	⁺ Выведены
Царицын	март	36	80	300	812	1040	До 10/23/ мая объед. РСДРП
Камышин	апрель	-	-	ок. 150	-	ок. 250	-
Вольск	апрель	-	-	-	-	-	Нет данных
Аткарск	май	-	-	-	-	б. 100	-
Ртищево	июль	-	-	-	-	20	-
Сердобск	июль	-	-	-	-	6	Иниц. группа
Хвалынский	июль	-	-	-	-	6	Иниц. группа
ВСЕГО	Около 4422 чел. по неполным данным						

*Таблица составлена по материалам: Пролетарий Поволжья. 1917. 29 марта, 8 апр., 12 апр., 3 июня, 1 авг., 2 авг., 5 авг.; Саратов. вестник. 1917. 13 апр.; Точеный Д. С. Социальный и численный состав организаций мелкобуржуазных партий в Поволжье (март-октябрь 1917 года) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983. С. 178-179; 1917 год в Сталинградской губернии: Хроника. Сталинград, 1927. С. 21; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917-1918 гг. Саратов, 1968. С. 47.

На момент проведения Первой губернской конференции численность членов уездных организаций меньшевиков составила: Царицына – 1040, Камышина – около 250, Аткарска – более 100, Ртищева – 20. В Сердобске и Хвалынске возникли инициативные группы численностью в 6 человек. Если учесть, что Саратовская городская организация меньшевиков насчитывала 3 тысячи членов, то общая численность меньшевиков в губернии по неполным данным составляла 4422 члена.

По крупным административным центрам – Саратову и Царицыну – меньшевики не только не уступали большевикам, но и превосходили их на конец июля (см. табл. 2). Если большевики имели в совокупности 3,5 тысячи членов, то меньшевики – 4040 членов. Как видно, резкое сниже-

ние численности большевиков произошло в Царицыне. Почему? «Июльский излом» повлиял на рабочие массы, которые отворачивались от большевиков, что, вероятно, способствовало увеличению численности партийных организаций меньшевиков. К тому же на степени активизации действий большевиков отразилась деятельность отряда под командованием А. В. Корвин-Круковского, который отправил из города в другие пункты местные полки, распропагандированные большевиками. Впоследствии это скажется на ходе революции, так как большевики получают перевес именно в этих «опорных пунктах».

Таблица 2

Динамика численности большевиков и меньшевиков по Саратову и Царицыну с марта по июль 1917 г. включительно*

Город: с.-д.	Численность на конец каждого месяца					Примечания
	март	апрель	май	июнь	июль	
Саратов						—
большевики	150	500	700	2500	3000	—
меньшевики	85 ⁺	250 б	400 ⁺	1300	3000	*Выведены
Царицын	—	—	—	—	—	—
большевики	26	300	500	1000	500	До 10/23. мая
меньшевики	36	80	300	812	1040	Объед. РСДРП

*Таблица составлена по материалам: Волгоградская областная организация КПСС в цифрах 1917–1918: Сборник. Волгоград, 1979. С. 29, 66–67; Пролетарий Поволжья. 1917. 12 апр., 25 июля, 2 авг.; Саратов. вестник. 1917. 12 апр., 13 апр.; Социал-демократ. 1917. 31 марта, 14 мая, 7 июня; Сталинград: Справочная книга. Сталинград, 1936. С. 29; Точеный Д. С. Социальный и численный состав организаций мелкобуржуазных партий в Поволжье (март–октябрь 1917 года) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983. С. 178–179; 1917 год в Сталинградской губернии: Хроника. Сталинград, 1927. С. 21; Шестой съезд РСДРП (6): Протоколы. М., 1958. С. 369.

Итак, губернская конференция меньшевиков знаменовала собой определенный рубеж. Она решила принципиальные вопросы организационного порядка. Во-первых, теперь губернская конференция являлась главным партийным органом для всех меньшевиков. Во-вторых, конференция образовала Губернский Комитет, его полномочия временно передавались Саратовскому комитету меньшевиков. Если учесть, что накануне открытия губернской конференции в Саратове образовался Комитет меньшевиков-интернационалистов и что полномочия Губернского Комитета временно передавались Саратовскому Комитету, то стоит признать, что Саратовский комитет выполнял функции Объединенного комитета в сочетании с временными полномочиями Губернского Комитета. А после Объединительного съезда (август 1917 г.) Саратовская губернская организация меньшевиков стала называть себя «объединенной».

**«ЗОЛОТОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»
САРАТОВСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ
(1920-е ГОДЫ)**

В последние годы в России наблюдается рост интереса к историческому краеведению и усиление значимости изучения местной истории. Отчасти это следствие общей тенденции современной мировой историографии, где исследования по «локальной» истории, особенно в социальном направлении, занимают значительное место. С другой стороны, наши внутренние условия (разговоры о федерализме, стремление чем-то выделить свой регион, историковедческие сложности занятия общенациональными темами) подталкивают провинциальных историков к занятиям региональной проблематикой. Все это актуализирует рассмотрение накопленного за предшествующее время опыта развития исторического краеведения в стране.

По истории саратовского краеведения определенные наработки имеются главным образом по дореволюционному периоду (диссертация В. М. Захарова, статьи В. Г. Миронова)¹. Слабее отражен в литературе советский период краеведческого движения в регионе, который также заслуживает нашего внимания. Особый интерес представляет так называемое «золотое десятилетие» советского краеведения, приходящееся на 20-е годы. В эти годы произошел как бы синтез опыта дореволюционного краеведения и того нового, что внесли в движение революционные сдвиги после 1917 г., и одновременно стали проявляться те черты, которые будут определять состояние краеведения в последующие десятилетия.

Уже отмечалось, что в 1920-е гг. краеведение рассматривалось в стране в качестве особого массового историко-культурного движения². В эти годы в 10 раз выросло число краеведческих организаций. О важности краеведения говорилось в партийных документах и резолюциях съездов Советов. Нарком просвещения А. В. Луначарский даже утверждал, что в «проблему развития национального самосознания... дело краеведения в такой огром-

¹ Захаров В. М. Развитие основных направлений саратовского исторического краеведения в досоветский период (1826–1916 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1990; Миронов В. Г. К истории саратовского краеведения // Четыре века. Саратов, 1991; Его же. Саратовское историческое краеведение (1886–1920 гг.) // Краеведческие чтения. Саратов, 1993; Захаров В. М., Миронов В. Г. У истоков саратовского исторического краеведения // Труды саратовского историко-краеведческого общества. Саратов, 1992.

² См.: Филимонов С. Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.). М., 1989; Шмидт С. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество; краеведческий альманах. М., 1990. № 1. С. 11–27.

ной стране, как Россия, входит не только элементом, но и базисом»³. В силу педагогических новаций краеведение оказалось основой школьного обучения. В 1921, 1924 и 1927 годах состоялись три Всероссийские конференции краеведов, определившие направление развития движения. На постоянной основе действовал объединяющий орган – Центральное бюро краеведения (ЦБК), который издавал журналы «Краеведение» и «Известия ЦБК». Долгое время ЦБК возглавлял непреременный секретарь РАН известный востоковед С. Ф. Ольденбург. На местах печатались различного рода труды и периодические издания по краеведению, открывались новые музеи, действовали кружки.

Подобное явление стало возможным ввиду парадоксального совпадения интересов научных работников, просто «ревнителей родного края» и новой большевистской власти. Угроза гибели в потоке революционных ломок ценных памятников истории, библиотек, документальных фондов вынуждала местную интеллигенцию активизировать свою деятельность ради их спасения, а вместе с этим расширяло поле деятельности любителей истории и родного края. Лишенные прежних удобств и социальных связей, занимаясь краеведением, охраной памятников, они как бы уходили от активной политической жизни, не поступаясь при этом своими принципами. К тому же краеведческие занятия казались менее опасными, чем работы общего характера. Участие в краеведческом движении давало возможность ученым-гуманитариям общаться, осуществлять обмен научной информацией, что тогда было затруднительно в иных формах. Не случайно, что в краеведческих конференциях принимали активное участие виднейшие русские историки М. М. Богословский, Ю. В. Готье, М. К. Любавский, И. М. Гревс, С. В. Бахрушин и др.

В то же время в развитии краеведения советское партийно-государственное руководство видело одно из средств просвещения народа, что, в свою очередь, рассматривалось в качестве важнейшей политической задачи новой власти. Большевистские идеологи считали, что до революции история Россия разрабатывалась и пропагандировалась как история царей и героев. Изучая же местную историю, по их мнению, можно познавать историю народа. Кроме того, преследовались и более конкретные практические цели: краеведение способствовало обобщению опыта хозяйственной деятельности, ведению наблюдений за природой, поиску полезных ископаемых.

Для активизации в послереволюционное время краеведческой работы в Саратове была и своя особая причина. И это не только наличие в городе

³ У истоков советского краеведения (Из выступлений участников всероссийских краеведческих конференций 1920-х годов) // Памятники Отечества. М., 1991. № 1 (19). С. 19–20.

одной из самых старейших и результативных в стране губернской ученой архивной комиссии (СУАК), действовавшей с 1886 г., члены которой собрали богатейшую коллекцию исторических документов и находок, участвовали в первых археологических и этнографических экспедициях в крае, опубликовали ряд исследований по истории Нижнего Поволжья. Существенное значение имело открытие в ноябре 1917 г. историко-филологического факультета в Саратовском университете. Для преподавания были приглашены видные ученые из других университетских центров, в том числе искусствовед и археолог Ф. В. Баллод, античник С. И. Протасова, историк нового времени В. А. Бутенко, историк права С. В. Юшков, специалисты по русской истории В. И. Веретенников, С. Н. Чернов и П. Г. Любомиров, философ и историк церкви Г. П. Федотов, филологи и этнографы Н. К. Пиксанов и Б. М. Соколов и др. Основное ядро нового факультета составили бывшие работники Петроградского университета: уезжали из беспокойной, голодной и холодной столицы, надеясь на интересную работу и мирный достаток в спокойном и сытом южном городе, каким им тогда казался Саратов⁴. Практически все они вскоре стали видными фигурами в саратовском краеведении.

В 1920-е гг. особо впечатляющий результат был достигнут в археологическом изучении края. Вначале археологические изыскания были связаны с именем профессора Ф. В. Баллода. В 1919–1921 гг. им были организованы раскопки на месте существования золотоордынских городов Увека, Сарай Бату и Сарай Берке. Одновременно была обследована правобережная полоса вдоль Волги от Саратова до Царицына, где наряду с золотоордынскими были выявлены поселения эпохи поздней бронзы. Результаты раскопок нашли отражение в ряде монографий археолога⁵.

Масштабы археологических исследований выросли с 1921 г., когда в них включился П. С. Рыков, ученик крупного русского археолога В. А. Городцова. Местами раскопок стали Алексеевское городище вблизи Саратова, древние поселения около Покровска и в окрестностях Хвалынска. Здесь были обнаружены многочисленные памятники различных эпох, начиная с древне-ямной культуры. В 1923 г. П. С. Рыковым производились изыскания в Петровском и Аткарском уездах вдоль реки Медведицы. Существенным моментом стало открытие им памятников, относящихся к истории ранних кочевников юго-востока, в частности обследование курганного могильника у с. Суслы, давшее богатый материал по сарматской культуре⁶. Участие в раскопках и обобщении материалов принима-

⁴ См.: Воспоминания М. Е. Сергиенко // Личный архив проф. И. В. Пороха.

⁵ См.: Баллод Ф. В. Приволжские Помпеи. М.; Пг., 1923; *Его же*. Старый и новый Сарай – столицы Золотой Орды. Казань, 1923.

⁶ См.: Арзютов Н. К., Ситицын И. В., Сушицкий В. А. 25-летие научной, педагогической и общественной деятельности П. С. Рыкова // Изв. Нижне-Волж. ин-та краевед.

ли также известные краеведы-любители, дореволюционные члены СУАК – Б. В. Зайковский, П. Н. Шишкин, А. А. Кротков, а затем ученики П. С. Рыкова – Т. М. Минаева, П. Д. Рау, А. Н. Кушева-Грозевская, Н. К. Арзютов, П. Д. Степанов, И. В. Сеницын. Молодые археологи оказали П. С. Рыкову существенную помощь в раскопках в степном Заволжье по скифо-сарматским племенам, городищ между Саратовом и Хвалынском, представлявших памятники раннего железного века⁷. Примечательно, что до конца 1920-х гг. изучение археологического материала велось в строгих научных рамках, без характерного для 1930-х гг. социологического схематизма.

В изучении более позднего периода участвовали в те годы десятки краеведов-исследователей. Вышло несколько крупных трудов, интересных статей в специальных сборниках и местных журналах «Нижнее Поволжье», «Культура», «Голос кооператора», «Наш край». Самыми заметными исследователями являлись профессора Саратовского университета П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов, А. А. Герасимов, Б. М. Соколов.

К числу наиболее крупных трудов относится монография А. А. Герасимова «История Саратовского края в XVI–XVIII вв. (1923 г.)». Несмотря на отмеченные практически сразу же после ее выхода недостатки, книга давала ценный материал по истории основания Саратова и Царицына, колонизации края, хозяйственной деятельности населения, социальным движениям⁸. В 1923 г. увидело свет второе издание краткого исторического очерка о Саратове этого автора. Много и интересно работал ученый, изучая историю мордовского этноса на территории края⁹. Продолжали заниматься избранными ранее темами краеведы С. И. Быстров – по старообрядчеству и сектантству на территории Саратовского Поволжья, Н. Я. Славин – по городскому самоуправлению в XIX в., Т. С. Сколков – по истории соляного промысла в крае.

Однако время накладывало отпечаток на тематику работ историков-краеведов. Увеличилось число работ по историко-экономической проблематике. В данном направлении успешно трудился прежде всего П. Г. Любомиров. До сего времени не потеряла своего научного значения

им. М. Горького. Саратов, 1936. Т. 7. С. 5–8; *Сеницын И. В., Степанов П. Д.* Памяти П. С. Рыкова // Советская археология. 1964. № 1; *Максимов Е. К.* Павел Сергеевич Рыков (К 100-летию со дня рождения) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. С. 3–11.

⁷ См.: *Сеницын И. В.* Итоги археологического изучения древней истории Нижнего Поволжья // Уч. зап. СГУ. Вып. исторический. Саратов, 1959. Т. 68. С. 3–14.

⁸ См.: рец. *Любомирова П. Г.* на кн. А. А. Герасимова в журн. «Нижнее Поволжье» (1924. № 6. С. 90–91).

⁹ См.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 75–77.

его монография «Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX в.», опубликованная в Саратове в 1928 году. Аграрным строем, торгово-промышленной деятельностью занимались ученики профессора П. Г. Любомирова: Е. Н. Кушева, Е. П. Подъяпольская, Ю. А. Кузнецова¹⁰.

В 1920-е гг. оформилась в качестве самостоятельной тема классовой борьбы и революционного движения на Нижней Волге. Целый ряд сообщений о социальном брожении в начале XIX в. сделал С. Н. Чернов. Он же опубликовал несколько статей о деятельности Н. Г. Чернышевского в Саратове¹¹. Развитию исследований о творчестве и жизненном пути великого революционера-демократа во многом способствовало открытие в городе дома-музея Н. Г. Чернышевского, первым директором которого стал его сын Михаил Николаевич – активный участник краеведческого движения в начале 1920-х гг. Работы по народничеству в Саратовском крае были написаны В. А. Сушицким. Но, конечно, самой свежей темой здесь были революционные события в крае начала XX в. Преподаватель университета Г. Е. Меерсон занимался революцией 1905 г., а работники местного Истпарта собрали значительный материал по истории 1917 г.

Серьезные сдвиги в 1920-е гг. произошли в этнографическом изучении края. До этого члены СУАК проявляли известный интерес только к собиранию и изучению местного фольклора. Наиболее видную роль в развертывании этнографических работ сыграл профессор Б. М. Соколов. По его инициативе и под его руководством в первой половине десятилетия началось систематическое экспедиционное обследование и собирание этнографических материалов в различных районах Нижнего Поволжья, главным образом по национальным меньшинствам (мордвы, татарам, чувашам, башкирам, украинцам). Уже в 1922 г. под редакцией Б. М. Соколова вышел «Саратовский этнографический сборник». За собранные в губернии вещи ученый в 1923 г. на выставке в Москве был удостоен диплома 1-й степени. Эти вещи впоследствии стали первыми экспонатами Музея народоведения, организатором и первым директором которого был Б. М. Соколов. До этого он организовал в Саратове этнографический музей, своеобразными частями которого стали «Музей голода» и «Музей Волгаря»¹².

С 1925 г. начался новый этап этнографической работы в Саратове. К самостоятельным исследованиям по отдельным направлениям приступили молодые этнографы, подготовленные Б. М. Соколовым: по этнографии мордвы – М. Т. Маркелов, П. Д. Степанов, чувашей и украинцев – Т. М. Акимова, татар – В. И. Трофимов и др. Так, для изучения мордвы до

¹⁰ См.: Дербов Л. А. Указ. соч. С. 78–79.

¹¹ Библиографию трудов С. Н. Чернова см.: У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960.

¹² См.: Дербов Л. А. Указ. соч. С. 37; Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 407, оп.2, д. 373, л. 40.

начала 1930-х гг. было организовано 9 экспедиций в Кузнецкий, Балашовский и Хвалынский уезды, в селения бассейна рек Узы и Суры и др. Изучались быт, жилище, материалы народного искусства мордвы (вышивка и резьба по дереву), гончарное производство и т. д. Эти экспедиции дали ценный материал для всесторонней этнографической характеристики саратовской мордвы, как особой этнической группы, имеющей своеобразные отличительные черты¹³. Серьезные этнографические исследования проводились в отношении немцев Поволжья, их руководителем являлся известный лингвист профессор В. Г. Дингес¹⁴.

Выдающееся место в саратовском краеведении первого послереволюционного десятилетия, безусловно, принадлежит С. Н. Чернову. Его вклад не ограничивается изучением отдельных сюжетов из местной истории. Сергей Николаевич замечателен и как крупный организатор общественного краеведения и как теоретик краеведческого движения. Коренной саратовец, сын известного в городе кушца Н. Д. Чернова, он еще во время пребывания в Петербургском университете входил в состав СУАК и принимал живое участие в ее работе: делал доклады на заседаниях, выезжал на археологические раскопки, редактировал научные издания¹⁵. Осенью 1917 г. С. Н. Чернов становится приват-доцентом, а через год назначается на должность профессора Саратовского университета, которую он занимал до 1928 г.

В первые годы после революции С. Н. Чернов много усилий приложил для спасения документов упраздненных учреждений, формирования централизованной архивной системы, организации единого музея в Саратове и открытия нового направления краеведческого изучения – история общественного движения в регионе. С 1919 г. по 1923 г. он активно занимался разработкой различного рода программно-нормативных документов саратовских краеведческих организаций. В период 1920–25 гг. С. Н. Чернов возглавлял Саратовское общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ). Он достойно представлял Саратов на первых трех Всероссийских конференциях краеведов, являясь одним из самых активных делегатов (делал доклады, выступал по обсуждаемым вопросам, был включен в

¹³ Степанов П. Д. Из истории этнографических исследований в Саратовской области // Тр. Саратов. обл. музея краеведения. Саратов, 1960. Вып. 3. С. 184–221.

¹⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 507, л. 9 (об)–10; д. 373, л. 40; д. 476, л. 14; д. 553, л. 5;

¹⁵ См.: Миронов В. Г., Широкова В. В. С. Н. Чернов в саратовском историческом краеведении // Российская провинция XVIII–XX веков: Реалии культурной жизни: Материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 25–29 июня 1995 г. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 319–321.

редакционные комиссии) и вплоть до 1930 г. входил в состав ЦБК при РАН¹⁶.

Перу С. Н. Чернова принадлежат несколько программных для исторического краеведения статей: «Краеведение и архивное дело» (опубликована в первом номере журнала ЦБК «Краеведение»), «История и современность в работе краеведа», «К вопросу о собирании и изучении географической номенклатуры». Эти работы отличаются глубоким знанием поднимавшихся в них вопросов и особой доверительной манерой изложения материала¹⁷. Показательным моментом для понимания ученым социальной роли исторического краеведения является его полемика на I Всероссийской краеведческой конференции в 1921 г. с заместителем А. В. Луначарского по наркомату просвещения и главой советских историков М. Н. Покровским, который предлагал краеведам ограничиться изучением естественных богатств своей местности. По мнению С. Н. Чернова, с точки зрения государственной не менее важное значение имеет союз науки и любительства в деле культурно-исторического, этнографического и историко-экономического изучения отдельных областей страны¹⁸.

Изучению местной истории в 1920-е гг. во многом способствовала оптимальная структура саратовского краеведения, включавшая в себя три типа учреждений регионального масштаба: краеведческое общество, институт краеведения и краеведческий музей. Каждое из этих учреждений в той или иной степени имело материальную и финансовую поддержку со стороны государства.

Наибольшие ассигнования шли на содержание краеведческого музея. Датой его создания считается 8 ноября 1921 г., когда в Саратовский областной музей были объединены автономные до этого музеи – этнографический, археологический, исторический, общественного движения и дом-музей Н. Г. Чернышевского. Первым директором областного музея был назначен Б. М. Соколов, но вскоре его сменил П. С. Рыков, проработавший на этом посту вплоть до середины 1930-х гг. История краеведческого музея в 1920-е гг. отражена в публикациях П. Д. Степанова, Н. Ф. Петровой,

¹⁶ См.: Миронов В. Г., Широкова В. В. Указ. соч. С. 322–327; Филимонов С. Б. С. Н. Чернов – историк и краевед // Отечество: краеведческий альманах. М., 1995. Вып. 6. С. 178–188.

¹⁷ См.: Чернов С. Н. Краеведение и архивное дело // Краеведение. 1923. № 1. С. 14–19; *Его же*. История и современность в работе краеведа // Первые шаги краеведа. Иваново-Вознесенск, 1926. С. 99–142; *Его же*. К вопросу о собирании и изучении географической номенклатуры. По поводу брошюры М. И. Смирнова «Наставление к изучению местной историко-географической номенклатуры» (Иваново-Кострома, 1927) // Краеведение. 1928. № 9. С. 524–538.

¹⁸ См.: Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края. М., 1921. № 4. С. 52–53.

Д. В. Миронова¹⁹. Необходимо лишь отметить, что состав музея за эти годы неоднократно изменялся, до 1930 г. его отделы (в прошлом самостоятельные музеи) были рассредоточены по городу, несмотря на появление новых конъюнктурных отделов – историко-революционного, промышленно-экономического, естественно-исторического – в научном отношении самыми солидными оставались археологический и этнографический отделы. С самого начала Саратовский областной краеведческий музей кроме культурно-просветительных во главу угла своей деятельности ставил исследовательские задачи: на средства музея организовывались экспедиции, собранные материалы обрабатывались и доводились до научной общественности квалифицированными сотрудниками и прежде всего учениками Б. М. Соколова и П. С. Рыкова.

Другим крупным краеведческим центром в Саратове являлся Нижне-Волжский институт краеведения. Это было уникальное для всего Поволжья государственное научно-исследовательское учреждение, объединившее в своих рамках ученых геологов, географов, биологов, химиков, экономистов, историков и филологов. Тем самым преследовалась актуальная для того времени задача комплексного изучения обширного региона. Кроме проведения исследований институт через функционирующую при нем аспирантуру вел подготовку научных кадров. Сотрудниками института были такие видные в крае и стране ученые, как химик В. В. Челинцев (впоследствии академик), геолог Б. А. Можаровский (первооткрыватель саратовского газа), ботаник А. Д. Фурсаев, агроном Н. М. Тулайков (будущий академик ВАСХНИЛ).

История создания этого института такова. В начале 1919 г. правление Саратовской ученой архивной комиссии выступило с предложением об организации в городе института по изучению края в археологическом, естественно-историческом и историческом отношении²⁰. В 1920 г. С. Н. Черновым и другими учеными был разработан проект создания археолого-этнографического института Государственной академии истории материальной культуры, однако только в 1922 г. от Главнауки Наркомпроса пришло разрешение на открытие в Саратовском университете научно-

¹⁹ См.: Степанов П. Д. Из истории культурного строительства в Саратовской области // Тр. Саратов. обл. музея краеведения. Саратов, 1959. Вып. 2; Петрова Н. Ф. Организация музейного дела в Саратове. Областной музей краеведения (20-е–30-е годы XX века) // Проблемы истории идеологии и культуры. Саратов, 1992; Миронов Д. В. Формирование структуры Саратовского областного музея краеведения в 1920-е годы // Тр. Саратов. обл. музея краеведения. Саратов, 1996. Вып. 4.

²⁰ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 320, л. 59.

исследовательского археологического института²¹. Два года спустя он был преобразован для изучения региона в естественно-историческом, экономическом и культурно-историческом плане в Краеведческий Институт изучения Южно-Волжской области (с 1929 г. Нижне-Волжский Институт Краеведения им. М. Горького)²².

В состав культурно-исторической секции института в качестве его действительных членов входили ведущие краеведы А. А. Гераклитов, П. Г. Любомиров, П. С. Рыков, С. В. Юшков (до 1926 г.), С. Н. Чернов, Г. Е. Меерсон (с 1929 г.). Аспирантуру краеведческого института прошли известные впоследствии советские историки А. Н. Кушева, Е. Н. Подъяпольская, И. В. Сидицын. Бессменным его директором являлся П. С. Рыков, арест которого в 1937 г. и повлек за собой свертывание деятельности института. Основными направлениями исследований историков-краеведов руководством института в начале его деятельности были определены следующие: 1) археология Нижнего Поволжья; 2) история колонизации края; 2) история и этнография мордвы; 3) хозяйственный быт Нижнего Поволжья в XVIII–XIX вв.²³. Именно эти проблемы оказались доминирующими в исторических публикациях трех выпусков «Известий», краеведческого института, вышедших в 1920-е гг.

Однако ведущее положение, безусловно, занимало краеведческое научное общество, берущее свое начало с указанной ранее Саратовской ученой архивной комиссии. Осенью 1917 г. она пополнила свой состав за счет профессорско-преподавательского состава историко-филологического факультета университета. И это, несмотря на происходившие революционные потрясения, подвигло А. А. Гераклитова заявить тогда на общем собрании, что «следует питать надежду и уверенность, не смерть, а расцвет последуют за «ныне отпускаеши» комиссии и он верит, что комиссия отпразднует свой 50-летний юбилей»²⁴. Чувствуя себя политически и психологически дискомфортно в потоке событий, члены комиссии тем не менее продолжали работу: проводились собрания, были открыты для посещений библиотека и историко-археологический музей. В отчете СУАК за 1918 г. даже говорилось, что «новые условия внушают некоторые оптимистические надежды. Саратовской ученой архивной комиссии предстоит лишь воспользоваться по-видимому благоприятно созданными обстоятельствами для упрочения ее положения, дающих возможность весьма широкой

²¹ Там же, д. 344, л. 1; Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете. Саратов, 1926. Т. I. С. 187.

²² ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 461. л. 1–3; Известия Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1931. Т. IV. С. 5.

²³ См.: Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области ... Т. I. С. 189.

²⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 320, л. 43.

деятельности при лучшей чем когда-либо материальной обстановке»²⁵. В тот год членам СУАК пришлось много потрудиться над спасением архивных и библиотечных собраний, они привлекались для консультаций в новые советские органы²⁶. Но материальное положение комиссии, безусловно, ухудшилось: были заморожены банковские счета, прекратились пожертвования от частных лиц²⁷.

В двойственном положении оказалась СУАК в связи принятием Совнаркомом декрета от 1 июня 1918 г. о реорганизации и централизации архивного дела. В. Г. Миронов и В. В. Широкова утверждают, что по декрету архивным комиссиям было предписано самораспуститься²⁸, но такого жесткого распоряжения не было. Более того, в конце 1918 г. от Главархива было получено извещение с просьбой продолжать работу комиссии, принимать меры к охране архивного фонда, прислать различные материалы, сведения, списки членов, смету и «Труды». Главархив приглашал по всем делам и надобностям обращаться непосредственно к нему, а также сообщить о необходимых денежных суммах²⁹. Другое дело, что по декрету был создан губернский архив, введена должность уполномоченного Главархива. То есть те функции по собиранию и концентрации исторических архивов, которые ранее были у общественных губернских архивных комиссий, теперь перешли к государственным структурам. К тому же в 1918–1919 гг. Главархив на словах давал высокую оценку работе СУАК, но денег ей не выделял. Небольшие средства приходили только от местных органов народного образования³⁰.

В то же время включение в состав комиссии новых членов указывало на то, что рамки архивной комиссии СУАК переросла. Поэтому С. Н. Чернов и другие наиболее активные ее члены предложили в конце 1919 г. преобразовать комиссию в общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), каковое мыслилось еще в 80-е гг. XIX в.³¹. Отчет за 1919 г. заканчивался такими словами: «Саратовская Архивная комиссия умерла! Да здравствует Саратовское об-во истории, археологии и этнографии!»³². Официальной датой создания ИСТАРХЭТ следует считать 21 июня 1920 г., когда губисполком утвердил устав общества³³. Почетным предсе-

²⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 320, л. 43.

²⁶ Там же, д. 308, л. 17, 38.

²⁷ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 340, л. 4–5.

²⁸ См.: *Миронов В. Г., Широкова В. В.* Указ. соч. С. 322.

²⁹ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 320, л. 44.

³⁰ Там же, л. 67–68.

³¹ Там же, д. 334, л. 1; д. 335, л. 84; д. 343, л. 17.

³² Там же, ф. 407, оп. 2, д. 320, л. 70.

³³ Там же, д. 343, л. 14.

дателем ИСТАРХЭТ был избран профессор-медик, любитель местной истории В. А. Павлов., а действующим – профессор С. Н. Чернов³⁴.

В структуру общества входили археологический и этнографический музеи, библиотека и исторический архив, отделы исторический, археологический, этнографический, обычного права, а несколько позже историко-художественный отдел. ИСТАРХЭТ унаследовало от СУАК и имевшиеся у последней помещения. В своих рядах общество объединило историков, археологов, этнографов, лингвистов и правоведов. На общих собраниях и на заседаниях отделов заслушивались доклады по весьма широкой исторической тематике. Часто выступал с докладами по истории Франции В. А. Бутенко (он, кстати, возглавлял исторический отдел), по античной истории С. И. Протасова и Ю. А. Иванов, по древнерусскому праву С. В. Юшков, по истории церкви Г. П. Федотов³⁵. Однако краеведческая тематика продолжала доминировать в деятельности и этой организации: тематика двух третей докладов была связана с местной археологией, историей и этнографией.

Вначале ИСТАРХЭТ имело самостоятельный статус, но после того, как 12 июля 1922 г. ВЦИК распорядился о перерегистрации общественных объединений в стране, общество обратилось с просьбой к руководству университета считать его в составе СГУ. 27 июля 1922 г. правление СГУ удовлетворило это ходатайство³⁶. В период своего существования ИСТАРХЭТ планомерно пополняло свой состав людьми, способными к занятиям гуманитарными науками. К 1923 г. в него входило 173 действительных и почетных членов, в числе последних состояли академики С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, известные деятели краеведческого движения профессора В. В. Богданов и И. М. Гревс³⁷.

В начале своей деятельности реорганизованное краеведческое общество испытывало значительные материальные трудности. И это не только невозможность опубликования результатов научных изысканий, а их с каждым годом накапливалось все больше и больше (впервые после большого перерыва сборник «Трудов» удалось издать в 1923 г., затем вышло несколько частей 34- и 35-го выпусков по отделам – всего 12 книжек). Гражданская война, неурожай 1920 и 1921 гг. тяжело сказались на условиях жизни членов общества. Если в 1919 г. правление СУАК жаловалось, что «общие тяжелые условия жизни, те условия, при которых ученый работник, кроме кабинетной работы, должен нести еще заботы и даже физический труд по делам ничего общего не имеющим, как то: добывание и переноска продуктов, рубка дров и прочее – не могут не отразиться на

³⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 346, л. 1–14.

³⁵ См.: Журнал учета докладов, прочитанных в ИСТАРХЭТ в 1918–1925 гг. // ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 328.

³⁶ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 343, л. 18–19.

³⁷ Там же, д. 419, л. 1, 19.

продуктивности работы»³⁸, то в 1921 г. уже стоял вопрос о физическом выживании людей. С. Н. Чернов в своем отчете за этот год писал: «Старые члены общества, много для него поработавшие в прошлые годы и продолжавшие в нем работать до конца, Г. Г. Дыбов и И. И. Кирштейн во второй половине года скончались на почве истощения от недоедания. Правление общества с тревогою видело, как истощение медленным, но верным шагом подкрадывалось к ряду новых работников общества из среды университетской молодежи, самоотверженно – часть в порядке службы, часть в порядке любительства – отдававшей обществу свои свежие силы. Да и сами члены правления общества оказывались в весьма тяжелом положении. В июле месяце остро болел и был едва спасен от смерти виднейший работник общества, заведующий его этнографическим музеем и отделом, создатель Музея голода проф. Б. М. Соколов. Тяжелые квартирные и топливные условия ухудшали положение всех работников общества, усиливая их и обостряя его проявление»³⁹.

В середине 1920-х гг. экономическая ситуация в стране улучшилась, свои плоды стал приносить нэп. ИСТАРХЭТ установило связи с центральными научными учреждениями и местными краеведческими организациями, что имело особое значение в обмене информацией, научными изданиями. Книги стали получать даже из Нью-Йорка и Праги. Члены общества помогали налаживать краеведческую работу в школах губернии, осуществляли научно-методическое руководство в архивном и музейном строительстве. Они также привлекались для работы в комитетах и комиссиях государственных и хозяйственных органов (П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов, Б. М. Соколов)⁴⁰. ИСТАРХЭТ приступило к созданию краеведческих кружков в уездных городах Саратовской губернии. Первым из них в 1923 г. стал Аткарский кружок⁴¹. Но вскоре возникли новые препятствия – административного и политического характера.

ИСТАРХЭТ оказалось весьма авторитетным среди ученых Саратова научным обществом, поэтому к нему потянулись экономисты, географы, геологи, биологи, представители других, как тогда говорили, естественно-исторических наук. В 1923 г. пришлось создать два новых больших отдела – экономический и географический. Было ясно, что работа ИСТАРХЭТ приобретает характер всестороннего краеведческого изучения Нижнего Поволжья. Учитывая это обстоятельство, на общем собрании 29 сентября 1923 г. членами общества был принят новый устав общества и произошло

³⁸ ГАСО, ф. 407, д. 320, л. 69.

³⁹ Там же, ф. 407, оп. 2, д. 373, л. 8; Отечество: краеведческий альманах. М., 1995. Вып. 6. С. 190.

⁴⁰ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 419, л. 2–16; д. 448, л. 9–14; д. 507, л. 16.

⁴¹ Там же, д. 440, л. 1.

его переименование в Нижне-Волжское областное научное общество краеведения (НВОНОК)⁴².

По существовавшему тогда порядку устав был направлен в НКВД, после чего начались вытравливания с его утверждением. В НКВД долго отказывались утверждать устав, считая, что определенные в нем задачи общества выполняются государственными организациями. К тому же в вину обществу ставилось то, что в его составе отсутствовала партийная прослойка. В связи с безуставностью в течение длительного периода общество неоднократно подвергалось угрозе ликвидации. Летом 1924 г. по распоряжению из Москвы было даже опечатано все его имущество. И только благодаря вмешательству зав. губоно Ганжинского и зав. агитпропом губкома ВКП(б) Панкова общество не было закрыто⁴³. Настойчивые хлопоты руководства общества, ЦБК, местных властей привели к тому, что 21 сентября 1925 г. НВОНОК было легализовано⁴⁴. На учредительной конференции НВОНОК, в рядах которого состояло уже 194 человека, председателем был избран П. С. Рыков, сосредоточивший теперь в своих руках все руководящие посты в саратовском краеведении⁴⁵.

В составе НВОНОК вместо отделов уже существовали секции: геолого-географическая, экономическая, историческая, археологическая, этнографическая, краевой литературы и языка и обычного права⁴⁶. В целом в новом обществе сохранилось преобладание культурно-исторической направленности, работ, которая объяснялась тем, что значительная часть членов НВОНОК составляли профессоры и преподаватели гуманитарных отделений университета, а печатные и архивные материалы в обществе также носили гуманитарный характер.

Но постепенно естественники стали перехватывать инициативу. В конце 1926 г. на посту председателя общества П. С. Рыкова сменил геолог Б. А. Можаровский, что мотивировалось загруженностью первого работой в качестве декана педагогического факультета университета⁴⁷. Кроме того, возникавшие местные филиалы и кружки носили, главным образом, естественно-научную направленность. Да и в целом к концу десятилетия обстановка в краеведческом движении в стране начала претерпевать изменения. На III Всероссийской краеведческой конференции в 1927 г. было избрано новое руководство ЦБК во главе с видным деятелем ВКП(б)

⁴² ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 419, л. 1.

⁴³ Там же, д. 448, л. 53.

⁴⁴ Там же, д. 476, л. 3. В статье В. Г. Миронова и В. В. Широковой датой утверждения устава названо 11 июля 1925 г. Но в этот день было получено лишь извещение о предстоящем его утверждении в НКВД. (ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 464, л. 1, 5.)

⁴⁵ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 476, л. 4–5.

⁴⁶ Там же, д. 507, л. 5–12. Во главе исторической секции стоял П. Г. Любомиров, археологической – П. С. Рыков, этнографической – Г. Г. Дингес, обычного права и революционного правосознания – сначала С. В. Юшков, а потом А. С. Векслер.

⁴⁷ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 476, л. 8.

П. Г. Смидовичем. И здесь же впервые было заявлено, что теперь главная задача краеведов – исследование производительных сил страны и революционного движения на основе широкой связи организаций с массами⁴⁸. Отражением этого в НВОНОК вскоре стало открытие двух новых секций – научной агрономии и обычного права и революционного правосознания, а также создание кружка по истории классовой борьбы и бюро по работе с молодежью⁴⁹.

Ввиду вступления страны в первую пятилетку перед краеведами была поставлена задача прямого участия в социалистическом строительстве и увязки их исследований с народно-хозяйственными планами⁵⁰. Естественно, что приоритет при этом стал отдаваться геологическим и агрономическим изысканиям, физико-географическим описаниям и т.п. Вслед за этим в конце 1920-х гг. начинаются кампании против «буржуазных» специалистов, в ходе которых саратовское краеведение понесло существенную потерю. В университете был организован бойкот студентами занятий профессора С. Н. Чернова, и в конце 1928 г. он был вынужден покинуть Саратов⁵¹.

Рубежным для саратовского краеведения стало проведение в мае 1929 г. 1-го съезда краеведов Нижне-Волжского края. На нем деятельность НВОНОК подверглась резкой критике со стороны местных властей и отдельных краеведов-активистов с периферии за отсутствие массовости в работе, академичность, археологический уклон, слабое соединение научных исследований с делом социалистического строительства. Особенно резко выступали представители крайоно некто Девятков и Р. А. Таубин (впоследствии в 1938–39 гг. работал деканом исторического факультета СГУ)⁵². Руководитель местного Истпарта З. С. Петров вопрошал: «Вот в докладах звучит, что слаба материальная поддержка. Кто вы? Что вы даете? Какова ваша установка? Если помогаете нам, то деньги дадим. На любительскую работу подождем»⁵³.

На съезде правление НВОНОК было укомплектовано по новому принципу. Если раньше в него кроме председателя общества, его двух товарищей и ученого секретаря входили также все почетные члены общества – саратовцы и руководители секций, то теперь состав правления стал номенклатурно-политизированным. Заместителями Б. А. Можаровского были избраны Г. Е. Меерсон и З. С. Петров, а из известных ученых вошли только археолог П. С. Рыков, агроном А. А. Рихтер, философ-марксист В. Г. Ильинский. Зато были включены представители крайоно, студенчества и ряда местных кружков. Курс был взят также на

⁴⁸ См.: Резолюции III Всероссийской конференции по краеведению (11–14 декабря 1927 г.). М., 1928. С. 1–33.

⁴⁹ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 553, л. 2.

⁵⁰ Краеведная работа в РСФСР. М., 1930. С. 3–5.

⁵¹ См.: Максимов Е. К. К биографии Сергея Николаевича Чернова // Историк и историография: Материалы науч. конф. посвященной 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова. Саратов, 1999. С. 196.

⁵² ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 565, л. 12–14.

⁵³ Там же, л. 21.

массовое вовлечение в состав НВОНОК и его организаций на местах новых членов из рабоче-крестьянской среды, без серьезной проверки их склонности к познавательной деятельности. В результате за 1928–1929 гг. состав общества увеличился более чем на одну треть. Только в Саратове в НВОНОК состояло почти 300 человек, а вместе с филиалами – около тысячи. Стала свертываться публичная работа секций, а на заседания правления выносились далекие от работы общества вопросы: экскурсионные маршруты по краю, культпоход в крае, проведение посевной кампании, пропаганда пятилетнего плана и т. п.⁵⁴ Однако стремление свести научную работу краеведов лишь к удовлетворению насущных хозяйственных нужд не сразу нашло должную поддержку среди членов общества. Так, в отчете НВОНОК за 1928/29 г. отмечалось: «С текущего года правление общества предложило секциям составить планы с учетом потребностей социалистического строительства в нашем крае. Но это требование с трудом проводится в жизнь, так как в секциях не имеется достаточного количества лиц, непосредственно заинтересованных в работах указанного характера»⁵⁵.

С 1930 г. началась коренная ломка самодеятельного краеведческого движения в стране, которая проходила под знаменем «классовой борьбы со старым краеведением», искоренения «кулацкой идеологии» в краеведческих организациях и их перестройки на началах производственных ячеек⁵⁶. Это в полной мере коснулось и НВОНОК, в числе почетных членов которой значились академики С. Ф. Платонов и Н. П. Лихачев, проходившие по так называемому «академическому делу». В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. «О мероприятиях по развитию краеведного дела» НВОНОК упразднялось, а вместо него создавалось Нижне-Волжское бюро краеведения (председатель П. С. Рыков), подчинявшееся напрямую органам Наркомпроса⁵⁷. И хотя историческое краеведение в 1930-е гг. не прекратило свое существование, оно уже не было столь масштабным, разнообразным и наполненным искренним энтузиазмом как крупных ученых, так и пытливых любителей родной старины.

⁵⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 554, л. 1–3.

⁵⁵ Там же, д. 565, л. 12.

⁵⁶ См.: Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново-Вознесенск, 1931; Толстов С. П. Введение в советское краеведение. М.; Л., 1932.

⁵⁷ См.: За большевистскую партийность в краеведении (Материалы к месячнику краеведения). М., 1931. С. 9–10.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА К НЭПУ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
(1921–1923 гг.)**

Точкой отсчета в истории новой экономической политики традиционно считается речь В. И. Ленина на X съезде РКП(б) 15 марта 1921 года и соответствующее решение съезда – о замене продразверстки продналогом. На этой основе в марте 1921 года был принят ряд декретов, заложивших юридический фундамент нэпа. Однако каким образом эти постановления центра реализовывались на местах остается недостаточно исследуемой областью. Изучение новой экономической политики на уровне регионов практически только начинается, хотя для получения полноценной картины жизни общества обращение к ситуации в провинции совершенно необходимо. Ведь именно здесь планируемое в Москве воплощалось в жизнь.

Выбор автором Саратовской губернии для решения исследуемой задачи объясняется, во-первых, тем, что эта губерния всегда выделялась среди других, поскольку являлась житницей России, одной из хлебодороднейших губерний страны, долгое время кормившей другие регионы. Во-вторых, повышенный интерес автора к данному региону является следствием парадоксального положения губернии в начале 1920-х годов. Парадокс заключается в том, что эта губерния, практически не охваченная гражданской войной, но вынужденная снабжать армию и население потребляющих (промышленных) губерний продовольствием к концу войны была истощена в большей степени, чем губернии, находящиеся в полосе военных действий. Накануне перехода к нэпу Саратовская губерния находилась на самом дне кризиса. В крестьянском хозяйстве наблюдались сокращение посевных площадей, поголовья скота, изменение структуры животноводства. Все это усиливало натурализацию крестьянского хозяйства. Кризис, охвативший сельское хозяйство, сказался и на промышленности, связанной с переработкой сельскохозяйственной продукции. Мукомольное, маслобойное производство, наиболее важные для Саратовской губернии, прекращают свою работу. Самыми жизнеспособными являлись те отрасли, которые были ориентированы на военное производство, они поддерживались государственными заказами.

Переход к новой экономической политике нельзя было осуществить моментально. Поворот к широкому развертыванию рыночных отношений произошел не сразу. Первым звеном, которое оказалось затронутым изменениями в экономической сфере, было крестьянство как основа всей экономики России. На X съезде РКП (б), состоявшемся 8–16 марта 1921 года, главным был вопрос о замене продразверстки продналогом. Это был еще

не переход к новым экономическим формам хозяйствования, но уже одна из попыток улучшить критическое положение.

Началом перехода к нэпу стало введение налогов, объем которых был известен заранее. Как объяснялось в сердобской газете «Серп и Молот», вместо 13 отдельных налогов – теперь установлен 1, выраженный в ржаных единицах. Вместо подлежащих сдаче 18 продуктов – теперь только 6. Это различного рода хлеб, мясо, масло, картофель и масличные семена¹. Несмотря на то, что продналог был ниже продрозверстки, он также был практически не выполним для крестьянского населения, хозяйство которого пришло в полный упадок.

Весной 1921 года продовольственное положение все больше и больше ухудшалось. Голод, начавшийся в конце 1920 года, когда не оставалось продовольственных запасов хлеба, когда весь семенной материал был изъят продовольственными органами, остановить было невозможно. Причинами голода являлись также природно-климатические условия – неурожай 1920 года и засуха 1921 года.

В советской историографии много говорится о том, что «голод был следствием империалистической и гражданской войн»², но практически ничего не говорится о жестких решениях Советской власти. В письмах саратовских крестьян отмечалось, что «голод начался еще с ожидания нового урожая»³, но тем не менее, уже зная о начинающемся голоде, «в Компрод ультимативно потребовали вывоза 2 млн. пудов хлеба», а «о вводе в Саратовскую губернию какого бы то ни было количества хлеба не может быть и речи»⁴. Так заявили представителям Саратовского губпродкомитета в Москве, в марте 1921 года. Таким образом, не только последствия войн, неблагоприятные природно-климатические условия явились причинами голода, но и, в первую очередь, негибкая, недальновидная политика правительства.

С каждым месяцем количество продовольствия сокращалось. Как отмечалось в докладе председателя губисполкома в мае 1921 года, «в Саратове в наличии имелось хлеба на ссыпном пункте 31668 пудов – 122 вагона, хлеба этого хватит на 4 дня»⁵. Наиболее сложными были осенние месяцы, когда продовольствия уже не оставалось, с наступлением холодов исчезла последняя растительность, которой голодающие питались все лето. Голодают в полном смысле все, повествуют о тяжелом положении «Саратов-

¹ См.: Серп и Молот. 1922. 4 авг.

² Хенкин Е. М. Очерки истории борьбы советского государства с голодом 1921–1922 гг. М., 1988. С. 23.

³ Саратовские Известия. 1921. 28 дек.

⁴ Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 521, оп. 1, д. 710, л. 69.

⁵ Там же, л. 129.

ские Известия», так как нельзя назвать едой похлебку из воды и каких-то листьев, нельзя быть сытым от различных корней⁶.

Трагическим следствием голода являлась высокая смертность населения. По данным «Статистического сборника по Саратовской губернии» за 1923 год убыль населения за 1921 год составила 105498 человек, а за 1922 год – 123320 человек⁷. Однако здесь следует оговорить тот факт, что нельзя полностью полагаться на данные этого источника и можно предполагать, что реальные цифры намного выше. В 1922 году во время голода во многих волостях Новоузенского, Дергачевского и Петровского уездов регистрация актов гражданского состояния была неудовлетворительна: все умершие от голода и подобранные на базарах в отделе не регистрировались, а отправлялись прямо на кладбище⁸.

Хотя оказывались всевозможные меры помощи голодающим, в частности, такие, как открытие общественных столовых, иностранная помощь («английское питание развернуто на 115 тысяч человек, американское на 51 тысячу, 30 вагонов продовольствия от Папы Римского»⁹), тем не менее, все это лишь частично удовлетворяло потребности голодающих. В тех местах, где имелось питание, оно «было столь недостаточно (320 кк в среднем), что среди питающихся наблюдаются тяжелые заболевания на почве голода»¹⁰.

О недостаточности помощи говорят и другие факты. Так, например, как отмечали в мае 1922 года «Саратовские Известия», в Петровске из 86116 голодающих 75000 человек не получали никакой помощи и были обречены на голодную смерть¹¹, а в «Кузнецке больницы, детские дома и бронированные рабочие ничем не снабжаются»¹².

Из-за безысходного положения, голода, миграция, начавшаяся в начале 1921 года, приобретает массовый характер. Уже к сентябрю 1921 года многие заколачивают дома, продают за бесценок инвентарь и отправляются куда глаза глядят. Многие от голода и болезней погибают. Около станицы Красный Яр возник целый лагерь переселенцев, где оказались те, чьи лошади пали по дороге¹³. Нельзя не отметить тот факт, что часть населения в поволжских селах составляли беженцы времен мировой войны, рабочие, переселившиеся сюда из промышленных центров в годы гражданской войны. За 4 месяца 1921 года, с 1 августа по 1 декабря, было отправлено 19043

⁶ Саратовские Известия. 1921. 5 окт.

⁷ Статистический сборник по Саратовской губернии. Саратов, 1923. С. 72, 75.

⁸ Саратовские Известия. 1921. 5 окт.

⁹ ГАСО, ф. 466, оп. 1, д. 6, л. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Саратовские Известия. 1921. 22 мая.

¹² Там же. 1921. 6 авг.

¹³ Там же. 9 сент. л. 2.

беженца из Польши, Литвы и Латвии, а всего из губернии за этот период было отправлено 57455 человек¹⁴.

Как видно, и без того тяжелое экономическое положение Саратовской губернии осложнялось страшнейшим голодом, массовым мором населения и бегством от голодной смерти. Саратовская губерния оказалась на самом дне кризиса. В этих условиях и происходило введение новой экономической политики.

К лету 1921 года из-за голода население Хвалынского, Покровского, Новоузенского, Дергачевского уездов было освобождено от налогообложения¹⁵, а все виды натуральных налогов были переориентированы исключительно на внутригубернские нужды¹⁶ для исполнения постановления ВЦИК от 4 августа 1921 года, как отмечалось в «Саратовских Известиях». И хотя натурналог, оставшийся для внутригубернских нужд, был значительно ниже продрозверстки, тем не менее он был труден для выполнения, и выполнить его крестьянскому населению подчас было невозможно. Зато в приказном тоне рекомендовалось приступить к немедленному изъятию налога на рожь¹⁷, причем несмотря на постановление ВЦИК о продаже излишков, во время взимания в уездах налога должна была быть запрещена продажа озимой ржи¹⁸.

Государство пыталось выйти из положения экстенсивным путем, сократив количество изымаемой продукции, но методы изъятия налога оставались прежними, от внеэкономических мер новая политика не отказывалась. «Взимание налога добровольно не пойдет, без принуждения мы не обойдемся»¹⁹, — так было сказано делегатам X партконференции.

Как отмечалось в оперативной сводке в августе 1921 года, для выполнения продналога упродкомами были разосланы на места агенты²⁰. А далее в отчете Саратовского губернского экономического совещания оговаривалось, что «население сначала вносило очень слабо продналог на внутригубернские нужды, пришлось послать туда сессию ревтрибунала, но репрессивные меры применялись сравнительно редко, в виде ареста и предания суду»²¹. Всего в неурожайных уездах выездными сессиями продревтрибунала было разобрано до 200 дел²². И как отмечалось в письмах саратовских

¹⁴ ГАСО, ф. 466, оп. 2, д. 2, л. 14.

¹⁵ Саратовские Известия. 1921. 19 авг.

¹⁶ Там же. 9 сент.

¹⁷ Там же. 3 июля.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 304.

²⁰ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 718, л. 75.

²¹ Отчет Саратовского губернского экономического совещания (за июль–сентябрь 1921 г.). Саратов, 1921. С. 53.

²² ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 643, л. 14.

крестьян Ленину, «здесь правительство отнимает хлеб силой оружия, одним словом издеваются над крестьянами, а в газетах пишут, что крестьяне сами, добровольно ссыпают хлеб»²³.

Тем не менее, судя по публикациям «Саратовских Известий», отношение крестьянства к введению продналога было весьма сочувственным²⁴. В то же время в донесении Народному комиссару внутренних дел отмечалось, что «к этому установлению они относятся с недостаточной верой ... в уездах, в которых продовольственный кризис обострен, к Советской власти и коммунистической власти относятся враждебно. Уезды, стоящие в лучших условиях, в смысле продовольствия – относятся к Советской власти доброжелательно»²⁵.

Таким образом, новая экономическая политика, еще не утвердив себя на практике, не могла заставить крестьянское население поверить в преимущества продналога по сравнению с продразверсткой. К тому же методы изъятия налога оставались по-прежнему насильственными и вызывали у населения недовольство и безысходность.

Голод накладывает свой отпечаток не только на экономическую и социальную сферы, но и на политическую. С каждым месяцем, по мере роста голода, политическая активность масс падает. Если раньше, в начале 1921 года, постоянно шли волнения, выступления крестьян, то к концу лета – началу осени 1921 года, как отмечалось в сводках особого отдела губчека, «благодаря тому, что население вынуждено питаться суррогатами, как, например, в Дергачевском, Хвалынском и Новоузенском уездах, отношение к Советской власти пассивно»²⁶. Это и понятно, ведь у населения не было сил для активных методов борьбы.

Из-за голода крестьянское население не могло больше поддерживать повстанческое движение, и армии, охваченные голодом, начинают искать средства к существованию. Выжить в этих условиях можно было только за счет грабежа и разбоя. Таким образом, антибольшевистское движение переходит в бандитизм. Бандитизм, в свою очередь, не поддерживается местным населением. В крестьянстве сочувствия к бандитам никакого нет²⁷ и они начинают вести переговоры. Архивные материалы свидетельствуют, что «это явление отнюдь ничуть не говорит о том, что бандиты опомнились, а определенно можно приписать создавшемуся безвыходному положению, ибо особо остро стоит для них вопрос снабжения»²⁸. Как видно,

²³ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 669, л. 2.

²⁴ Саратовские Известия. 1921. 28 авг.

²⁵ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 643, л. 4.

²⁶ Там же, л. 10.

²⁷ Там же, л. 634, л. 5.

²⁸ Там же, д. 643, л. 9.

«бандиты» сдавались не в силу своих убеждений, а из-за тяжелого продовольственного положения.

Только улучшение экономического положения могло кардинально изменить данную ситуацию в лучшую сторону. Пока в губернии свирепствовал голод, говорить о возрождении сельскохозяйственного производства, о переходе к интенсивным формам хозяйствования было еще рано. Спад экономики продолжался в течение 1921–1922 гг., и вопрос стоял о преодолении кризиса и стабилизации экономики. Лишь в 1923 г. после преодоления кризиса начался процесс возрождения хозяйства.

Теперь рассмотрим положение в сфере промышленности. Новая экономическая политика по своему внутреннему содержанию, в первую очередь, была рассчитана на сельское хозяйство. Проблема промышленного развития не обсуждалась на X съезде партии. Однако из-за сложной хозяйственной ситуации, сложившейся в стране, СНК вынужден был принять ряд декретов, касающихся промышленности. Так, законодательно был оформлен возврат под частное управление и контроль тех ранее национализированных государством промышленных предприятий, которые оно в новых условиях не могло поддерживать в рентабельном состоянии. В Саратовской губернии к 1 августа 1921 года из 1142 предприятий губсовнархоза осталось 325, прочие предприятия были предназначены к закрытию или сдаче в аренду. Сокращение числа промышленных заведений в указанном масштабе диктовалось полной необеспеченностью промышленных заведений сырьем, топливом и рабочей силой²⁹. Однако и это число предприятий было довольно обременительным для губсовнархоза, особенно если принимать во внимание то обстоятельство, что значительная их часть была слабо обеспечена ресурсами производства, поэтому число предприятий, находившихся в ведении Губернского Совета Народного хозяйства, сократилось до 70³⁰.

Безусловно, первые шаги новой экономической политики в промышленности были порождены сложной ситуацией 1921 года. Понятно, что обстановка не позволяла государству взять на себя ответственность за обеспечение предприятий всеми необходимыми ресурсами. Развал промышленности был «дополнен» невиданным неурожаем и голодом. Ничего больше не оставалось, как предложить государственным предприятиям по возможности самостоятельно решать вопросы своего дальнейшего функционирования. Это позволяет говорить о нэпе, начиная с августа 1921 года и вплоть до кризиса 1923 года, как об образовании «автономно существ-

²⁹ Отчет Саратовского губернского экономического совещания (за июль–сентябрь 1921 г.). Саратов, 1921. С. 41.

³⁰ Там же.

вующих государственных трестов»³¹, налаживающих в условиях смешанной экономики свою коммерческую деятельность. Начало процессу снятия предприятий с государственного снабжения и образованию трестов было положено постановлением от 12 августа 1921 года «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства»³². В основном этот процесс трестирования предприятий завершился к осени 1922 года. К этому времени предприятий государственной трестированной промышленности в Саратовской губернии насчитывалось 23, в том числе по добыванию и обработке камней – 3, обработке металла – 5, производству пищевых продуктов – 13, обработке дерева – 1 и обработке шерсти – 2. Но в рабочем состоянии находились только 8³³. Всего же объединено «в тресты было 157 предприятий, из этой группы заводов находятся в действии только 100»³⁴, – отмечалось в отчете Саратовского губернского экономического совещания.

Дело в том, что в конце 1920 – начале 1921 года промышленность находилась в тяжелейших условиях. И без того тяжелое положение обострял общий кризис сельского хозяйства. В связи с этим в наиболее кризисном положении находилась самая важная для Саратовской губернии отрасль промышленности – мукомольная (обработка продуктов сельского хозяйства), а также винокуренная промышленность. Последняя «явно не состоятельна в коммерческом отношении, а неблагоприятная обстановка – неурожаи, вообще обретают промышленность на бездействие»³⁵. Действительно, как говорилось в отчете Саратовского губернского экономического совещания, «из 12 маслобойных заводов Маслотреста можно пустить в ход только 1, из 17 готовых к пуску винзаводов работают только 3»³⁶.

Как видим, трестированная промышленность переживала тяжелые времена. К тому же после мировой и гражданской войн изношенность оборудования достигла самого низкого уровня и вела к остановке производства. Первые месяцы работы трестов выявили постоянную нехватку оборотных средств. А слабое обеспечение материальными ресурсами делали их работу на основе полного хозрасчета практически невозможной. Так, из-за недостатка денежных средств возможность снабжения промышленных предприятий сырьем была ограничена. Например, у многих предприятий

³¹ *Неретина Л. А.* Реорганизация государственной промышленности в 1921–1925 гг. // *Нзп: приобретения и потери.* М., 1996. С. 76.

³² *Неретина Л. А.* Указ. соч. С. 77.

³³ Статистический сборник ... С. 142.

³⁴ Отчет Саратовского губернского экономического совещания (за апрель–октябрь 1922 г.). Саратов, 1922. С. 30.

³⁵ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 831, л. 4.

³⁶ Отчет Саратовского губернского экономического совещания (за апрель–октябрь 1922 г.). Саратов, 1922. С. 32.

металлообрабатывающей промышленности из-за незначительного оборотного фонда не было средств для своевременной закупки сырья, поэтому большинство предприятий этой отрасли были обеспечены основными видами сырья на 5–6 месяцев³⁷. В целом следует отметить, что в трестированной промышленности существенно сказывался недостаток денежных средств. Товарные запасы на предприятиях не представляли сколько-нибудь значительного фонда для образования оборотного капитала, что было недостаточно для работы предприятия и вело к его остановке. В наиболее благоприятном положении находились такие предприятия, как «Саратовская Мануфактура», «Табачная фабрика» и костеобрабатывающий завод³⁸, поскольку они находились в «сравнительно удовлетворительном состоянии: во-первых, здание и оборудование в хорошей форме; во-вторых, все время находят себе выгодный сбыт; в-третьих, имеют достаточный оборотный фонд»³⁹.

Таким образом, некоторые правления трестов сумели использовать те средства, которые им были предоставлены, не только для того, чтобы связаться с закрытым ранее для промышленности рынком и обеспечить предприятия сырьем и топливом, но и выступить на рынке со своими товарами.

Однако следует отметить, что государство с переходом к новым формам хозяйствования все же продолжало сохранять «командные высоты» – контроль над экономикой. Как отмечалось в отчете о работе ГСНХ, «операция отбора предприятий опирается не на хозяйственно-техническую оценку, а оценку в смысле возможности производства для государственных интересов»⁴⁰ и далее, там же – «бездействующие предприятия прикрепляются к трестам и государство выдает долгосрочную ссуду»⁴¹. Такое объединение бездействующих предприятий с действующими не могло не повлиять на формирование всей хозяйственной структуры в целом. Например, «металлообрабатывающая промышленность представляла затруднения для трестирования в смысле разрыва хозяйственных связей с уездами. И она включала в себя крайне разнообразный состав предприятий – и предприятия крупного государственного значения и чисто мелкие, ремонтного значения»⁴². Такие тресты представляли собой чисто номинальное объединение ничем не связанных друг с другом заводов, но принадлежащих к одной отрасли промышленности и производящих совершенно различные изделия.

³⁷ Отчет Саратовского губернского экономического совещания (за апрель–октябрь 1922 г.). Саратов, 1922. С. 35.

³⁸ Там же. С. 39.

³⁹ Там же. С. 34.

⁴⁰ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 831, л. 3.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. д. 631, л. 5.

В других случаях тресты являлись чисто территориальными объединениями, находившимися в ведении местных совнархозов. Например, в «Саратовское государственное комбинированное объединение» входили 1 стекольный завод, 1 химический завод, 1 кирпичный завод, 1 дрожже-винокуренный завод и т.д.⁴³

К третьей группе принадлежали предприятия, находившиеся в ведении центра: «это «Новая Этна» и часть цементных заводов города Вольска, они не регулируются, не снабжаются государственными органами, с большим трудом поддерживают производство, не имея достаточных средств и не имея достаточной поддержки»⁴⁴. Несмотря на то, что многие из этих предприятий были убыточными, местная власть не могла их закрыть, по-видимому, из-за их мощности.

Тяжким бременем для предприятий, снятых с государственной сметы, являлась оплата рабочих отпусков, «производимая обычно в кредит или бесплатно, что грозит им окончательным истощением»⁴⁵, — отмечалось в отчете ГСНХ. Таким образом, из-за значительной дефицитности бюджета государство отчуждало продукцию не только ниже себестоимости, но и бесплатно, что значительно осложнило восстановление промышленности.

С введением нэпа большинство предприятий было снято с государственного снабжения, а финансовые трудности, испытываемые государством, ложились на предприятия, — «предприятия должны получить помощь центра или замереть»⁴⁶, но помощь оказывалась явно недостаточной. ГСНХ никаких оборотных фондов от центра не получил, и предприятия были пущены в ход на те наличные средства, какие имелись у ГСНХ⁴⁷. Таким образом, оборотный фонд при переходе к новой экономической политике состоял из тех средств и материалов, которые находились в распоряжении предприятий, что ставило предприятия в совершенно разные условия, многие из них попадали в положение банкротов. Те же, которые держались на плаву, душились налогами. «Сначала продукция облагается на заводе, затем она облагается второй раз, когда переходит с завода на завод, потом третий раз, когда с завода на склад и так до 5 раз. В довоенное время налоги составляли 0,51% уравнительного сбора, а ныне уравнительный сбор доходит до 38%. Все предприятия и прежде всего государственные заявляют: платить мы не можем. За это время одна табачная фабрика уплатила налога на 72 млрд. руб.»⁴⁸. Таким образом, более или менее ус-

⁴³ Отчет Саратовского губернского экономического совещания (за апрель-октябрь 1922 г.). Саратов, 1922. С. 32.

⁴⁴ Там же. С. 39.

⁴⁵ ГАСО, ф. 521, оп. 1, д. 831, л. 10.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, ф. 466, оп. 1, д. 3, л. 12.

⁴⁸ Отчет о XII Губернском Съезде Советов. (15-18.12. 1922 г.). Саратов, 1922. С. 98.

пешная деятельность трестов облагалась непосильными налогами, которые не могли способствовать восстановлению промышленности, а лишь вели к остановке производства.

Эти многочисленные поборы напрямую были связаны с проблемой заработной платы рабочих. Материалы отчета о работе XII губернского съезда Советов свидетельствуют, что накладные расходы в 3 раза превышали зарплату⁴⁹, что вело к ее понижению. Такая слабость хозрасчетных стимулов способствовала тому, что наблюдался переход рабочих крупной промышленности к кустарному ремесленному производству и в довольно значительных размерах⁵⁰. Все это было вызвано как сокращением фабрично-заводского производства, так и более высоким заработком кустарей-одиночек.

Нельзя не отметить и приобретающую все более широкие масштабы безработицу. По общим данным о движении рабочей силы за первое полугодие 1921 г. количество безработных достигло 92681 человек⁵¹. Их число росло, так как к зиме ожидалось возвращение тех, кто уехал в деревню на летние работы, и появление новых безработных. К последним отнесем и группу госслужащих из советских учреждений в основной массе они ни к чему иному не были приспособлены и надежд на их скорое трудоустройство было мало. Учитывая общую численность трудоспособного населения, можно предположить, что безработица охватывала до половины населения.

Таким образом, в промышленности, пораженной глубоким кризисом, переход на рельсы новой экономической политики был весьма сложным, так как не была достигнута стабилизация. Надеясь на возрождение промышленности, государство пыталось укрупнить производство путем объединения предприятий в тресты. Но из-за тяжелого финансового положения, недостатка материальных средств и практически недоступных кредитов процесс трестирования в 1921–1922 гг. ощутимых результатов не дал, говорить о реальном процессе восстановления производства можно лишь с началом 1923 года.

⁴⁹ Отчет о XII Губернском Съезде Советов. (15–18.12. 1922 г.). Саратов, 1922. С. 98.

⁵⁰ Отчет Саратовского губернского.. С. 42.

⁵¹ ГАСО, ф. 456, оп. 1, д. 621, л. 31.

ОСНОВНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В 1920-е ГОДЫ В НЕМЕЦКОЙ АВТОНОМИИ НА ВОЛГЕ

Советская власть, выстоявшая в годы гражданской войны, укрепила в 1920-е гг. свои позиции и к концу этого десятилетия решительными шагами вступила в этап форсированного строительства социализма.

Миграционные процессы в эти годы имели сложный и разнообразный характер. Миграционный процесс – это система, включающая в себя не только миграционные потоки, но и обстоятельства, в которых они протекают, мотивационные установки на миграцию, влияющие на неё политические решения. Миграционные процессы 1920-х гг. в немецкой автономии можно рассмотреть с точки зрения типологической модели, в основе которой лежит дифференциация миграций по характеру территориальных перемещений. Поэтому в миграционных процессах выделяются добровольная миграция, порождённая внутренней потребностью человека, вынужденная миграция, осуществляемая людьми путём свободного волеизъявления, но в результате действия факторов, препятствующих их нормальному проживанию на прежнем месте, и принудительная¹.

В начале 1920-х гг. преобладает вынужденная эмиграция из немецких колоний на Волге. Спасаясь от голода, вызванного разрухой, неурожаем, продразвёрстками 1918–1920 гг., тысячи беженцев из немецкой автономии летом 1921 г. устремились в Сибирь, на Украину, на Кавказ, за границу. Переселение в период голода признавалось Советским правительством одним из способов оказания помощи голодающим и рекомендовалось применять его широко². Однако в Постановлении ВЦИК РСФСР от 28 июля 1921 г. «О планомерном выселении из голодающих губерний» было записано: «Планомерного выселения ... из охваченных неурожаем губерний не открывать»³.

Переселение в период голода можно разделить на два вида: организованное или официальное, которое проходило на основе переселенческих билетов, и стихийное.

Рассмотрим организованное переселение. Оно проводилось с июля 1921 г. специально созданной при Областном Комитете Помощи Голодающим (Облкомпомгол) эвакуотройкой. С сентября 1921 г. им заведует

¹ См.: Ерофеева И. В. Типы миграций немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграционные процессы среди российских немцев : исторический аспект. Материалы междунар. науч. конференции. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 159.

² См.: Энгельский филиал Государственного архива Саратовской области (далее – ЭФГАСО), ф. 38, оп. 20/д, д. 12, л. 1.

³ Там же, оп. 50/д, д. 43, л. 14 об.

Переселенческая секция Облкомпомгола. В августе 1921 г. было определено количество людей, выселяемых из немецкой автономии – 10 тысяч. Переселяемые делились на несколько категорий, определявшиеся возрастом и социальным составом: рабочие, крестьяне, красноармейцы и беженцы, попавшие в область во время гражданской войны, дети. В зависимости от категории организация переселения возлагалась на разные комиссариаты. При организованном переселении прослеживается «классовый подход» в подборе эвакуируемых. В первую очередь власть спасала от голода рабочий класс. Почти половина всех рабочих Немкоммуны (2321) была эвакуирована до конца 1921 г.⁴

Организованное переселение в голод 1921–1922 гг. так и не стало действенной помощью голодающим. Несогласованность действий руководства страны и немецкой автономии, несвоевременная подача транспорта к пристаням и железнодорожным станциям подчас приводили к трагедиям. Например, осенью 1921 г. из Центра пришёл наряд на отправку 2 тыс. человек на земляные работы в г. Ташкент. Было завербовано и готово к отправке 1950 человек. Из-за отсутствия транспорта их отправление задержалось. Вскоре Народный Комиссариат Труда РСФСР аннулировал данный наряд и большинство людей, успевших распродать имущество попали «в самые ужасные условия голодовки»⁵.

В особенно тяжёлом положении оказались дети. По области в 1921 г. из 162,4 тыс. проживающих детей голодало более 143 тыс.. Порядок их эвакуации определяли «Правила о порядке эвакуации детей из местностей, постигнутых неурожаем», принятые 18 августа 1921 г. правительством РСФСР⁶. Эвакуации подлежали дети от 6 до 14 лет, в первую очередь, проживающие в детских домах. Их переселение проводил Отдел правовой защиты несовершеннолетних под руководством комиссии Народного Комиссариата Просвещения АОНП. Детские дома и ясли в 1921 г. вмещали всего 399 детей⁷. Как следует из документов, в голод 1921–1922 гг. из немецкой автономии было вывезено 3660 детей⁸, многих из них вернуть не удалось.

В марте 1922 г. специальная комиссия Наркомпроса АОНП обследовала места расселения эвакуированных детей в Киевской и Одесской губерниях. Она признала, что «дети выглядят хуже, чем до отправления в этот уро-

⁴ См.: Центр Документации новейшей истории Саратовской области. (далее – ЦДНИСО), ф. 1, д. 185, л. 75.

⁵ ЭФГАСО, ф. 38, оп. 20/д, д. 12, л. 17.

⁶ Там же, оп. 50/д, д. 43, л. 14.

⁷ Там же, д. 1, л. 9.

⁸ См.: Герман А. А. Немецкая автономия на Волге. Часть 1. Автономная область 1918–1924 гг. Саратов, 1994. С. 131.

жайный уезд»⁹. Итоги осенне-зимней эвакуации 1921 г. были рассмотрены на заседании президиума Облкомпомгола 13 апреля 1922 г. Было решено отказаться от эвакуаций без выяснения условий приёма и содержания¹⁰.

До апреля 1922 г. организованного переселения больше не проводилось и руководство области не предполагало его возобновить. В целом в 1921 г. организованным порядком было вывезено из немецкой автономии 11710 человек, из них 6643 – дети, рабочие и члены их семей, служащие и красноармейцы¹¹. Всем организованным переселенцам выдавалось денежное пособие в размере 7 тыс. рублей на человека. (для сравнения: один номер газеты «Правда» стоил в 1921 г. 2500 рублей)¹².

Вторым видом миграции в период голода было стихийное переселение, значительно превосходившее по масштабам организованное. Оно началось с зимы 1920–1921 гг. с появлением в Саратове первых групп нищих. К концу лета 1921 г. «в сёлах началась паника. Засуха, пожары, холера подняли на ноги значительную часть населения. По просёлочным дорогам, по водным, железнодорожным путям хлынула волна переселенцев. Ехали ... передвигаясь любыми доступными средствами»¹³. Даже суровая волжская зима 1921–1922 гг. не остановила бегства из колоний. Никакой статистики стихийного переселения в эти годы не велось, и лишь в документах 1923 г. впервые появляются данные о количестве покинувших кантоны беженцев.

В феврале 1922 г. значительно сократилось число беженцев на станции Покровск. Причину этого мы находим в мерах, препятствующих росту миграции: в выставлении военных отрядов на станциях, в запрещении переселения на Украину¹⁴. Всего за первые пять месяцев 1922 г. из немецких колоний бежало 15407 человек¹⁵.

В голод 1921–1922 гг. в Гомеле, Витебске, Минске, Смоленске скопились тысячи беженцев, желавших попасть за границу. По данным Маттиаса Хагена 3 тыс. немецких колонистов бежали в Петроград, около 500 немцев дошли до Баку, 5 тыс. – до Минска, 3 тыс. – до Полоцка в Польше. На польской границе под Барановичами постоянно находились около 30

⁹ ЭФГАСО, ф. 38, оп. 20/д, д. 12, л. 32.

¹⁰ См.: Герман А. А. Указ. соч. С. 131.

¹¹ См.: ЭФГАСО, ф. 38, оп. 20/д, д. 12, л. 16–17.

¹² См.: Щёлоков А. Свидетели истории. М., 1987. С. 49–50.

¹³ Бюллетень Центральной Комиссии Помощи Голодающим. ВЦИК. М., 1921. № 2. С. 39.

¹⁴ См.: ЭФГАСО, ф. 762, оп. 10/д, д. 373, л. 1.

¹⁵ См.: Винс О. В. Смертность населения АОНП от голода в 1921–1922 гг. // Культура русских и немцев в Поволжском регионе. Саратов, 1993. Вып. 1. С. 66.

тыс. беженцев, среди них тысячи немцев Поволжья¹⁶. Всего около 100 тыс. человек покинули немецкую автономию в голод 1921–1922 гг.¹⁷.

В 1922 г. при сохранившейся эмиграции из немецких колоний появляется новая тенденция – возвращение в родные места беженцев голода. Статистические сведения за этот период сохранились не полностью. Так, по документам можно проследить динамику возвращения беженцев в разных кантонах АОНП в течение нескольких месяцев. С января по 1 сентября 1922 г. вернулись в родные места 13081 человек, из них 3123 приехали по линии организованного переселения¹⁸. По документам прослеживается движение населения в Каменском кантоне с 1 января 1922 г. по 31 января 1923 г. В 1921 г. этот кантон покинули 9941 человек, из них только 267 выехали по переселенческим билетам. К февралю 1923 г. вернулись в родные места 3879 человек¹⁹. По Тонкошуровскому, Фёдоровскому, Каменскому, Красноярскому кантонам в 1921 г. были эвакуированы 693 человека и почти 30 тыс. бежали из родных мест. В эти кантоны к 1923 г. вернулись 16738 человек²⁰.

В последующие годы к этому миграционному процессу присоединяется и реэмиграция поволжских немцев, в основном беженцев голода, из-за границы. Однако возвращение на родину для немцев, проживающих за границей, затянулось на долгие годы, которые требовались для рассмотрения прошений и оформления документов. Декрет ВЦИК РСФСР от 15 декабря 1921 г. «О лишении российского гражданства установил, что все лица российского происхождения, находящиеся за границей, лишаются российского гражданства до восстановления их в правах ВЦИКом или по проверке документов Полномочными Представительствами РСФСР за границей»²¹.

Руководила реэмиграцией Комиссия Совета Труда и Оборона (КомСТО) по иммиграции. Отношение к реэмиграции на протяжении 1923–1926 гг. неоднократно менялось. Например, в 1923 г. единственно возможной формой возвращения в СССР признавалась коллективная, при условии, что члены групп привозили с собой орудия труда и денежные средства. Эта политика

¹⁶ См.: *Mattias Hagin. De Hungersnot in den Wolgadeutschen kolonien von 1920 bis 1924 und die Hilfsleistungen der Wolgadeutschen Vereinigungen und anderer Organisationen in Deutschland und America // Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1973–1981. Stuttgart, S. 62.*

¹⁷ См.: *Лонг Д. Поволжские немцы и голод в начале 20х годов // История России : Диалог российских и американских историков: Материалы рос.-амер. науч. конф. Саратов, 18–22 мая 1992 г. Саратов, 1993. С. 130.*

¹⁸ См.: ЭФГАСО, ф. 38, оп. 40/д, д. 10, л. 11.

¹⁹ См.: Там же.

²⁰ См.: ЦДНИСО, ф. 1, д. 147, л. 26–34.

²¹ ЭФГАСО, ф. 1100, оп. 10/д, д. 3, л. 12.

проводилась наряду с ограничением перемещения внутри страны²². В мае 1924 г. НКВД СССР дал указания всем Полномочным Представительствам и Консульствам о том, чтобы заявления об оформлении советского гражданства и о въезде бывших российских граждан не принимались вовсе²³. Неурожай 1924 г. в Поволжье коренным образом изменил политику, проводимую в отношении реэмигрантов. В конце 1924 г. стало возможно возвращение не только организованных групп, но и одиночек. Это мотивировалось необходимостью создания «в подверженных засухе районах единоличных хозяйств»²⁴. В 1925 г. приоритет вновь был отдан организованным сельскохозяйственным коллективам.

11 октября 1926 г. на заседании Постоянной Комиссии Совета Труда и Обороны по иммиграции решался вопрос о реэмигрантах, выходцах Немреспублики. Члены комиссии высказались против массовой реэмиграции, поскольку выходцы из немецкой автономии уже «оторвались в идеологическом отношении от населения республики»²⁵. Согласно постановлению Комиссии СТО по иммиграции от 11 октября 1926 г. реэмиграции подлежали лица, которые:

- 1) не утратили хозяйственно-семейную связь с родными в АССРНП;
- 2) возвращались в хозяйство родных и проезд их был необходим в качестве дополнительного работника;
- 3) получали согласие земельного общества на принятие в свой состав;
- 4) не приняли иностранного подданства;

Иной была позиция по реэмиграции руководства АССРНП. Оно считало реэмиграцию «весьма полезной, так как ... возвращаясь в родные хозяйства люди укрепляют их не только рабочей силой, денежными средствами, но и знаниями, приобретёнными за границей»²⁶. Руководство республики было заинтересовано и во въезде иммигрантов-одиночек, которые желали завести своё хозяйство, потому что они «ввозили с собой капитал»²⁷.

Претворение в жизнь постановления КомСТО от 11 октября 1926 г. вызывало неоднократные нарекания со стороны правительства Немреспублики, которое считало свободную трактовку этого постановления причиной того, что удовлетворялись лишь 15% ходатайств о въезде в АССРНП. Представитель Немреспублики при Президиуме ВЦИК СССР Эдгар Гросс неоднократно поднимал вопрос об исключении из этого постановления пункта второго, который «допускает разные толкования»²⁸.

²² См.: ЭФГАСО, ф. 849, оп. 30/д, л. 13, л. 30.

²³ См.: Там же, д. 12, л. 14.

²⁴ Там же, д. 12, л. 17.

²⁵ Там же, оп. 30/д, д. 12, л. 183 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 190.

Разницу в отношении к реэмиграции со стороны руководства СССР и руководства АССРНП можно объяснить различными подходами к решению этой проблемы. Руководство страны рассматривало реэмиграцию с точки зрения политики, а руководство Немреспублики – с экономической точки зрения.

Как уже говорилось ранее, возвращение на Волгу беженцев голода, трудовых эмигрантов затянулось на долгие годы. В августе 1926 г. крупные партии реэмигрантов (около 300 человек) приехали в АССРНП из Германии²⁹. Количество населения в 1926 г. в АССРНП составило 517 тыс. человек, по сравнению с переписью 1920 г. оно уменьшилось на 89 тыс., но значительно выросло по сравнению с 1923 г. Это объясняется не только естественным приростом населения, но и возвращением трудовых эмигрантов и беженцев голода 1921–1922 гг. в родные места.

Третьим миграционным процессом в 1920-е гг. в немецкой автономии на Волге было выселение в 1926 г. бывших крупных помещиков. Лишь несколько семей попали под это выселение, но этот процесс был не менее важен, поскольку он стал предвестником массового выселения кулаков в начале 1930-х гг.

Декрет ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции усадьбах» стал законодательной основой для выселения бывших помещиков. Для претворения его в жизнь при правительстве АССРНП была создана Центральная комиссия во главе с заместителем председателя ЦИК В. Персидским. 20 октября 1925 г. она приступила к работе. Через два дня Центральная комиссия распорядилась создать кантонные комиссии на местах и через месяц представить им анкеты на бывших помещиков. Однако эта работа затянулась. В феврале 1926 г. Федоровская кантонная комиссия представила на рассмотрение анкеты на 83 человека, из которых по её мнению выселению подлежали³⁰. При внимательном изучении анкет бывших помещиков оказалось, что среди них есть и арендаторы, не имевшие до революции своей земли, и такие «крупные землевладельцы», которые до революции имели земли меньше, чем в 1926 г. Рассмотрев эти анкеты, Центральная комиссия постановила выселить лишь три семьи из Фёдоровского кантона³¹. Во избежание повторения подобных ошибок правительство АССРНП уточнило категорию «бывший помещик» в июле 1927 г. Оно разъяснило, что выселению подлежали все

²⁹ См.: Ерина Е. М. Трудная дорога домой : возвращение эмигрантов в АССР немцев Поволжья в 1920-е гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. науч. конф. Анапа, 26–30 сентября 1997 г. М., 1998. С. 254–255.

³⁰ См.: ЭФГАСО, ф. 849, оп. 3д/п, д. 27, л. 17.

³¹ См.: Там же, д. 59, л. 79.

дворяне, не зависимо от количества принадлежавшей им земли, все те, кто имел право голоса на собраниях и мог быть избранным, землевладельцы, не имеющие права голоса, но в сознании масс считавшиеся помещиками, крупные землевладельцы, владевшие до революции на луговой (левобережной) стороне 300 десятинами земли, а на нагорной (правобережной) 200 десятинами. На заседании Центральной комиссии 29 июля 1926 г. было утверждено выселение 12 семейств из 9 кантонов АССРНП. Общая земля, находившаяся в их пользовании до революции, составляла 19509 десятин. Для расселения бывших помещиков Народный Комиссариат Земледелия АССРНП выделил земельный участок между реками Торгуном и Солянкой в южной части Старо-Полтавкинского кантона. Туда осенью 1926 г. переехали 11 семейств, а весной 1927 г. ещё одно.

В результате проведения переселения бывших помещиков АССРНП у них было изъято построек на сумму более 36 тыс. рублей, инвентаря на сумму 9,5 тыс. рублей, три лошади и три коровы. Крестьянским Комитетам Взаимопомощи было передано 250 десятин земли, в государственный фонд – около 200 десятин³².

Рассматривая миграционные процессы 1920-х гг. в немецкой автономии на Волге, можно выявить основные их причины. Антикрестьянская политика советской власти, засуха 1921 г., последствия гражданской войны стали главными причинами голода, охватившего в 1921–1922 гг. 25 млн. человек³³. Столкнувшись с голодом, власть оказалась бессильна перед его размахом. Организованное переселение так и не стало действенной помощью голодающим. Неурожай 1924 г. в АССРНП вызвал новый отток населения, которое ещё не забыло о страшном голоде недавнего прошлого. Более 26 тыс. человек покинули родные места в 1924 г.³⁴ В середине 1920-х гг. главным миграционным направлением стала реэмиграция. Разрозненность семей, естественное их стремление к воссоединению, экономическая неустроенность за границей, особенно беженцев голода, а также большевистская пропаганда нового строя были в основе этого переселения. В 1926 г. появляется и новый вид миграции в республике немцев Поволжья – насильственная. На наш взгляд, власть преследовала здесь несколько задач: во-первых, избавлялась от чуждого в идеологическом отношении элемента, во-вторых, создавала экономический резерв для финансирования коллективных товариществ в деревне. Появление в 1926 г. первого трудового посёлка позже станет широко практиковаться, и «кулацкие посёлки» вырастут повсеместно. В выселении бывших помещиков в 1926 г. мы не встречаем количественных разнорядок, спускаемых сверху, власть отно-

³² См.: ЭФГАСО, ф. 849, оп. 3д/п, л. 79 об.

³³ См.: Лонг Д. Указ. соч. С. 127

³⁴ См.: ЭФГАСО, ф. 849, оп. 1д/п, л. 17, л. 54.

сится к выселяемым ещё «гуманно». Подтверждением этого является неоднократный перенос сроков выселения. Первоначально с 1 августа 1926 г. на 1 октября 1926 г., чтобы дать возможность собрать урожай., а для одной семьи на весну 1927 г. Выселение бывших помещиков стало началом новой политики в отношении крестьянства, её первыми шагами.

Е. К. Максимов

«ВРАГИ НАРОДА» НА МУЗЕЙНОМ ФРОНТЕ

В середине 1930-х годов можно было увидеть плакат, на котором была нарисована мускулистая рука в рукавице с колючими иголками, сжимающая за горло змею. Надпись призывала «уничтожить гадину ежовыми рукавицами». Гадину искали и выявляли повсюду: на предприятиях и в колхозах, в армии и на флоте. Тысячи и тысячи людей арестовывались и объявлялись «врагами народа». Не минуло сие и Саратовский областной музей краеведения, где были выявлены «враги народа» на музейном фронте.

14 апреля 1937 года органами НКВД был арестован как «враг народа» директор музея профессор П. С. Рыков и помещен в Саратовскую тюрьму. В музее были срочно приняты меры по «ликвидации последствий деятельности врага народа Рыкова».

Павел Сергеевич Рыков был крупным ученым и его имя связано с началом систематического исследования археологических памятников в Нижнем Поволжье и Калмыкии. В Саратов Рыков приехал осенью 1920 года, был избран доцентом, а через два года профессором университета. Ему поручается заведование вновь созданной кафедры археологии. Он читал студентам курс лекций по первобытной и бытовой археологии, вел семинарские занятия. Три года Павел Сергеевич являлся деканом педагогического факультета и несколько лет выполнял обязанности заместителя ректора университета. В 1935 году, когда в Саратовском университете был восстановлен исторический факультет, первым деканом его стал П. С. Рыков.

Ежегодно летом ученый со студентами выезжал в полевые экспедиции, на разведки и раскопки памятников археологии. По инициативе Рыкова был разработан план археологического изучения Нижнего Поволжья, особенно Саратовского края. Исследования Павлом Сергеевичем таких крупных курганных могильников, как Покровский – эпохи бронзы, Суловский – раннекочевнический, Армиевский – древнемордовский, явились весомым вкладом в создание истории далекого прошлого нижневолжского региона. Итогом плодотворной археологической

деятельности П. С. Рыкова явилось опубликование более 70 научных трудов. За заслуги в научной и педагогической работе Павел Сергеевич был награжден Почетной грамотой ВЦИК¹.

Немало сил и времени уделял П. С. Рыков музейному строительству. В 1922 году он назначается заведующим музейным отделом Саратовского губернского отдела народного образования, проработал здесь три года. С того же 1922 года до своего ареста он был директором Саратовского краевого, затем областного музея краеведения. За это время Рыков сумел превратить его из небольшого музея архивной комиссии в крупное исследовательское и культурно-просветительное учреждение, ставшее центром музейной работы в области.

Благодаря энергии и энтузиазму Павла Сергеевича был организован музей в г. Элисте – первый национальный музей в Калмыкии, открытый к 10-летию республики. В 1928 году П. С. Рыков направляется Наркомпросом в Германию, где он посетил ряд музеев с целью изучения техники музейного дела, а через пять лет он изучает постановку музейной работы в музеях Харькова и Ленинграда. Приобретенные знания и опыт были использованы им для дальнейшего улучшения политико-просветительной работы в Саратовском музее, перехода его к исследовательской деятельности².

На первом допросе П. С. Рыков отрицал свое участие в деятельности партии меньшевиков и связи с контрреволюционными лицами. Тогда на следующем допросе ему были зачитаны выдержки из допросов двух профессоров (один из которых, как было установлено позднее, оказался провокатором), свидетельствовавших о контрреволюционном отношении Рыкова к мероприятиям партии, как, например, коллективизации и раскулачиванию, и его причастности к контрреволюционной группе. Рыков опять отрицательно ответил на предъявленные обвинения.

До конца ноября в следственном деле никаких протоколов допросов не содержится. Тем более неожиданной является записка, поданная Рыковым в НКВД, в которой он признает себя соучастником контрреволюционной группировки и обязуется рассказывать все следствию. Можно только догадываться, что кроется за неоформленными документально допросами. Не случайно, видимо, при проверке дела Рыкова перед реабилитацией было установлено, что на следствии оперативные работники Цапаев и Корнеев применяли незаконные методы следствия.

Вызванный на допрос Рыков рассказывает о целях контрреволюционной организации, называет «соучастников», а также «враждебно настроенных»

¹ Подробнее см.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С.24–27; *Максимов Е. К.* П. С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Исторический сборник. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 50–62

² *Максимов Е. К.* Павел Сергеевич Рыков: К 100-летию со дня рождения // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. С. 10–11.

к советской власти. Характерно, что Павел Сергеевич упомянул фамилии профессоров, которые уже много лет не работали ни в университете, ни в пединституте и даже не проживали в Саратове. К счастью, все эти лица по делу Рыкова не арестовывались и к ответственности не привлекались.

24 января 1938 года в г. Саратове состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором рассматривалось и дело Рыкова. Он обвинялся в таких преступлениях, как свержение советской власти, реставрация капитализма путем проведения террористических актов, вредительство и пр. Свидетели на суд не вызывались, подсудимый отводов и ходатайств не заявлял и виновным себя признал. Рыков был приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в политических правах. Местом отбывания наказания был избран Владивостокский исправительно-трудовой лагерь³.

Уже во Владлаге П. С. Рыков, желая облегчить свою участь, пишет осенью 1939 года письмо на имя И.В. Сталина, в котором объясняет, что ни в каких антисоветских организациях не был, что обвинили его два свидетеля голословно. Далее он указывает, что в течение трех месяцев он твердо отстаивал свою невиновность, несмотря на частые и продолжительные допросы и лишь угроза ареста больной жены заставила его под диктовку начальника 2-го отделения Саратовского НКВД написать заявление «с признанием» голословным, без фактов и лиц. Вот это он считал своей действительной виной.

Далее Рыков пишет о семье и больной жене. Павел Сергеевич не знал, что его жена Надежда Александровна Рыкова осенью 1937 года была арестована и содержалась в Саратовской тюрьме. На допросах показывала, что ее муж был предан советской власти. В тюрьме Н. А. Рыкова сильно заболела (депрессивное состояние) и, благодаря ходатайству сына Сергея, была освобождена из тюрьмы и помещена в психиатрическое отделение 2-й советской больницы. 16 апреля 1938 года Надежда Александровна Рыкова была осуждена Особым совещанием при НКВД на два года под гласный надзор по месту жительства с формулировкой «как социально опасный элемент». По выходе из больницы Н. А. Рыкова осталась в Саратове с сыном (выехать в Москву к сестре ей не разрешили) и в течение двух лет дважды в месяц ходила отмечаться в органы⁴.

Пострадала не только жена П. С. Рыкова, но и их дети. Сын Сергей был исключен из комсомола и только благодаря проф. Б. А. Можаровскому, не побоявшемуся поддержать сына «врага народа», окончил геологический факультет университета. Позднее, в 1951 году, Сергей Павлович защитил диссертацию на степень кандидата геолого-минералогических наук и всю

³ Архив Управления ФСБ по Саратовской области (далее – УФСБ).

⁴ Там же, д. оф. 7619, л. 8, 12, 16.

жизнь проработал на кафедре исторической геологии и палеонтологии университета. Дочь Елена вместе с мужем работала в Москве в химическом институте. После ареста П. С. Рыкова они вынуждены были оставить научную работу в институте и уехать учительствовать в Сибирь.

В марте 1940 года П. С. Рыков пишет письмо в Верховную прокуратуру СССР, содержание которого подобно письму И. В. Сталину. В связи с этими письмами были проведены допросы свидетелей в июне 1941 года. Диву даешься, когда знакомишься с обвинениями в адрес П. С. Рыкова и научных сотрудников музея краеведения Н. К. Арзютова и В. А. Сушицкого: что Рыков устроил в музей Сушицкого (в Дом-музей Н. Г. Чернышевского, входивший в областной музей краеведения) и всячески ему покровительствовал, что Сушицкий сократил раздел о сибирской ссылке Чернышевского и поместил его в уголке, а карту поместил внизу, что Сушицкий хотел передать картину «Гражданская казнь Чернышевского» другому музею, что Рыков хотел устроить церковный музей в доме Пыпиных (родственников Чернышевских), не давал внучке демократа командировок в Москву и не разрешал говорить по телефону и т.д. Словом, деятельность Рыкова, Арзютова и Сушицкого свидетельницы признали вредительской и «друзьями советской власти быть они не могут». Другой свидетель поставил вину Рыкову как директору, что, дескать, он, свидетель, видел, как в Доме-музее Чернышевского валялись на полу книги, по которым учился революционер, а книги самого Чернышевского валялись на столах, что музею нужен ремонт и пр. Ясно, что после таких «вредительских дел» дело П. С. Рыкова пересмотрено не было.

Научный сотрудник Горно-Алтайского музея А. Н. Липский, который находился в том же Владлаге, где и Рыков, рассказывал, что жили они впроголодь. Однажды им попались свекольные очистки далеко не первой свежести. Очистки были поделены и тотчас съедены. «Мы, молодые, - говорил Альберт Николаевич, - перемучились, переболели, но остались живы. А Рыков Павел Сергеевич, которому было почти 60 лет, не выдержал пищевого отравления и умер». Это было 26 марта 1942 года.

В 1956 году Военной коллегией Верховного суда СССР дела по обвинению П. С. Рыкова и его жены Н. А. Рыковой были прекращены за отсутствием состава преступления и они были реабилитированы⁵.

В 1938 году в музее продолжалось выявление «врагов народа». 28 июля был арестован научный сотрудник Владимир Афанасьевич Сушицкий. Он родился 9 сентября 1900 года в семье чиновника Московско-Виндавской железной дороги. До революции отец владел имением. Окончив в 1919 году трудовую школу 2-й ступени в г. Скопине Рязанской губернии, Сушицкий поступает на работу в местный отдел народного образования сначала

⁵ Архив УФСБ по Саратовской области, д. оф 7764. Ч. 1, л. 80

агентом секции по охране памятников старины и искусства, а через год назначается заведующим музеем.

В 1921 году Владимир Афанасьевич приезжает в Саратов на учебу в университет и через пять лет оканчивает педагогический факультет. В 1922 году он поступил в краеведческий музей библиотекарем, а позднее переходит на должность научного сотрудника Дома-музея Чернышевского.

Первое знакомство Сушицкого с ГПУ состоялось в марте 1923 года, когда его вызвали в Саратовский губернский отдел. В протоколе допроса содержатся биографические сведения. При осведомлении о том, не состояли ли он в каких-либо партиях, он заявил, что «по убеждениям и методам работы – марксист, к советской власти отношусь на платформе совместной работы».

Вскоре Сушицкий женился на Надежде Дмитриевне. У них было два сына. Старший из них Всеволод Владимирович во время войны с фашистской Германией был призван в армию в Саратове. Он учился в эвакуированном в Разбойщину под Саратовом Киевском училище самоходной артиллерии. По его окончании в звании младшего лейтенанта был направлен в Свердловск, где он получил машину и оттуда через Москву отбыл на 1-й Украинский фронт⁶. Сражался командиром САУ в составе 12-й танковой бригады. 16 февраля 1945 года Всеволод Сушицкий погиб в бою в Германии и там же похоронен⁷. Младший сын Борис Владимирович работал на заводе «Трактородеталь» в Саратове.

В 1933 году, публикуя аннотированную библиографию по истории Саратовских тюрем, Владимир Афанасьевич Сушицкий писал в предисловии, что посвящает эту работу своим сыновьям и всему молодому поколению, «для которого тюрьма уйдет в безвозвратное прошлое господства эксплуататорских классов». Однако судьба распорядилась по-иному: через пять лет он сам оказался в Саратовской тюрьме.

В протоколах допросов, кроме биографических сведений, есть показания Сушицкого относительно первых научных трудов. Он указывает, что было издано краткое историческое описание «Город Скопин», которое им считалось компилятивным, а сейчас готовятся к печати «Очерки по истории 70-х годов» и еще написана брошюра «В. М. Чернов в Саратовской гимназии». Очевидно, судьба этой рукописи заинтересовала следователя, ибо В. М. Чернов был до революции одним из лидеров и теоретиков эсеровской партии, эмигрировал в 1920 году из России и числился в ярых антисоветчиках. Сушицкий сообщил, что эта брошюра «месяца полтора назад отвезена в Моск-

⁶ Здесь и далее использовались воспоминания сына В. А. Сушицкого – Бориса Владимировича, его и отца письма. Автор выражает ему признательность и благодарность.

⁷ Имя Всеволода Владимировича Сушицкого, павшего в бою за свободу и независимость нашей Родины, занесено в «Книгу Памяти: Саратов. область (г. Саратов)» Саратов, 1994. Т. 1. С. 123

ву, где продана за сумму 67 рублей обществу бывших политкаторжан. Купил ее член РКП(б) Крамаров». Отметим, что к моменту ареста список научных работ В.А.Сушицкого насчитывал 22 публикации (по освободительному движению в России и библиографические указатели по разным аспектам истории местного края). Но они не привлекли внимания.

На допросе 31 июля Сушицкий на вопрос следователя, признает ли проведение им антисоветской деятельности, заявил: «нет, не признаю, никогда и никакой антисоветской деятельности я не проводил». Позднее, на очной ставке с арестованным научным сотрудником музея Н. К. Арзютовым, Сушицкий опять отрицал свое участие в антисоветской право-троцкистской деятельности. Но спустя три дня Владимир Афанасьевич подает заявление в управление НКВД по Саратовской области с признанием вины, что его в право-троцкистскую организацию вовлек в 1935 году бывший директор музея П. С. Рыков и что он обо всем расскажет в показаниях на допросе.

В тот же день состоялся допрос, на котором Сушицкий заявил, что он и Арзютов использовали «вредительскую деятельность в области научной работы музея и как объект для проведения антисоветской агитации, использовали посетителей музея и экскурсии, среди которых проводили злостную и антисоветскую агитацию, направленную против ВКП(б) и советского правительства». На одном из допросов Сушицкий назвал руководителями антисоветской вредительской группы в музее П. С. Рыкова и Н. К. Арзютова.

Этих и других самооговоров, надо полагать, было достаточно для обвинения его в принадлежности к антисоветской право-троцкистской организации и 29 октября 1938 года В. А. Сушицкий был приговорен к тюремному заключению сроком на 10 лет с поражением в политических правах на 5 лет⁸. В декабре этого же года В. А. Сушинский был выслан на Дальний Восток в г. Магадан, а оттуда к месту заключения. Отсюда он был переведен в Тайшетлаг в Иркутской области. 30 мая 1942 года Владимир Афанасьевич писал в письме родным: «Придет час и мы все будем опять вместе. Был на Колыме, а теперь вблизи Западной Сибири, был в тюрьме, а теперь в лагере, и настанет время и кончится моя неволя». Родные, несмотря на тяжелую жизнь в годы войны, старались найти возможность отправлять в лагерь посылки с продуктами. Сушицкий просил присылать ему книги, газеты и даже новые почтовые марки для коллекции.

Интересно сохранившееся письмо младшего 10-летнего сына Бориса. Оно дошло до наших дней потому, что из-за отсутствия бумаги Владимир Афанасьевич на оставшемся чистом месте и свободных полях детского послания написал письмо жене Надежде Дмитриевне. О чем писал Борис от-

⁸ Архив УФСБ по Саратовской области, д. оф 12350, л. 6,7,22,26

цу в далеком декабре 1943 года? Он пишет, что Ледик (так в семье звали его брата Всеволода) 20 ноября уехал на фронт и из Москвы прислал два письма. В его расчете – экипаже САУ – три человека, которые старше его, а самому Ледику 18 лет и он доволен своим расчетом. Далее Борис сообщает, что читает стихи Пушкина, Лермонтова и других поэтов. Стихи, надо понимать понравившиеся, выписывает в подаренную матерью тетрадь. В письме перечисляется до десятка увиденных им кинофильмов. Борис ставит отца в известность, что вкладывает новые почтовые марки и отдельно посылает две книги: Чехов «Мальчики. Метелица» и еще одну.

Во второй половине 1944 года письма от В. А. Сушицкого приходят перестали. В одном из писем, еще от 11 июня 1944 года, Владимир Афанасьевич давал знать, что «хотя у нас наступает лето, но теплом (...) не богаты. Как только появляется солнышко, все вылазят на солнышек, но я остерегаюсь следовать их примеру, чтобы не ослабеть совсем». Далее он информирует, что полученный рыбий жир он не съел за 2-3 дня, как это делают некоторые, а подливал по две-три ложки в суп и кашу.

К этому письму была приложена справка за подписями начальника и врача Центральной больницы Тайшетлага о том, что заключенный Сушицкий В. А. находится в этой больнице по состоянию своего здоровья и нуждается в усиленном питании. Этот документ заверен треугольной печатью административного отдела управления Южного железнодорожного лагеря НКВД. Можно предполагать, что В. А. Сушицкий в 1944 году умер от истощения. В заявлении Н. Д. Сушицкой от 26 июня 1956 года указано, что с 1944 года она о муже сведений не имела и судьба его не известна.

По ходатайству Н. Д. Сушицкой в августе 1957 года на основании ст. 4, п. 5 УК РСФСР за отсутствием состава преступления Владимир Афанасьевич Сушицкий был реабилитирован.

Однако до сего времени неясна судьба взятых при обыске книг из библиотеки Сушицкого. Немногим более года после ареста Владимира Афанасьевича, 9 октября 1939 года, в квартире Сушицкого был проведен повторный обыск с целью «изъять имущество Чернышевского» (музея). На вопрос жены Н. Д. Сушицкой «Что это значит? Мужа обвиняют в воровстве?» инспектор НКВД ответил: «У нас имеются такие сведения». При обыске была изъята не вся библиотека, а с полок выбрано 286 книг, представлявших библиографическую и научную ценность, редкие издания. Явно был наводчик, который хорошо знал библиотеку Сушицкого. Через некоторое время Н. Д. Сушицкой из управления НКВД сообщили, что библиотека действительно собственность Сушицкого, но отобранные книги конфискованы⁹. Где ныне эти книги, какова их судьба?

⁹ Архив УФСБ по Саратовской области, д. оф 12350, л. 58 об.

28 июля 1938 года научный сотрудник областного музея краеведения Н. К. Арзютов пришел к В. А. Сушицкому показать какую-то каменную находку, держа ее в руках. Во дворе он увидел сидящего на скамейке младшего сына Сушицкого – пятилетнего Бориса. «Папа дома?» – спросил Арзютов. «Дядя Коля, а у нас обыск» – ответил Борис. Бросив под скамейку принесенный камень, Арзютов тотчас ушел. По дороге перед глазами всплыла виденная в музее узкая серая бумажная полоса с черными типографскими буквами: «Нет места в рядах советских краеведов чужому элементу». Через несколько дней пришли с обыском и к Артюзову, во время которого были изъяты документы, 3 фотоснимка, 80 писем, 21 книга, 33 топографические карты, радиоприемник и фотоаппарат. Был «изъят» и помещен в Саратовскую тюрьму Николай Константинович Арзютов. Так разделил судьбу своего учителя профессора П. С. Рыкова его ученик.

Родился Николай Константинович в 1899 году в семье крестьянина. По национальности Арзютов был мордвин, но родной язык знал слабо и пользовался русским.

Крестьянское хозяйство Арзютовых было бедным, и отец его промышлял кузнечным и слесарным делом, чтобы поддержать семью. Мать занималась домашним хозяйством и постоянно подрабатывала стиркой белья. В 1910-х годах семья Арзютовых перебирается в г. Ашхабад, видимо, в поисках лучшей доли, отец открывает маленькую мастерскую, где слесарит сам, а с ним подмастерье и ученик. Сын Николай нашел место в типографии, а потом переходит на завод минеральных вод. По всей вероятности, после Октябрьской революции Арзютовы вернулись в Саратовскую губернию.

Николай Константинович, имея школьное образование, поступил в 1919 году в Аткарскую учительскую семинарию. С этого года он учился и работал в органах народного образования в г. Петровске и Саратове. В октябре 1924 года Н. К. Арзютов был принят на должность научного сотрудника археологического отдела, а через четыре года становится заведующим этого отдела в Нижне-Волжском краевом музее в Саратове.

В 1926 году Николай Константинович окончил педагогический факультет Саратовского университета по общественно-экономическому отделению, специализируясь у проф. П. С. Рыкова по археологии. Н. К. Арзютов участвует в археологических экспедициях Рыкова, а затем начинает самостоятельные раскопки, из которых наиболее известные – это исследование в 1927–1928 гг. мордовского грунтового могильника XIII–XIV вв. у Пахотной слободы г. Аткарска. По материалам раскопок Николаем Константиновичем было опубликовано 15 научных статей.

4 августа 1938 года Н. К. Арзютов был арестован и ему было предъявлено обвинение в участии в антисоветской правотроцкистской вредительской группе, существовавшей якобы в Саратовском областном музее краеведения.

ведения, и в проведении контрреволюционной деятельности против ВКП(б) и советской власти.

На дальнейших допросах Арзютов показал, что был связан с П. С. Рыковым, членом правотроцкистской организации, разделял его взгляды, выступая против правительственной политики. Участниками антисоветской группы, кроме себя и Рыкова, он назвал Сушицкого, Степанова, Сеницына. Наговаривая на себя, Арзютов заявил, что уже подростком был связан с группой эсеров, участвовал в антисоветской демонстрации в г. Петровске (когда он там не жил), а потом был вовлечен в антисоветскую работу Рыковым.

На одном из допросов Арзютов заявил, что, якобы, в 1931 году в связи с недородом и продовольственными затруднениями он вместе с П. С. Рыковым возводили контрреволюционную клевету на руководство ВКП(б) и советское правительство, обвиняя их в том, что вследствие неправильно проводимой политики население терпит большие затруднения и голод. На другом допросе, касаясь опять-таки вопроса голода, Арзютов сказал, что члены антисоветской группы считали, что если бы у руководства партии стоял не Сталин, а Н. И. Бухарин и А. И. Рыков, то такого положения в стране не было, не было бы недорода хлеба¹⁰.

29 октября 1938 года Н. К. Арзютов был приговорен к десятилетнему тюремному заключению с поражением в политических правах и отправлен в один из исправительно-трудовых лагерей Красноярского края, где и умер 23 октября 1942 года¹¹.

В мае 1957 года приговор по обвинению Н. К. Арзютова был отменен за отсутствием состава преступления и доброе имя ученого было восстановлено.

В отчете Саратовского областного музея краеведения за 1938 год констатировалось, что при помощи НКВД были разоблачены и арестованы враги народа, работавшие в музее: археолог Арзютов и научный сотрудник Дома-музея Н. Г. Чернышевского Сушицкий, кроме ранее заключенных в тюрьму бывшего директора Рыкова и одного научного сотрудника (личность его пока не установлена). Но на этом дело не закончилось. Были уволены «последыши врагов народа» – зам. директора В. Шиллерова, зав. отделом капитализма П. Д. Степанов, зав. отделом природы А. А. Кротков, научные сотрудники отдела фондов В. Н. Жданова и М. Л. Степанова, счетовод-делопроизводитель Н. Д. Вагнер и другие. Этими увольнениями, как говорится в отчете, «была разбита группа, которая всячески тормозила работу музея, вела линию на затушевывание, сокрытие вражеской работы» и т. д.

¹⁰ Архив УФСБ по Саратовской области, д. оф. 12350, л. 30, 34

¹¹ Там же, д. оф. 27180

Не будем перечислять факты «подрывной» деятельности, ибо два примера наглядно ее покажут. Так, после ареста «врага народа» директора музея долго висела табличка «Археологический отдел имени профессора П. С. Рыкова». В этом отделе в текстах мордва всюду фигурировала как финны, что, дескать, полностью совпадает с «теориейками» ныне разбитых буржуазных националистов, переключавшихся в данном вопросе с финляндской буржуазией.

Чтобы искоренить вражескую, не марксистско-ленинскую оценку исторических событий, были закрыты для посетителей ряд экспозиционных тем, – «Золотая Орда», «Реформы 1861 г.», «Национальности Нижнего Поволжья 70-80 годов» и другие, а также почти на два месяца Дом-музей Н. Г. Чернышевского, в котором полностью сменили экспозицию. Коллектив музея был укреплен сотрудниками-коммунистами и комсомольцами¹². Так закончилась борьба с «врагами народа» на музейном фронте.

¹² Научный архив Саратовского обл. музея краеведения, оп. 1, д. 161. л. 1, 2; д. 164, л. 4

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А. А. Демченко

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ЗАПИСОК А. Н. МИНХА

Саратовец Александр Николаевич Минх (1833–1912) –участник Крымской кампании 1853–1855 годов, государственный служащий эпохи крестьянской реформы, один из основателей Саратовской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) и почетный ее член с декабря 1902 года до последних дней жизни, член различных общероссийских научных обществ, автор трудов в области исторического краеведения, археологии, саратовского фольклора¹. Он пробовал себя и на мемуарном поприще², и его архив, частично сохранившийся в фонде СУАК, содержит немало рукописей этого рода, которые продолжают оставаться вне печати.

А. Н. Минх обладал глубоким историческим чутьем, пониманием важности фиксации современных ему событий, которые со временем могут стать полезным источником в историко-краеведческих изучениях. Это его качество проявилось в мемуарной записке, названной им «Саратов и его жизнь в 1853 году. Из записок А. Н. Минха»³. Сохраняя беспристрастность летописца, автор с документальной обстоятельностью воспроизводит об-

¹ См.: *Хованский Н. Ф.* Краткие биографии некоторых членов саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования // XXV-летие СУАК. Саратов, 1911. С. 21-22; *Соколов С. Д.* Саратовцы: писатели и ученые (Материалы для биобиблиографического словаря) // Труды СУАК. 1916. Вып. 33. С. 164–168; *Лукин С.* Чтобы не прервалась связь времен // Годы и люди. Саратов, 1989. Вып. 4. С. 74–83; *Миловидова И. Б.* Полчаниновская усадьба А. Н. Минха // Труды СОМК. 1996. Вып. 4. С. 167–195; *Минх А. Н.* Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1861–1888 годах / Вступ. статья и примеч. проф. В. К. Архангельской. Саратов, 1994.

² См.: *Минх А. Н.* Из записок мирового посредника. 1861–66 гг. // Материалы по крепостному праву: Саратовская губерния. Саратов, 1911.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 407, д. I, № 741.

лик провинциального города почти во всех его ипостасях. Здесь описание улиц и зданий, промышленности, администрации, жителей, общественной и культурной жизни. Особая ценность мемуара заключается в конкретной временной сосредоточенности – описан только 1853 год. Конечно, таким Саратов был и годами раньше и годами позже: в провинции время течет как бы медленнее и мало что менялось даже в течение десятилетий. Но все же время остановлено мемуаристом на точной дате, и подобной точностью достигается значение единственного свидетельства. Доведись поинтересоваться кем-либо из живших в городе именно в это время саратовцев, мы с благодарностью обратимся к записям А. Н. Минха, который вооружает достоверными фактами. Например, известно, что в 1853 году в Саратове жил Н. Г. Чернышевский, учительствуя в местной гимназии. А. Н. Минх, разумеется, о нем не упоминает, поскольку широкой известностью тот еще не пользовался. Тем не менее, излишне говорить, насколько важными в данном случае становятся наблюдения А. Н. Минха для биографа Чернышевского⁴.

Свою записку А. Н. Минх предполагал видеть опубликованной. Об этом свидетельствует сохранившийся черновик его письма в фонде СУАК с просьбой поместить статью в 24-м выпуске ее «Трудов» и переправить автору двадцать экземпляров статьи в виде отдельных оттисков. Письмо послано из с. Полчаниновки и датировано 23 ноября 1903 года⁵. По неизвестным причинам записка не попала в печать.

В рукописи 23 страницы. А. Н. Минх начал ее с «Оглавления», которое воспроизводим в полном виде:

«1) От Ольшанки до Саратова. – Обозы. – Мужской монастырь. – Кладбища. – Застава и остатки старого вала. – Острог. – Московская улица. – Гостиницы.

2) Старый Саратов. – Пеньки. – Нынешний Саратов. – Пароходы на Волге. – Суда. – Тяга лямкой. – Конные машины. – Плоты. – Население и жидовское дело 1852 года. – Губерния: цены на землю, степи и новь, ковыль и сурки.

3) Улицы, площади, церкви, здания, лавки. – Цены на хлеб и другие продукты. – Учебные заведения. – Театр. – Дворянское собрание. – Деревянные тротуары.

4) Соколова гора. – Рыбные садки. – Лобазы. – Ледоход и разлив. – Мошкарка. – Замерзание реки и полыньи. – Летние дачи и сады. – Цены арбузов и дынь. – Волга летом. – Катание на лодке.

⁴ См.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский: Научная биография. Саратов, 1978. Т. 1. С. 255–256, 311. Это, насколько нам известно, первое печатное указание на данную рукопись А. Н. Минха.

⁵ ГАСО, ф. 407, д. I, № 741, л. 1.

5) Зима в городе. – Балы и маскарады. – Саратовское общество. – Губернатор М. Л. Кожевников, Н. А. Карцев, генерал Граббе и другие. – Городские сплетницы.

6) Позднейшие примечания⁶.

Приведем текст первой главы, по которой можно судить о характере делаемых автором описаний: «Два почтовых тракта сходятся в Ольшанке (или Елшанке): Воронежский и Пензенский (Московский); от этой деревни 13 верст до Саратова. Немного далее подходит с севера Симбирский тракт. Длинная вереница обозов, в особенности зимою, тянется несколькими рядами как к городу так и из города; беспрестанно попадают экипажи, курьеры, почты. За Ольшанкой по обеим сторонам дороги тянутся горы, направо леса и в углублении гор – хорошенькие дачи и сады; на правой руке длинный деревянный забор, а за ним большой сад, принадлежащий здешним архиереям, ныне Афанасию, где проводит он летнее жаркое время. Остается 5 верст до Саратова. Рядом с садом находится красивый мужской Спасо-Преображенский монастырь (в рукописи помещен мною акварельный рисунок, снятый в 1953 году).

Перед нами Саратов; Через полчаса мы на месте. Вправо, на полугоре – немецкое кладбище, а налево, вдаль, раскинулось русское; за ним, ближе к городу, целая толпа ветряных мельниц. Подъезжаем к заставе с пестрым шлагбаумом. Около заставы, по обеим ее сторонам видны еще следы – остатки высокого земляного вала, окружавшего Саратов в конце XVIII века. За ней город. Здесь встречает нас не хромым инвалид, как это было в старину, но еще бодрый отставной солдат. За заставой, налево, огромное каменное желтое здание с решетками в окнах и гауптвахтой – острог, а впереди длинная прямая улица – Московская. Сначала идем мимо небольших деревянных домиков, не чувствуем еще тряской каменистой мостовой, но скоро домики переходят в дома, начинается мостовая. Налево гостиница Берлин, немного далее ее две большие гостиницы: одна Сочного или Шапошникова (на левой стороне), другая – Париж, на правой. Номера недороги – за 60 коп. сер. можно иметь довольно поместительную комнату с прихожей. Кроме этих гостиниц, проезжая всю Московскую на правой руке на углу Сергиевской улицы, есть Петербургская гостиница, где можно иметь хорошие номера даже за 30 коп. сер. в сутки; но цены в саратовских гостиницах меняются, смотря по съезду... Щегольская гостиница и вместе кафе – ресторан Шехтелей на Московской же улице, почти против Петербургской гостиницы».

После краткого пересказа истории города следует: «Нынешний Саратов богатый и обширный губернский город, один из замечательных в Поволжье по своей торговле. В Саратове много фабрик и заводов, торговые обо-

⁶ ГАСО, ф. 407, д. I. № 741, л. 1 об. 2.

роты его простираются до 5 миллионов руб. сер.; он торгует преимущественно хлебом, салом, рыбой и солью, последнюю получает из Эльтонского озера. Астрахань доставляет сюда рыбу (соленую), вино, персидские товары и прочее, сверху идет железо, лес, дрова и многие товары.

Последнее десятилетие судоходство в Саратове и вообще по всей Волге сильно падает – его заменило пароходство. В настоящее время число пароходов на Волге простирается до 50». Из пароходных компаний называется главная – «Меркурий и Бенардаки», «лучшие пароходы: Геркулес, Сампсон, Волга, Православный (с него я поместил в моей рукописи акварельный рисунок в 1853 году), Алдашев и другие». По слухам, в следующем году компания Бенардаки собирается пустить 2 пассажирских парохода. «Обыкновенно пароходы буксируют (тянут на канате) баржи, назначенные для перевозки груза; на многих пароходах устроены удобные каюты для пассажиров». А. Н. Минх приводит названия судов, различающихся по величине и назначению – «барки, расшивы, беляны, тихвинки и др.» Бурлаков, которые тянут лямку, иногда набиралось, особенно вверх по течению, до 100 человек. Дается описание конной машины, которая тянула несколько груженных барж: «На этом огромном неуклюжем судне устроен вал и привод, в последний впрягают несколько лошадей, имеющих на судне; заводня (лодка) отводит якорь на значительное расстояние вперед и бросает его в воду; лошади, вращая вал, на который наматывается при этом якорный канат, способствуют судну продвигаться вперед. Заводни и якорь употребляют иногда и барки при противном ветре, но якорный канат тянет тогда прислуга на судне лямкой». Лес сплавляется из Вятской и Пермской губерний по Каме плотами, которые иногда терпят при штормах.

В 1853 году жителей в Саратове насчитывалось до 50 тыс. Рассказывается о «страшном народном обвинении», которое пало на местных евреев: в 1852 году пропало несколько детей в городе, в конце зимы найдено тело одного «в ужасном виде со многими знаками мучений», стали подозревать евреев, которым будто бы кровь ребенка-христианина нужна для совершения пасхальных обрядов. Так возникло «жидовское дело». Из Петербурга прибыл следователь Дурново, который ничего не открыл и, поссорившись с губернатором и жандармским начальством, уехал.

Описание города начинается с улиц. «Лучшая – Московская (от заставы до церкви Михаила Архангела), площадь около этой церкви называется Горянской, потому что здесь торгуют посудой (горянский товар). От Горянской площади Московская улица идет под тупым углом правее до Старого Собора и почти до самой Волги... На Московской улице много каменных зданий двухэтажных. Лучшие здания на Московской улице: Дворянское собрание, Городская дума, магазины: Соколова часовых дел, галантерейный Шарлотты, модный – Орловой, Шехтелей и др.

Лучшие портные: Мейндорф, Комаров, Тендзягольский. Ближе к Старому Собору, между Никольской церковью и Собором помещается Гостиный двор, где лучшая лавка – братьев Жегиных с надписью на стеклянных дверях – «без запросу». Кроме того суконных и рядных материй – Арского, Шерстобитова, Богданова, Лисенкова и пр. В Гостином дворе бывает ярмарка в ноябре, и тогда приезжие купцы помещают свой товар в верхнем ярусе». Другая большая улица – Сергиевская⁷, которая начинается «не доходя Гостиного двора почти против церкви Св. Николая (церковь во имя Рождества Богородицы больше называется церковью Св. Николая или Никольской)». Самые значительные здания на правой стороне – дом купца Тюлькина, почтовая контора, «большая красивая каменная церковь Сергиевская (на левой стороне) и рядом с ней большой каменный дом, занимаемый здешним губернатором М. Л. Кожевниковым, но отсюда начинаются уже маленькие деревянные дома некрасивой архитектуры и только кое где между ними возвышаются большие красивые как дом Скибиневских (направо), далее дом окружного генерала Граббе, купца Кабанова. Вдали по этому направлению Сергиевской видна каменная часовня – памятник над одним из бывших саратовских губернаторов – Панчулидзевым». Отмечены «красивые казенные здания»: Присутственные места, дом Казенной палаты, Приказа общественного призрения, Гимназии. Частные: Скибиневских два дома, Горбунова, Челюскиных, Аничкова, Кривской (с оранжереями), Македонских и др. Рядом с ними «торчат деревянные лачужки и заборы». «Изрядные улицы: Покревская⁸ от Старого Собора почти параллельно между Волгой и Сергиевской, на ней женский монастырь Воздвижения Честного Креста, далее красивой архитектуры Покровская церковь (правильнее Введенская), несколько больших частных домов: Каниных, Е. А. Ивановой, Смолова и др. Покровская улица кончается площадью, которая соединяет ее с Сергиевской. Между домом полиции и Сергиевской церковью Немецкая улица⁹ – от Соборной площади. На ней: на левой стороне католическая церковь, дом Македонских, улицы: Дворянская, Громовая, Часовенная¹⁰. Некоторые улицы и переулки едва ли имеют название, потому что их не знают даже извозчики.

Из площадей замечательна Соборная (Собор Александра Невского в 1825 г. в память воинов, убиенных в 1812 г.). В нем хранятся знамена саратовского ополчения 1812 года. Его окружает с трех сторон городской парк Липки, где бываю гуляния и иллюминация по царским дням. Стараниями

⁷ Правильно: Большая Сергиевская. Ныне ул. Чернышевского.

⁸ Ныне ул. Лермонтова.

⁹ Ныне проспект Кирова.

¹⁰ Ныне ул. Рабочая, Дзержинского, Челюскинцев.

нынешнего городского головы Масляникова сад этот приведен в весьма хороший вид. Здесь беседки, горки, палатки кафе-ресторана, липовые аллеи, чистенькие дорожки, цветники, клумбы и проч. Против собора находятся присутственные места, возобновленные в нынешнем году после пожара, оставившего одни стены.

На северной стороне площади – Архиерейский дом, окруженный каменной стеною, из-за которой возвышаются красивые пирамидальные тополи.

Рядом с оградой Архиерейского дома идет улица, соединяющая Соборную площадь с Театральной; на последней возвышается уже довольно ветхое здание театра. За Театральной площадью следует Верхний базар (Хлебная площадь), заваленный каждое утро огромным количеством провизии, мясом, зеленью, возами хлеба, сена и прочего; эта площадь выходит на Московскую улицу против церкви Петра и Павла (Сретения Господня тож) и рядом с гостиницей Париж. Подобная же торговая площадь есть у церкви Митрофания – Сенная, где тоже свозится большое количество всяких съестных припасов». Далее сообщаются некоторые цены на продукты: лучшая мука до 1 руб. за пуд, ржаная – 20 коп. сер., говядина – 8–11 коп. ассигнациями (2 1/3–3 коп. сер.) за фунт. «С такими ценами жить можно», – прибавляет А. Н. Минх.

«Православных церквей 10, в том числе 2 собора и одна монастырская (женского монастыря). Монастырей 2 – мужской за городом и женский. Единоверческая церковь – 1, старообрядческая церковь – 1. 2 церкви иностранных исповеданий: католическая на Немецкой улице и лютеранская – через улицу от Архиерейского дома между Соборной и театральными площадями». Из «богоугодных заведений» названы Александровская больница, богадельня, приют.

Указаны 4 учебных заведения. «Гимназия, попечителем теперь Богданов П. И.¹¹, директор А. А. Майер, инспектор Ангерманн¹², учеников 250. При гимназии пансион, ученики принимаются с оплатой по 140 руб. сер. в год, вольноприходящие по 5 руб. сер. Учителя в гимназии – студенты, окончившие курс в Казанском университете: Саратовская губерния относится к Казанскому учебному округу. В гимназии – кабинет естественных наук... Учитель естественных наук Волков¹³ представил директору проект ботанического сада, но проект еще не осуществился». Кратко сообщено о духовной семинарии, уездном и приходском училищах. «Некоторые учителя содержат у себя учеников, но частных муж-

¹¹ П. И. Богданов, выпускник Московского университета, почетным попечителем гимназии стал 26 августа 1852 года. (см.: ГАСО, ф. 13, д. 1. № 459, л. 204 об.).

¹² Директор гимназии А. А. Майер назначен 13 февраля 1851 года, инспектор Э. Х. Ангерманн 21 декабря 1850 года. (см.: Там же.).

¹³ Двадцатипятилетний старший учитель естественных наук Николай Волков служил в гимназии с 17 октября 1852 года см.: Там же.).

ских пансионеров нет, женских 2: Надеждиной и Фламм. Давно предписано открыть Институт благородных девиц, но хотя с дворян собрана огромная сумма до 1 миллиона руб., но института нет. Говорят, что в следующем году начнут устраивать»¹⁴.

«Театр. Деревянный, некрасивый. Ложе в нем небольшие, их 2 яруса и третий раек. Коридоры тесны и чрезвычайно низки. Цена лож в обыкновенное время 3 руб. сер., партер небольшой, в несколько рядов, так называемых кресел и стульев; кресло 1 ряда стоит 1 р. 50 коп. сер., задних рядов по 1 руб. сер. Сцена удовлетворяет величии самого здания».

«Каждую зиму саратовское и приезжее из уездов благородное общество веселится в залах Дворянского собрания, это большое двухэтажное здание, каменное, на Московской улице, с колоннами снаружи; внизу помещается канцелярия собрания, а верхний этаж предназначен для выборов и дворянских собраний. В свободное же время зимою по вечерам устраиваются здесь балы, маскарады и клуб. Зала и гостиная очень поместительны, стены сделаны под мрамор, зала украшена колоннами и имеет небольшие хоры; кроме этих комнат есть еще несколько, которые во время балов преобразовываются в дамскую уборную и диванную. Здесь имеется бильярдная и буфет».

Кондитерские Фильбертона на Соборной площади и Наровчатского на Московской улице около Горянской площади автор называет «порядочными». Лучшая гостиница – Шехтелей – с двумя бильярдными, комнатой с газетами и иностранными журналами. Ее основателем назван «француз Ларю», «теперь это заведение не в таком цветущем состоянии, как при основателе».

«Большая часть улиц не мощена, поэтому летом здесь ужасная пыль, а осенью и весной ужасная грязь. Тротуары отвратительны: они сделаны из досок, которые местами сгнили и поэтому рискуем легко сломать ногу; местами тротуаров вовсе нет, но на Московской, частью на Сергиевской и около многих больших домов есть хорошие тротуары, преимущественно деревянные и кирпичные, редко из каменных плит. Московская, Сергиевская, Покровская, Немецкая и др. почти ровные улицы, но много переулков и улиц, которые спускаются к Сергиевской очень круто, так же как и переулки или взвозы (например, Бабушкин взвоз, Московский), идущие к Волге».

Далее о Соколовой горе, отделенной от города «бараком (Глебовым оврагом)». На склоне горы много деревянных домов, «здесь же – литейные колокольные заводы». «Соколова гора возвышается высоко над Волгою, спускаясь к ней крутым обрывом, но значительное расстояние, усеянное вследствие обвалов большими массами разных пород глин, отделяет обрыв от Волги. На

¹⁴ Мариинский институт благородных девиц в Саратове был открыт в 1854 году.

юг от Саратова, недалеко от него, высится каменная и песчаная гора Лысая, подле нее Алтынная и др.

Под Саратовом Волга образует несколько островов: около села Пристанного (на правом берегу) в 12 верстах от города Волга разделяется на двое – направо идет Тарханка, судоходная только весною, к луговой же стороне – собственно Волга, между ними тянутся до Саратова острова: Зеленый, Беклемишев и другие, затопляемые почти совершенно в разливе; они покрыты большею частью тополями, мелкоколесьем и тальником. Против города находится спереди Волги еще несколько песчаных островов, которых, как говорят старики, прежде не было, и увеличивающихся ежегодно. Против барака (Глебова оврага) на луговой стороне реки лежит слобода Покровская, ниже ее против самого города по низменному берегу уцелел еще поредевший от порубок дубовый лес, заливаемый весною весь водою разлива.

Около Соколовой горы находятся сараи и печи для обжигки извести; ниже Глебова оврага, через который выстроен деревянный мост, – Казанский (около которого бывает в мае весенняя ярмарка на судах), находятся садки с разною рыбою – стерляди здесь очень дешевы, так что летом можно иметь стерлядь более аршина за 60 или 70 коп. сер. – ниже садков во всю длину лежащей выше Покровской улицы тянутся по берегу Волги лабазы: рыбные, соляные и проч., затопляемые в разлив (тогда они уже пусты) наравне с верхушками крыш водою. Далее к концу города находятся лесные пристани. Во время половодья Волга подходит под самый город и затопляет многие строения, находящиеся на берегу.

Лед взламывается в апреле и продолжает идти весь этот месяц; сюда часто доходит лед камский и верховых частей Волги. Самый большой разлив реки в мае, но уже в конце этого, месяца вода начинает сбывать; после чего настает самое неприятное время для жителей города: в июне и июле появляется огромное количество мелких мошек (мошкара), наполняющих воздух так, что невозможно выйти на улицу: они облепят лицо, и ежели насекомое попадет в глаз, то боль чрезвычайно неприятна и веки пухнут; лошади тоже сильно терпят от мошкары и потому их одевают в попоны; одно спасение от этих насекомых – деготь и скипидар; низший класс населения надевает на голову нитяные сетки, напитанные дегтем и закрывающие лица».

В летнюю жару уезжают на дачи. «Лучшие дачи: купца Горбунова, бывшего губернатора Панчулидзева, бывшая Голенищева теперь Викторов, у которого здесь завод сельскохозяйственных машин и инструментов, на этой даче бывают народные гуляния. Хороша дача здешнего губернского почтмейстера Ивана Михайловича Вукотича – с фруктовым садом. Кроме этих дач здесь шелковичная плантация, которая однако в весьма дурном состоянии и упадке». Саратов окружен множеством фрук-

фруктовых садов, «замечательны по своему вкусу яблоки, называемые здесь – черное дерево». В августе много арбузов и дынь, «лучшие арбузы – камышинские, 10 коп. сер. большой арбуз, дыни – 2 коп. сер., арбузы астраханские и дубовские (или дубовки)».

«Летом Волга превосходна; зеленый левый берег, покрытый лесом, – с одной стороны, а на другой (правой) – горы, и между ними, на полугоре, красиво раскинут город, у его берега – черный лес мачт; посредине реки, по синей зыби, беспрестанно мелькают белые паруса барок и лодок, по временам бежит пароход, за ним тянется в воздух длинная полоса дыма, из-под колес, шипя и пенясь, бегут две гряды валов... Приятно кататься по Волге в августе, когда нет нестерпимой мошкеры и жаров... Солнце застаёт нас на Зеленом острове, на раскинутом ковре у самовара или пылающего костра... Чай, кофе или завтрак кончен, отправляешься на озеро, которых много на острове... Уха, стерлядь, застреленная утка, стакан кофе, арбуз – наш обыкновенный стол на этих прогулках». Бывают на Волге и бури.

К зиме саратовцы съезжаются снова, «начинаются балы, маскарады, театры, город снова оживляется: по улицам несется отличный рысак в щегольских санках, мелькает белая шляпка и из-под вуали мелькнет пара черных глаз губернской красавицы, или промчится губернский франтик в цилиндре, с черными усиками, перегнувшись на сторону и любуясь бегом своего вороного; щегольская карета на лежащих рессорах, зимних полуколесах и парой кровных серых в упряжи; появится и тяжелый четырехместный возок с семейством А-ва, влекомый четверкой огромных лошадей; встретится и лихой извозчик (которых здесь много), и бедный чиновник на несчастнейшем ваньке¹⁵. В Саратове теперь мода покрывать лошадей в упряжи одиночной или парной (в дышле) сетками разных цветов. Эти сетки расшиты иногда шерстями-узорами; они очень красят упряжь и задерживают комки снега, защищая тем седока.

О балах и маскарадах в зале Дворянского собрания, где за вход нужно было платить 1 рубль серебром: «На саратовских балах можно встретить хорошенькие уборы и наряды, хорошенькие личики молодых дам и девиц, губернскую аристократку, танцующую лишь по выбору или только со знакомыми, и неразборчивую демократку, приехавшую потанцевать и повеселиться; много губернских франтов, приезжих столичных и местных, военных – гарнизонных офицеров. Здесь можно видеть и разочарованного юношу, которому все надоело, он беспрестанно зеваёт, всех критикует и часто посещает буфет; вообще между саратовскими кавалерами немало охотников до таких посещений.

¹⁵ То есть извозчике.

Кадрили сменяются вальсами, польками, галопом: мазурка – не в ходу. На балах можно встретить немало хорошеньких: из первых – стройную молодую вдовушку Кайсарову, урожденную Гавриленкову; хорошенькую М. С. Скибиневскую (жену богатого царьцынского помещика), которая так мило улыбается, наклонив на сторону головку, и окруженную толпой поклонников; m-lle Глазенапп, с правильными, строгими чертами лица и греческим носиком. Это одна из ярких аристократок города Саратова; веселую, полненькую и очень милую брюнетку – Вареньку Македонскую (дочь бывшего уфимского вице-губернатора); брюнетку высокого роста, с кругленьким личиком, розовыми щечками и приятно улыбкой петербургскую институтку m-lle Быкову; m-lle Аничкову – сестру m-lle Глазенапп¹⁶; М. Г. Котлубай, веселую и хорошенькую молодую даму; демократку m-lle Чесницкую – она недурна собой, но черты ее лица резки, манеры уж очень бойки; полненькую, миленькую, с маленькими локонами, частой улыбкой и странным выражением глаз – Адель Мосолову. В глаза бросаются две пары: длинная, худая, щегольски и богато одетая, сорокалетняя полковница А. И. Постунова с своим вечным спутником молодым и красивым французским артистом Крозе, и нестарая еще кокетка, настоящее *perpetuum mobile* с весьма неприличными манерами, громким смехом Л. А. Грузинцева с ее кавалером Б.

В буфете или биллиардной часто встретишь мужчину, пожилого, невысокого роста, с черными густыми волосами, черными, блестящими в другое время, но теперь мутными глазами, слегка покрасневшимся лицом, со звездой на фраке; его окружают многие, он рассказывает какой-нибудь смешной, остроумный анекдот; подле него полный, невысокого роста брюнет в очках, оба они сильно подкутили: первый – саратовский губернатор М. Л. Кожевников¹⁷, другой – управляющий палатой государственных имуществ Н. А. Карцев; на биллиарде подле них сидит седой лысый старик, высокого роста, немного сгорбленный, с большими блестящими глазами, в генеральском мундире, увешанный орденами – окружной генерал П. Х. Граббе, уважаемый и любимый саратовским обществом; рядом с ним стоит невысокий седенький старичок с добрым лицом – Н. М. Кобылин, председатель казенной палаты; тут же высокого роста, пожилых лет, с серьезным лицом, с огромным бриллиантовым перстнем поверх белой

¹⁶ «Саратовский помещик Н. И. Аничков Был адъютантом у генерала Глазенапп и после его смерти женился на его вдове» (примечание А. Н. Минха).

¹⁷ «Матвей Львович Кожевников был до этого атаманом Уральского казачьего войска; это человек умный, острый, горячий, вспыльчивый и вместе с тем справедливый и ненавидевший взяточников, но, будучи не женат, он любит кутить и, часто даже в обществе сильно напивается. Николай Александрович Карцев – двоюродный брат моей тетки Н. В. Бланк, урожденной Карцевой, человек очень богатый, хлебосол, и по субботам у него вечера, на которых часто танцуют, и у него, вдового, одна только дочь – Анна Николаевна, очень молоденькая девушка» примечание А. Н. Минха).

перчатки – Аничков, здешний аристократ и помещик 2000 перезаложенных душ; затем сильно подкутивший гусарский майор Солонина, служащий теперь в саратовской провиантской комиссии, – толстяк с громадными усами, обстриженный под гребенку и с багровым лицом». Говоря о том, что кавалеры на маскарадах редко маскируются, А. Н. Минх сообщает подробности о дамских масках: «коленкоровое домино или большой платок, подвязанный в виде домино, или что-то такое из какой-то материи в виде домино, обшито старым галуном и бахромой; под масками толпа особ женского пола, которые в другое время никак не показались бы в приличном обществе». Балы и вечера давали «Карпов, Граббе, Аничков и др».

«Зимой посещают Саратов часто разные артисты, известных в Европе; так, здесь давали концерты Ниссон-Саломон, братья Венявские, Дулькины, Сеймур-Шиф, Крозе и др. В Саратове есть и свои таланты, хотя посредственные: Грузинцева, Быкова, Мачинская и др. певицы. Любителей музыки много: у Цеклинских – каждую неделю музыкальные вечера, на которые собираются лучшие музыканты и любители.

Актеры здешнего театра сносны и могут играть комедии и водевили, но трагиков нет, зато есть танцовщицы – сестры Россети; содержатель труппы Залесский уезжает с ними на лето в Астрахань, возвращаясь только к зиме. Хороших декораций и костюмов совершенно нет. Театр посещает много публики, в том числе губернская аристократия: Аничковы имеют даже абонируемую ложу.

Саратовское общество делится на три круга: аристократический, средний и демократический; круги эти в свою очередь делятся на партии, враждующие между собой. Из лучших домов здесь: Карцевы, Аничковы, Граббе, Кобылины, В. А. Мауриной, Е. А. Ивановой, Постуновы, Македонские, Юрасовы (председатель уголовной палаты), Горбуновы, Скибиневские, А. М. Родионовой, П. В. Городецкий (дочь его Нина Петровна молодая жена полковника Гудчайльд) и др.

Сплетни в городе в большом ходу: есть здесь особенный класс приживалок и побирушек, которые вхожи во многие дома, они ходят по городу, узнают новости, сплетничают и, приправив своими выдумками, несут своим патронам; побирушку встречает обыкновенно вопрос: «Что нового, Лукинична или Ольга Егоровна?» Обыкновенный ответ: «Ничего-с, матушка», обещает мало хорошего, но вслед за тем расплетается понемногу огромный запас новостей и сплетен».

В шестой главе рукописей А. Н. Минха «Позднейшие примечания» содержатся краткие биографические данные: в Саратове он прожил «с 1852 года около двух лет», служил в канцелярии губернатора, правителем канцелярии в ту пору был А. В. Симановский. В 1854 году уехал в Московский драгунский полк, участвовал в Крымской войне. Указано, что его

«Военные записки. 1854–1861» переданы им академику–историку генералу Н. Ф. Дубровину.

Такова уникальная по своему содержанию рукопись А. Н. Минха, посвященная Саратову 1853 года, – ценнейший документ, который, несомненно привлечет внимание исследователей-краеведов.

Д. Ю. Мурашов

ДВОРЯНИН В. Г. ЯШИН И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

В Государственном архиве Пензенской области в фонде Пензенской учёной архивной комиссии, образованной в 1901 г. для изучения прошлого местного края¹, находится интересная коллекция документов связанных с восстанием декабристов². Создателем коллекции является дворянин Василий Григорьевич Яшин. В пензенском краеведении он и его коллекция ещё не были предметом специального изучения. Ввиду этого настоящую работу можно рассматривать как первую публикацию на данную тему.

К сожалению, первую биографию В. Г. Яшина на основе документов Пензенского архива восстановить не удалось. Поэтому многое в его биографии остаётся неизвестным или является спорным.

Загадки начинаются с самых первых страниц биографии В. Г. Яшина, так как точной даты и места его рождения установить не удалось. Однако в «Деле по прошению его сына Александра Васильевича и детей его Александра и Ольги Яшиных о внесении их в дворянскую родословную книгу» Пензенской губернии³ имеются сведения, которые позволяют хотя бы частично ответить на этот вопрос. Так, в одном из документов сообщается, что в 1832 году В. Г. Яшину было 37 лет, а в 1807 году он впервые поступил на государственную службу копиистом в Елабужский уездный суд Вятской губернии. Там же говорится о том, что В. Г. Яшин был выходцем «из приказного звания». Всё это позволяет утверждать (правда, с некоторой осторожностью), что В. Г. Яшин родился около 1795 года в семье канцелярского служащего Елабужского уезда Вятской губернии.

В 1814 году В. Г. Яшин служил в Вятском губернском управлении и был коллежским регистратором. Спустя три года, в 1817 году, он был уже про-

¹ См.: Мануйлова Е. В. Из истории Пензенской ученой архивной комиссии // Из истории области: очерки краеведов. Пенза, 1992. Вып. 3. С. 4–5.

² Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 132, оп. 1, д. 210.

³ Биография В. Г. Яшина излагается по материалам: ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 3810, л. 3–6.

токолистом в Уржумской дворянской опеке и имел чин губернского секретаря (по выслуге лет). В 1818 году В. Г. Яшин ушёл со службы по собственному прошению и переехал в г. Нолинск (Вятская губерния), где стал помощником винного надзирателя по питейной части. В 1821 году он жил уже в Пермской губернии, где служил дворянским заседателем в Осинском земском суде (т. е. к этому времени Яшин стал дворянином). В декабре 1825 года, когда на Сенатскую площадь в Петербурге вышли декабристы, В. Г. Яшин получил чин титулярного советника.

Спустя два года судьба забросила В. Г. Яшина в Сибирь, в г. Тобольск. Здесь он поступил на службу в канцелярию общего управления. И здесь же, судя по всему, стал собирать и свою коллекцию документов. Во всяком случае для этого утверждения имеются несколько причин.

Во-первых, тобольский губернатор Д. Н. Бантыш-Каменский, историк и автор «Словаря достопамятных людей земли русской» был по своим политическим взглядам и родственным связям близок к декабристам. Об этом, например, сообщает в своих записках декабрист Н. Лорер: «... в 12 часов дня подъехали прямо к губернаторскому дому и вошли в залу, гремя нашими цепями по паркету, — пишет он. Из дверей выглядывал женский пол и дивился на нас, как на зверей, потому что нам не велели снимать шуб наших. Скоро вышел принять нас губернатор Бантыш-Каменский, автор истории Малороссии, и сказал печальным, грустным голосом, как будто сожалая, что так мало может облегчить нашу судьбу: «Господа! Я имею право остановить вас на сутки. Вам приготовлена квартира в доме полицмейстера, вы отдохнёте. Да, не знаете ли господа, когда привезут князя Барятинского, который приходится братом моей жены?» Мы отозвались неведеньем и поспешили воспользоваться радушным приёмом, нам оказанным»⁴. Другой декабрист, Н. В. Басаргин, сообщает в своих записках, что Д. Н. Бантыш-Каменский был родственником декабриста М. А. Фонвизина⁵. Декабристов, пребывавших в Тобольск, Д. Н. Бантыш-Каменский встречал любезно и по-дружески (об этом можно судить по приведённому отрывку из воспоминаний Н. Лорера), а своему знакомому М. И. Муравьёву-Апостолу он подарил парку, самоседский костюм, чтобы тот не замёрз в Сибири⁶.

В. Г. Яшин как опытный и деятельный чиновник пользовался особым доверием губернатора. Д. Н. Бантыш-Каменский поручал ему трудные и очень важные дела. Так, в 1828 году В. Г. Яшин перерасследовал по распо-

⁴ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 124.

⁵ См.: Басаргин Н. В. Записки // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 63.

⁶ См.: Муравьёв-Апостол М. И. В Сибирь // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 211.

ряжению губернатора дело тюменского мещанина И. Высоковского, осуждённого за убийство крестьянина Бородина. В. Г. Яшин установил, что следствие было проведено предвзято, и поэтому Высоковский был осуждён несправедливо. В результате яшинского перерасследования дело Высоковского было пересмотрено, а сам он, признанный невиновным, был возвращён с каторжных работ. Несомненно, Д. Н. Бантыш-Каменский знал о декабристах, прибывавших в Тобольск (да и не только о них) значительно больше, чем В. Г. Яшин. Если предположить, что Д. Н. Бантыш-Каменский и В. Г. Яшин были не только в служебных, но и в дружеских отношениях (а такое вполне вероятно, так как Бантыш-Каменский был старше Яшина всего на 7 лет), то тогда между ними вполне мог состояться откровенный нестеснённый никакими обстоятельствами разговор о восстании декабристов. Безусловно, этот разговор (если он был) не оставил бы Яшина равнодушным и способствовал бы его интересу к восстанию декабристов. Да и в другом случае, если отношения Д. Н. Бантыш-Каменского и В. Г. Яшина не выходили за рамки служебных, колоритная личность губернатора, связанного с декабристами, не могла не вызвать у его подчинённого определённого интереса к дворянским революционерам.

Во-вторых, интерес к движению декабристов, а следовательно, и желание собирать то, что связано с ними, мог возникнуть у В. Г. Яшина и как результат его собственных наблюдений за декабристами, следовавшими «во глубину сибирских руд», на каторгу, через Тобольск. Времени для этого у В. Г. Яшина было достаточно. М. И. Муравьев-Апостол сообщает в своих воспоминаниях, что он и его товарищи были в Тобольске «около трёх недель»⁷.

Где-то в начале 30-х годов В. Г. Яшин переезжает из Сибири на Украину и становится председателем уголовной палаты в Киеве. На этом биографические сведения о В. Г. Яшине обрываются и его дальнейшая судьба неизвестна.

Яшинская же коллекция поступила в Пензенскую учёную архивную комиссию летом 1914 года. Она была передана ей внуком В. Г. Яшина – Александром Александровичем. Он был потомственным пензенским дворянином и землевладельцем Керенского уезда. В 1902 году А. А. Яшин был депутатом дворянства по Керенскому уезду, а в 1903 году – его земским начальником⁸. В 1910 году журнал «Вестник Пензенского земства» ставил в пример «пожарный обоз и команду» А. А. Яшина, которые он имел в Керенском уезде⁹.

Коллекция В. Г. Яшина состоит из двенадцати документов. Они находятся в общем переплёте под одной картонной обложкой. На её лицевой

⁷ Муравьев-Апостол М. И. Указ. соч. С. 201.

⁸ ГАПО, ф. 196, оп. 1, д. 2598, л. 1, 5.

⁹ См.: Вестник Пензенского земства. 1910. № 3. С. 72.

стороне, в центре, расположен прямоугольник, сделанный из кожи, внутри которого золотыми тиснёными буквами выполнена надпись: «Дополнение к возмущению в России 14 декабря 1825 года». По технике изготовления документы, входящие в коллекцию, разделяются на две группы – рукописные и выполненные типографским способом.

Коллекция открывается собственноручной записью А. А. Яшина (она выполнена чернилами чёрного цвета) «Из архива деда моего Василия Гавриловича (здесь ошибка, надо было Григорьевича. – Д. М.) Яшина, бывшего в 30-х годах прошлого столетия председателем уголовной палаты в Киеве. 1914 г., июль¹⁰». Эта запись позволяет определить имя и фамилию создателя коллекции, а также дату её поступления в Пензенскую ученую архивную комиссию.

Рукописная часть коллекции В. Г. Яшина состоит из семи документов. Все они выполнены ровным канцелярским почерком на плотных белых листах бумаги формата А3 без гербового обозначения и филиграни с использованием чернил коричневого цвета. Все рукописные документы являются копиями.

В рукописную часть коллекции входят: 1) Манифест Николая I от 20 декабря 1825 года; 2) Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года, составленное генерал-адъютантом А. Н. Потаповым; 3) письмо Николая I к графу М. А. Милорадовичу, написанное вечером 14 декабря 1825 года; 4) приказ начальника Главного штаба барона И. И. Дибича от 8 января 1826 года с сообщением о восстании Черниговского полка; 5) рапорт командира 3 пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота командиру 4 пехотного корпуса генерал-адъютанту князю А. Г. Щербакову от 3 января 1826 года; 6) приказ начальника Главного штаба барона И. И. Дибича от 9 января 1826 года; 7) рапорт командира 3 пехотного корпуса генерал-лейтенанта Л. О. Рота командующему 1 армии генералу от инфантерии графу Ф. В. Остен-Сакену. Документы 5, 6, 7, как и документ 4, посвящены восстанию Черниговского полка.

На некоторых документах коллекции имеются карандашные пометки. Возможно, они были сделаны В. Г. Яшиным при чтении. В частности, в манифесте Николая I от 20 декабря 1825 года, содержащем правительственную оценку восстания декабристов, по горячим следам, имеются две карандашные пометки.

Как известно, в своём Манифесте Николай I разделил участвовавших в восстании на Сенатской площади на 2 категории: «злоумышленников» и «заблудших». «Заблудшие» – это непричастные к заговору участники восстания, оставшиеся верными присяге, данной ими брату Николаю I Константину. «Злоумышленники» – это те, кто организовал восстание на Се-

¹⁰ ГАПО, ф. 132, оп. 1, д. 210, л. 1.

натской площади, кто решил уничтожить «престол и отечественные законы», «ввести безначалие».

Так вот, карандашом в тексте Манифеста подчеркнуты слова «ввести безначалие», рядом с ними поставлен знак вопроса и сделана запись: «выше говорится по первому обозрению обстоятельств»¹¹. Другими словами В. Г. Яшин (если читавшим был он) сомневался, что декабристы собирались «ввести безначалие» в стране и относил слова Манифеста к предвзятому расследованию обстоятельств восстания со стороны правительства.

В Манифесте речь шла и о том, что суд и наказание, вынесенное им, очистят Святую Русь от «заразы», принесённой с Запада. Под «заразой» в Манифесте понималось декабристское движение. Говорилось в Манифесте и о том, что суд и приговор проведут «навсегда резкую и неизгладимую черту разделения между любовью к Отечеству и страстью к безначалию, между желанием лучшего и бешенством превращения». Последние слова «бешенством превращения» были подчеркнуты карандашом, и рядом с ними была сделана запись «непонятно»¹².

Карандашные пометки, сделанные в тексте Манифеста, позволяют предположить, что он попал в руки В. Г. Яшина значительно раньше, чем тот оказался в Тобольске и стал собирать свою коллекцию, так как вполне вероятно, что карандашные пометки отражают первоначальные размышления Яшина о восстании декабристов. Возможно, что карандашные пометки были выполнены другим лицом (например, сыном В. Г. Яшина Александром, о котором речь пойдёт ниже).

Из других документов, представленных в коллекции, следует отметить «Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года, составленное генерал-адъютантом А. Н. Потаповым». Оно помечено 21 декабря 1825 года.

А. Н. Потапов был дежурным генералом Главного штаба и членом Следственного комитета по делу декабристов. В Следственный комитет он был введён именным указом Николая I на имя военного министра А. И. Татищева 26 декабря 1825 года. В тот же день А. Н. Потапов появился и в следственном комитете. Однако в журналах Следственного комитета составленное им описание событий 14 декабря 1825 года не значит. Да и составлено это описание было раньше, чем А. Н. Потапов вошёл в Следственный комитет. Поэтому, вполне вероятно, что рассказ о событиях на Сенатской площади был составлен А. Н. Потаповым для Николая I.

В описании восстания декабристов, составленном А. Н. Потаповым, так же имеется карандашная пометка. Читавший этот документ подчеркнул слова, что «чернь, подкупаемая деньгами и подносимым вином, начинала

¹¹ ГАПО, ф. 132, оп. 1, д. 210, л. 2.

¹² Там же, л. 3.

более и более приставать к бунтовщикам». Рядом с этими словами сделана запись: «этого, в позднейших сведениях по сему делу нигде не видно»¹³.

И третий документ, на который стоит обратить внимание – это письмо Николая I петербургскому генерал-губернатору М. А. Милорадовичу, написанное вечером 14 декабря. В это время М. А. Милорадович, раненый декабристом П. Г. Каховским, находился при смерти. «Мой друг, мой любезный Михайло Андреевич! – Пишет Николай I. – Да вознаградит тебя Бог за всё, что ты для меня сделал. Уповай на Бога, как и я на Него уповаю. Он не лишит меня Друга. Если б я мог следовать сердцу, я при тебе уже был (в это время Николай I был уже занят расследованием восстания декабристов. – Д. М.), но долг мой меня здесь (в Зимнем дворце. – Д. М.) удерживает. Мне тяжёл сегодняшний день. Но я имею утешение ни с чем не сравнимое, ибо видел в тебе и во всём народе Детей. Да даст мне Бог Всемогущий силы, им за то воздаст, вся жизнь моя на то посвятится. Твой друг истинный Николай»¹⁴. Письмо Николая I, написанное к М. А. Милорадовичу, было призвано поддержать умиравшего генерал-губернатора в последние минуты его жизни.

Вторая часть коллекции В. Г. Яшина представлена документами, выполненными типографским способом. Она состоит из пяти официальных бумаг. Это: 1) Манифест Николая I от 13 июля 1826 года о завершении дела декабристов и вынесении им приговора; 2) Всеподданейший доклад Верховного Уголовного суда императору Николаю I от 8 июля 1826 года; 3) Роспись государственным преступникам приговором Верховного Уголовного суда, осуждаемым к разным казням и наказаниям; 4) Указ Николая I Верховному Уголовному суду от 10 июля 1826 года; 5) выписка из 21 протокола вечернего заседания Верховного Уголовного суда о замене П. Пестелю, К. Рылееву, П. Каховскому, С. Муравьёву-Апостолу и М. Бестужеву-Рюмину смертной казни четвертованием смертной казнию через повешение. Все вышеназванные документы были опубликованы в XVII томе «Восстания декабристов»¹⁵.

Вне рамок коллекции, если учитывать принцип её формирования, находится рукописная копия стихотворения князя И. П. Шаликова, поэта сентиментального направления первой половины XIX века. Стихотворение имеет заглавие «На 1827 год». Однако из-за неразборчивого почерка прочитать стихотворение не представляется возможным.

На страницах яшинской коллекции присутствуют ещё два интересных документа. Это отрывок из воспоминаний племянницы декабриста Н. Лорера А. О. Смирновой-Россет и отрывок из сочинения русского ис-

¹³ ГАПО, ф. 132, оп. 1, д. 210, л. 7.

¹⁴ Там же, д. 210, л. 13.

¹⁵ См.: Восстание декабристов. М., 1980. Т. XVII.

торика В. И. Семевского «Очерки из истории крестьянского вопроса из первой половины XIX века». Оба отрывка являются рукописными и выполнены чернилами чёрного цвета на свободном пространстве рукописной части коллекции В. Г. Яшина. Судя по почерку, оба отрывка принадлежат одному человеку. И вероятнее всего таким человеком является сын В. Г. Яшина Александр. Для этого утверждения имеются следующие причины.

Во-первых, коллекция В. Г. Яшина была семейной реликвией. Она передавалась из одного поколения Яшиных в другое. Только так можно объяснить то, что коллекция оказалась у А. А. Яшина. Поэтому вторым обладателем коллекции следует признать А. В. Яшина – сына Василия Григорьевича и отца Александра Александровича Яшиных.

Во-вторых, А. В. Яшин в 40-х годах XIX века входил в состав комитета для рассмотрения и составления инвентарей помещичьих имений в Волынской губернии. Он занимал в нём должность помощника правителя дел¹⁶. Значит, крестьянский вопрос не был для А. В. Яшина посторонним. А отрывок из сочинения В. И. Семевского как раз и посвящён сравнительно-сопоставительной характеристике крестьянского вопроса в декабристской организации «Союз Благоденствия» и немецкого общества «Тугендбунд». В частности, А. В. Яшиным была сделана выписка из той части работы Семевского, где говорилось, что дворянам, вступавшим в Союз Благоденствия, рекомендовалось человеческое отношение к своим крепостным, а тем, кто вступал в Тугендбунд, необходимо было освободить своих крестьян «не позже конца того же хозяйственного года»¹⁷.

И в-третьих, названная работа В. И. Семевского была опубликована в журнале «Русская старина» за 1887 год (из этого журнала и сделана выписка). В. Г. Яшину было бы тогда 92 года. Вряд ли он дожил бы до этих лет.

Таким образом, декабристская коллекция В. Г. Яшина, представленная в основном документами официального характера, была дополнена А. В. Яшиным отрывками из воспоминаний А. О. Смирновой-Россет и работой В. И. Семевского «Очерки из истории крестьянского вопроса из первой половины XIX века».

В заключение следует сказать, что безусловно биография В. Г. Яшина, как и история его коллекции, ещё требуют своего дальнейшего изучения.

¹⁶ ГАПО, ф. 196, оп. 2, д. 3810, л. 7–9.

¹⁷ Семевский В. И. Очерки из истории крестьянского вопроса из первой половины XIX века // Русская старина. 1887. № 11. С. 396–397.

Однако очевидно одно: каким бы ни был его результат, яшинская коллекция вошла в историю декабристского движения как один из примечательных откликов на него.

С. В. Зубов

САРАТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ М. Н. ГАЛКИНА-ВРАСКОГО

Саратовский университет был открыт в 1909 году, но предшествующая этому событию борьба между многими городами России за право учреждения у себя университета была довольно напряженной. Как известно, еще в 1906 году кроме Саратова на университет претендовали 9 городов: Минск, Витебск, Воронеж, Смоленск, Ярославль, Нижний Новгород, Самара, Царицын и Астрахань. В этой борьбе в поддержку Саратова выступили многие общественно-политические деятели и влиятельные чиновники, в ряду которых был бывший Саратовский губернатор, Почетный гражданин города Саратова, член Государственного Совета М. Н. Галкин-Враской.

Михаил Николаевич Галкин-Враской (1834–1916) происходил из дворян Казанской губернии Галкиных по отцу и Враских со стороны матери¹. В 1954 г. Галкин-Враской окончил юридический факультет Казанского университета и начал государственную службу в управлении Оренбургского генерал-губернатора. В 1868–1870 гг. – Эстляндский губернатор, в 1870–1879 гг. – губернатор Саратова. В 1879–1896 гг. – начальник Главного тюремного управления Российской империи; 1896–1916 гг. – член Государственного Совета, статс-секретарь.

Когда в 1906 году городом Саратовом было возбуждено ходатайство об открытии университета и городская депутация была в декабре того же года в Петербурге, где этот вопрос обсуждался в правительственных верхах, то в ряду многочисленных встреч с различными чиновниками, представители Саратова не обошли и М. Н. Галкина-Враского. В ходе беседы Галкин-Враской, по-видимому, обещал свое содействие и поддержку саратовцам. Как сообщает в своих воспоминаниях гласный Саратовской городской Думы М. Ф. Волков, городской голова Саратова В. А. Коробков «... обратил

¹ По ходатайству матери и с разрешения императора Александра II двойную фамилию носил с 24 декабря 1870 года. Встречающиеся разночтения в написании этой фамилии заставляют оговориться, что с 1870 г. до конца 1880-х годов собственноручная подпись его была с одной буквой «с» во второй части фамилии и окончанием ее на «ий», а с начала 1890-х годов и до смерти она оставалась неизменной, как «Галкий-Враской».

ся с просьбой о поддержке ходатайства города к членам Государственного Совета, бывшим губернаторам М. Н. Галкину-Враскому и А. И. Косичу... Когда он (М. Н. Галкин-Враской. – С. 3.) получил телеграмму от городского головы Коробкова с просьбой о содействии относительно университета, он по телеграфу же запросил подробные сведения и материалы, а также историю прежних ходатайств. Все это ему и в копиях А. Косичу, выслано². Газета «Саратовский дневник» от 21 декабря 1906 года писала: «Городская управа получила телеграмму от М. Н. Галкина-Враского с просьбой прислать ему скорей, во всяком случае до воскресенья 24 декабря постановления Саратовской Думы об университете. М. Н. Галкин-Враской как Почетный гражданин г. Саратова обещает со своей стороны оказать поддержку своим согражданам. В тот же день управа послала по телеграфу все необходимые сообщения»³. На основе присланных тогда из Саратова материалов Галкиным-Враским в 20-х числах декабря 1906 года было написано письмо товарищу министра народного просвещения Осипу Петровичу Герасимову, в котором он ходатайствовал об открытии университета в Саратове. Письмо это, к сожалению, пока еще не найдено, но сделать вывод о его существовании позволяет документ, обнаруженный в личном фонде М. Н. Галкина-Враского в Саратовском областном архиве. Этот документ озаглавлен: «К письму М. Н. Галкина-Враского»⁴. Рядом с заглавием сверху на первой странице рукой Галкина-Враского сделана приписка: «Об университете в Саратове. Сообщено мной в дополнение к личному объяснению, тов. Мр. Н. Пров. О. П. Герасимову 28 дек. 1906 г.»⁵. Авторство написанного принадлежит, несомненно, Галкину-Враскому, о чем можно судить по форме обращения от первого лица, например: «По имеющимся у меня сведениям, П. В. Никольский нашел предлагаемые городом (Саратовом. – С. 3.) к отводу под университетские помещения городские здания вполне пригодными»⁶. И еще: «Сверх того наблюдательный комитет и правление Саратовского общества взаимного от огня страхования уведомило меня телеграммой от 22 декабря (1906 года – С. 3.), что присоединяясь к ходатайству городской Думы об открытии в Саратове университета, по вопросу о материальной помощи со стороны общества созывает экстренное собрание страхователей»⁷.

Научная ценность публикуемого документа заключается в том, что на его основании может быть сделано более многогранное представление об

² Волков М. В. История учреждения Саратовского университета и Саратовская городская Дума 1906–1909 гг. Воспоминания. Т.1, л. 80, 82. // Саратовский областной музей краеведения. Фонд П. А. Козлова–Свободина. № 27745.

³ Саратовский дневник. 1906. 21 дек. № 213.

⁴ Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО), ф. 1221, оп. 1, д. 95, л. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 2.

⁷ Там же, л. 2 об.

общественно-политической деятельности М. Н. Галкина-Враского, далеко выходящее за рамки установившегося за ним клише «тюремщика-реакционера». Исследовательский интерес эта находка вызывает еще и потому, что аргументы, выдвинутые Галкиным-Враским в пользу Саратова, (например, значительная удаленность от ближайших университетских городов), по всей видимости были положены О. П. Герасимовым в основу его схемы распространения университетов в России, которая, в свою очередь, сыграла не последнюю роль в окончательном решении правительства открыть университет именно в Саратове. Как свидетельствует воронежский врач Н. Н. Вырубов, принимавший участие в депутации, ходатайствовавшей за учреждение университета в Воронеже, к началу 1907 года в министерстве народного просвещения все определеннее склонялись к Саратову. «Дело в том, – писал он, – что товарищем министра г. Герасимовым составлена особая «звезда» распространения в России университетов. Центр ее составляет Москва, а лучи расходятся к Петербургу, Варшаве, Одессе, Киеву, Харькову, Казани и Томску, наибольший сегмент между лучами обращен к юго-востоку. Если разделить этот сегмент на равные части, тогда этот промежуточный луч как раз должен попасть в Саратов. Это, собственно, и есть пресловутая «герасимовская звезда», с помощью которой бюрократическое министерство народного просвещения пытается решить вопрос о наилучшем распространении просвещения в России»⁸.

Публикуемый документ написан от руки черными чернилами на трех страницах большого формата неизвестной рукой и не имеет в заключении подписи М. Н. Галкина-Враского.

Приложение к письму члена Государственного Совета М. Н. Галкина-Враского к товарищу министра народного просвещения О. П. Герасимову о Саратовском университете

№ 266-bis	28 декабря 1906 г. С.-Петербург.
-----------	-------------------------------------

По возбужденному вопросу о перемещении Варшавского университета в один из русских городов и даже о возможности учреждения нового университета – имеются для сего, как известно, в виду среди нескольких ходатайствующих городов, как Витебск, Ярославль, Смоленск, Нижний⁹ – два наиболее соперничающие Воронеж и Саратов.

Для ознакомления на месте с условиями существования будущего университета, выяснения вопроса, в какой мере местные городские Думы и земские собрания желают учреждения у себя университета, при условии уделения из общественных средств, в течение 4-х лет, до 1000000 рублей, имеются ли достаточные для университета и его учреждений помещения и в какой мере могут быть пригодны местные больницы для

⁸ Цит. по: *Карпачев М. Д.* Воронежский университет: Начало пути. Воронеж, 1998. С. 25.

⁹ Как указывалось в предисловии, на университет претендовали 10 городов.

клинических целей, – был командирован в Саратов профессор П. В. Никольский, который, надо думать, достаточно ознакомился со всеми благоприятствующими делу условиями гор. Саратова. По имеющимся у меня сведениям, П. В. Никольский нашел предлагаемые городом к отводу под университетские помещения городские здания вполне пригодными. Вспомогательные учреждения для медицинского факультета: четыре больницы, общие и специальные, отлично обставленный анатомический театр и предоставление права пользования Александровской земской больницей для целей преподавания, должны были быть признаны, в свою очередь, вполне удовлетворяющими назначению.

Саратовская городская Дума постановила предоставить безвозмездно все необходимые для университета помещения и городские лечебные заведения и в своем заседании 19 декабря, по докладу бывшей в Петербурге городской Депутации, ходатайствовавшей об открытии университета единогласно постановила: в случае открытия университета в Саратове, ассигновать на постройку и оборудование его один миллион рублей (подчеркнуто М. Н. Галкиным-Враским. – С. 3.), укладывая в 4 года, с 1917 г., по 250000 р. в год.

Со своей стороны губернское земство выразило согласие отвести университету для построек целый квартал, а для приспособления зданий для целей университета ассигновало 100000 рублей. Сверх того наблюдательный Комитет и Правление Саратовского Общества взаимного от огня страхования уведомило меня телеграммой от 22 декабря, что присоединяясь к ходатайству городской Думы об открытии в Саратове университета, по вопросу о материальной помощи со стороны общества созывает экстренное собрание страхователей.

Кроме Саратова возбудили ходатайство об основании университета упомянутые 5 городов и соглашаются на материальную помощь, приблизительно в тех же размерах, как и Саратов. Но приводимые ниже основания должны, казалось бы, дать преимущество в учреждении университета именно в городе Саратове, а не в другом каком-либо городе¹⁰.

1. Саратов самый крупный из перечисленных городов. Число жителей в нем, по последним официальным данным, доходит до 207000 [человек]. Между тем, как другие города не достигают и половины числа населения Саратова. Население Саратова непрерывно возрастает. Значительная часть этого прироста обязана приливу населения из соседних губерний, что указывает на естественное тяготение населения соседних губерний к Саратову, как к центру. Последнее понятно, если припомнить, что Саратов – самая крупная волжская пристань, крупный узловой торговый пункт для востока России и Средней Азии. Саратов же является и крупным обрабатывающим пунктом для продуктов, привозимых указанным районом, на что указывает значительное развитие мукомольного, маслобойного, кожевенного и т.п. предприятий. Развиваются и иные отрасли машинного производства – железа, ваты, цемента, стекла и т. д.

2. Саратов в деле постановки первоначального образования занимает одно из первых мест, ежегодно (подчеркнуто Галкиным-Враским. – С. 3.) открывая новые начальные школы в таком размере, чтобы не было отказа в приеме детей, так что,

¹⁰ Нижеследующие аргументы М. Н. Галкина-Враского в пользу Саратова были взяты им из докладной записки гласного Саратовской городской Думы М. Ф. Волкова, но значительно дополнены собственными суждениями и доводами. (см.: Волков М. Ф. Указ. соч. С. 58–59.).

Саратов едва ли не прежде многих других городов приблизился к решению вопроса о всеобщем общедоступном обучении. Он имеет в городских школах 174 отделения, в которых обучаются свыше 7000 школьников. Бюджет по народному образованию Саратовской городской Думы превышает 400 000 рублей. Город имеет ремесленное училище¹¹ – первое в России по количеству в нем обучающихся до 500 учеников и по расходам на содержание его – свыше 85000 р. В Саратове имеются 15 мужских и женских средних учебных заведений, содержащихся за счет правительства и частных лиц. В них обучается свыше 7000 учеников и ежегодно кончают в них курс более 500 молодых людей. Кроме того, в уездах губернии имеются до 15 средних учебных заведений мужских и женских. В Саратове же имеется музыкальное училище, преобразованное из музыкальных классов¹² и достигшее в течение 30 лет от числа десяти в начале учащихся до 600 и составляющее одно из лучших музыкальных училищ нашего Императорского русского музыкального общества. Имеются также художественный музей с рисовальной школой¹³, в свою очередь привлекающей в Саратов ищущих просвещения.

Таким образом, Саратов, удовлетворяя в значительной степени нуждам первоначального и среднего образования имеет, конечно, преимущественное перед другими городами право на основание в нем университета.

Наконец, обращает на себя внимание и то, что Саратов слишком далеко отстоит от ближайших университетских городов. Москва – 800 верст, Киев – 1400 верст, Харьков – 1200 верст, Казань тоже более 100 верст. Находясь в середине Поволжья и благодаря Волге и железным дорогам, прорезывающим губернию, привлекает к себе ряд губерний: Саратовскую, Самарскую с Уральской областью и Оренбургским краем, часть Симбирской, Пензенскую, Тамбовскую, Астраханскую и даже часть Донской области (Волго-Донская железная дорога) с их многомиллионным населением и многочисленными средними учебными заведениями, в которых кончают курс свыше 2000 учеников и учениц, так что и в этом отношении ни один из домогающихся университета городов не может сравниться с Саратовом¹⁴.

¹¹ Александровское ремесленное училище. Открыто в Саратове в 1871 г.

¹² Музыкальные классы в Саратове были открыты в 1873 г. по инициативе М. Н. Галкина-Враского, музыкальное училище в 1895 г. – также при его содействии: с 1880 г. он был членом Императорского русского музыкального общества и в 1893 г. ходатайствовал перед правительством об учреждении музыкального училища в Саратове.

¹³ Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева. Открыт в 1885 г. В 1880 г. М. Н. Галкин-Враский по просьбе А. П. Боголюбова, с которым он был дружен, входил в сношения с Саратовским городским управлением по вопросу строительства здания музея. После открытия музея неоднократно дарил ему ценные коллекции картин и других художественных ценностей (см.: *Воднос Е. И.* К истории комплектования коллекции живописи в Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева (1885–1985) // Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева: Материалы и сообщения. Саратов, 1993. Вып. 6. С. 10–11, 17).

¹⁴ ГАСО, ф. 1221, оп. 1, д. 95, л. 2–3.

«В ПАМЯТЬ ДРУЖБЫ ДВУХ ВЕЛИКИХ ПОЭТОВ»

Многие из саратовцев, проходя по Советской (бывшей Константиновской) улице, видят дом № 30, на фасаде которого в нишах установлены бюсты А. С. Пушкина и польского поэта Адама Мицкевича. История этого здания давно обросла легендами в том числе и из уст старожилов. Досадно мало сохранилось подлинных свидетельств о его постройке. Как же появился в Саратове дом с изображением двух великих певцов свободы и человеческого братства?

Пушкин после отъезда Мицкевича из России писал:

*Он между нами жил
Средь племени ему чужого; злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта...*

Мысль о создании дома с подобной символикой принадлежала Александру Николаевичу Вольскому, поляку по национальности, крупному судебскому чиновнику. Он родился 26 февраля 1859 года и с тридцати лет служил по ведомству министерства юстиции¹. А. Н. Вольский успешно продвигался по службе. В 1905 году он начал строительство своего дома. Именно к этому временному периоду относится его стремление стать членом Саратовской судебной палаты по второму гражданскому департаменту.

Можно предположить, что, будучи в Варшаве, А. Н. Вольский на Иерусалимских аллеях был поражен красивым особняком русского купца Всеволода Истомина, построенным в 1887 году по проекту знаменитого польского архитектора Адольфа Волинского (1821–1895). Это была главная контора В. Истомина и, судя по всему, одна из последних работ зодчего в Варшаве. Дата постройки дома не случайно была приурочена к 50-летию со дня смерти русского поэта. На фасаде этого здания были установлены бюсты А. Мицкевича и А. С. Пушкина замечательной работы скульптора Анжея Прушинского (1836–1895). Им же была выполнена надпись, помещенная ниже бюстов: «В память дружбы двух великих поэтов»². В начале века А. Н. Вольский задумал осуществить свою мечту – построить в Саратове дом,

¹ Перечневая ведомость лиц, состоящих на службе в ведомстве Саратовской Судебной Палаты на 1 января 1916 г. (см.: ГАСО, ф. 7, оп. 3, д. 411, л. 6)

² Информация о доме В. Истомина предоставлена «Клубом друзей Варшавы» (Польша).

во многом аналогичный варшавскому, который олицетворял бы духовную связь русского и польского народов.

Позднее в Варшаве А. Н. Вольский разыскал проект дома Истомина и заказал копии бюстов Пушкина и Мицкевича. Строительство своего особняка в Саратове он доверил городскому архитектору, инженеру Александру Николаевичу Клементьеву³. Губернское правление поначалу установку бюстов не разрешило. Вольский настойчиво писал прошения на имя губернатора. Постройка здания между тем продолжалась. В 1906 году саратовский губернатор П. А. Столыпин, запрещающий устанавливать бюсты, был переведен по службе в Петербург, а новый губернатор С. С. Татищев не усмотрел в них крамолы. Свой замысел А. Н. Вольский начал претворять в год 50-летия смерти А. Мицкевича. В 1908 г. Саратов украсился прекрасным двухэтажным особняком и получил великолепные памятники искусства – бюсты польского и русского поэтов.

Обособняк состоял из 17 комнат. Девять из них на втором этаже занимал А. Н. Вольский с женой, которая была моложе его на семь лет. Это были гостиная, зал, столовая, кабинет, три спальни, комнаты горничной и кухарки. Господские помещения в доме топились красивыми изразцовыми печами. Изразцы были заказаны Вольским в Витебске. Детей у супругов не было. Они приглашали гостей, устраивая музыкальные вечера. Восемь комнат первого этажа сдавали. Долгое время в них проживал инженер Давыдов. Большой двор рядом с домом был обнесен высокой кирпичной стеной. Там располагались каретник и конюшня, прачечная и сушильный сарай, сенник и дровяник. Это была целое подворье, которое полностью соответствовало тогдашним представлениям о благоустроенной городской усадьбе.

А. Н. Вольский прожил в собственном доме без малого десять лет. Столько же он пробыл членом Саратовской судебной палаты (был определен на должность 29 сентября 1908 г.), товарищем председателя Саратовского юридического общества. Вольский дослужился до действительного статского советника. В старых газетах имеется его интервью, данное в августе 1914 г. корреспонденту «Саратовского листка». Этот любопытный исторический и человеческий документ в какой-то мере характеризует так мало проясненную еще личность Вольского, круг его знакомых, поведение в экстремальной ситуации. Речь в интервью шла о возвращении Вольского в Саратов из поездки в Лозанну в связи с началом войны. Приведем значительную выдержку: «Всего того, что нам пришлось пережить и перечувствовать, я рассказывать не буду. Да, теперь, когда все это осталось в душе лишь как одно нехорошее воспоминание, когда находишься в России, в Саратове, вот здесь в своем доме, все эти неприятные вещи как-то забываются, отходят на задний план.

Я в Лозанне лечил глаза. Когда была объявлена война, лечение еще не было окончено, и я еще не снял повязки. Тем не менее мы решили ехать в Россию.

³ См.: Попов А. Улица Советская 30 // Заря молодежи. 1956. 18 нояб.

<...> У меня от Волжско-камского банка был аккредитив в 10 тысяч франков, из которых потом удалось получить 4 с половиной тысячи франков, а остальные не знаю, получу ли. Я встретил на площади Лозанны Ф. И. Родичева (юрист, депутат Гос. думы от партии кадетов. – А. Г.). Я не был с ним знаком, но видел его в Саратове, когда он приезжал сюда.

Мне предложил 1000 франков доктор... Из них 400 франков золотом. Он же снабдил нас (Вольского с женой. – А. Г.) массой рекомендательных писем. Из Лозанны мы выехали через Милан и Рим в Бриндизи. Несколько дней мы пробыли в Риме. Все итальянское общество симпатизирует России. В Риме я встретил Л. Л. Масленникову (известная в Саратове фамилия крупных домовладельцев. – А. Г.) Она жила в Италии с дочерью, обучавшейся пению. В Риме большую помощь всем русским оказал наш посланник Крупенский. Он занял четверть миллиона лир для помощи русским, выдавал пособия, нанял пароход до Одессы.

Из Рима мы поехали в Бриндизи. Мне удалось получить два последних билета на пароходе «Сардиния», идущем в Константинополь. В Бриндизи – грязном и отвратительном городке собралось русских с билетами 3-го класса до 600 человек. Трудно было достать место на пароходе. Командир «Сардинии» Pesceto Onogio оказался очень любезным и распорядительным капитаном. Он не делал различий между пассажирами 1- и 3-го классов. Погода стояла прекрасная. Мы ехали вокруг пустынных берегов Греции через Корфу и Пирей в Константинополь <...>⁴.

Дальнейшая судьба А. Н. Вольского остается неизвестной. Трудно предположить, что заставило его покинуть Саратов. Незадолго до февральской революции он продал свой любимый дом уже к тому времени знаменитому хирургу, профессору Саратовского университета по кафедре госпитальной хирургии Сергею Ивановичу Спасокукоцкому⁵. Новый владелец прожил в своем особняке до 1926 года, пока по настойчивому приглашению не переехал в Москву. Он перенес в этих стенах голод и разруху революционной эпохи, не переставая много работать. После декрета о национализации С. И. Спасокукоцкий решил сохранить дом для своих коллег и приложил немало усилий, чтобы в нем поселились ученые-медики. Старейший житель Саратова, заслуженный учитель Н. А. Загрекова (1900–1991) вспоминала: «Сергей Иванович сказал, что в недалеком будущем должны освободиться три комнаты в первом этаже в бывшем его доме, и пусть Яков Иванович <Калинников> (муж Н. А. Загрековой, и врач акушер-гинеколог, доцент, зав. родильным отделением горбольницы. – А. Г.) подаст заявление в жилищный сектор Саратовской секции научных работников о предоставлении ему с семьей этих комнат. Добрый совет Сергея Ивановича был принят, заявление в

⁴ Саратовский листок. 1914. № 188. 23 авг.

⁵ Подробно о его профессиональной деятельности см.: Спасокукоцкая М. Г. Жизнь и деятельность С. И. Спасокукоцкого 1870–1943. М., 1960.

секцию научных работников было подано, и с октября 1926 года мы всей семьей переехали на Советскую ул. <...> В двадцатых годах в доме 30 <...> жили на втором этаже профессор П. П. Заболотнов (ректор Саратовского университета в 1914–1917 гг. – А. Г.) с семьей, профессор Ф. Я. Китаев с семьей и ученики Сергея Ивановича – хирурги А. Н. Спиридонов (позднее – профессор – А. Г.) и Н. В. Герасимов (в будущем доцент, почетный гражданин г. Саратова – А. Г.). В первом этаже дома жили наша семья, учительница Скомская и ассистент Сергея Ивановича – Е. Л. Березов (впоследствии тоже профессор. – А. Г.)»⁶.

К сожалению, дом с бюстами поэтов в 1958 году был надстроен двумя этажами совершенно в другом стиле (тогда в советском домостроительстве существовала тенденция надстраивать крепкие здания из-за нехватки жилой площади). Варварски были разрушены изразцовые печи. Н. А. Загрекова самоотверженно защищала дом от надстройки, но ей удалось сохранить лишь фасад и спасти бюсты от полного разрушения. Во время возведения двух новых верхних этажей отбили «голову» Мицкевичу, раздробили «нос» Пушкину. Она бережно сохранила отколотые части скульптур. И после окончания надстройки бюсты поэтов были восстановлены. В 1980-х гг. фасад был покрашен в желтый цвет (изначально он сочетал цвет белого и терракот красного кирпичей). Особняк испытал всю тяжесть советского времени. Но эти стены продолжают хранить культурную память о саратовской интеллигенции. Дом, хотя и обезображенный надстройкой, и сейчас радует глаз строгостью пилястров и других архитектурных линий как памятник дружбе и смелости.

А что же варшавский его брат? Эта история тоже имеет продолжение. На обращение автора в Гостелерадио в 1987 году корреспондент в Польше Василий Лисовик ответил: «Дом, который заинтересовал нашего слушателя из Саратова, стоит в центре Варшавы, на одной из главных улиц... В годы мировой войны, когда Варшава практически была полностью уничтожена фашистами, это здание чудом сохранилось, хотя и несколько пострадало. Поэтому оно практически дошло до нас в таком виде, как было построено ровно сто лет тому назад. Сохранились и бюсты Пушкина и Мицкевича на его фасаде...»⁷.

Так по крупицам удалось восстановить историю дома-памятника двум великим поэтам⁸.

⁶ Загрекова Н. А. Воспоминания о С. И. Спасокукоцком (1974). Копия рукописи. Архив автора.

⁷ Лисовик В. К. Герасимов – А. Гапоненкову. 20 марта 1987 г. Архив автора. Последняя по времени публикация о саратовском доме содержит ряд неточностей: *Азед В.* Как Пушкин и Мицкевич встретились в Саратове // Саратовские вести. 1999. 5 марта. По поводу варшавского дома здесь сказано: «К сожалению, он был разрушен во время второй мировой войны».

⁸ Первую публикацию автора «Памятник дружбы и смелости» см.: Заря молодежи. 1983. 11 июня.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ардабачкий Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Булычев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Гапоненков Алексей Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы XX века филологического факультета Саратовского госуниверситета.

Гуменюк Алексей Александрович – аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Гундарова Юлия Александровна – аспирантка кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Данилов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Демченко Адольф Андреевич – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе педагогического института Саратовского госуниверситета.

Ерина Елизавета Моисеевна – директор Энгельсского филиала Государственного архива Саратовской области.

Жилкин Вячеслав Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории новейшего периода исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Захариков Андрей Петрович – научный сотрудник археологической лаборатории педагогического института Саратовского госуниверситета.

Зубов Сергей Васильевич – аспирант кафедры истории России исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Максимов Евгений Константинович – доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Малова Наталья Анатольевна – аспирантка кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Малышев Алексей Борисович – аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Мурашов Дмитрий Юрьевич – учитель средней школы г. Заречное Пензенской области.

Семенова Ирина Викторовна – старший научный сотрудник Энгельсского краеведческого музея.

Солопова Татьяна Алексеевна – архивист Государственного архива Саратовской области.

Хреков Анатолий Анатольевич – директор Балашовского центра детского туризма.

Шамгулова Светлана Арсеновна – студентка исторического факультета Саратовского госуниверситета.

Шумейко Наталья Михайловна – старший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения.

Юдин Александр Иванович – кандидат исторических наук, заместитель начальника управления по историко-культурному наследию при Министерстве культуры Саратовской области

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Валерии Григорьевиче Миронове	5
Список научных трудов В. Г. Миронова	11

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Миронов В. Г.</i> Редкий тип жилища эпохи бронзы в Саратовском Правобережье Волги	16
<i>Захариков А. П.</i> Новые памятники каменного века у села Непряхино	22
<i>Малов Н. М.</i> Золото и серебро в срубной культурно-исторической области	27
<i>Лопатин В. А., Шамгулина С. А.</i> Классификация форм керамических сосудов из Смеловского грунтового могильника	54
<i>Хреков А. В.</i> Городецкие поселения лесостепного Прихоперья	58
<i>Юдин А. И.</i> Алексеевское городище в Саратове: итоги и перспективы исследования	71

ИСТОРИЯ

<i>Малышев А. Б.</i> Несторианская церковь в Золотой Орде	84
<i>Ардабацкий Е. Н.</i> Введение Саратовского городского самоуправления по Городовому Положению 1870 года	93
<i>Булычев М. В.</i> Борьба за каспийские рыбные промыслы в первой половине XIX века	106
<i>Солопова Т. А.</i> Из истории Саратовского губернского Попечительного о тюрьмах комитета	118
<i>Ерина Е. М., Гундарова Ю. А.</i> Деятельность Новоузенского и Николаевского земств в годы первой мировой войны	134
<i>Шумейко Н. И.</i> Бескорыстный радатель культуры. Страницы биографии А. А. Тилло (1846–1918 гг.)	141
<i>Жилкин В. А.</i> Оформление губернской организации саратовских меньшевиков в 1917 году	154
<i>Данилов В. Н.</i> «Золотое десятилетие» саратовского исторического краеведения (1920-е годы)	162
<i>Гуменюк А. А.</i> Политические и социально-экономические аспекты перехода к нэпу в Саратовской губернии (1921–1923 гг.)	177
<i>Малова Н. А.</i> Основные миграционные процессы в 1920-е гг. в немецкой автономии на Волге	187
<i>Максимов Е. К.</i> «Враги народа» на музейном фронте	194

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Демченко А. А.</i> Из неизданных записок А. Н. Минха	204
<i>Мурашов Д. Ю.</i> Дворянин В. Г. Яшин и его коллекция (к постановке вопроса)	215
<i>Зубов С. В.</i> Саратов начала XX века глазами М. Н. Галкина-Враского	222
<i>Гапоненков А. А.</i> «В память дружбы двух поэтов»	227
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	231

СОДЕРЖАНИЕ

АВТОГРАФИИ

Научное издание

ПОВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Межвузовский сборник научных трудов

Основан в 1972 году

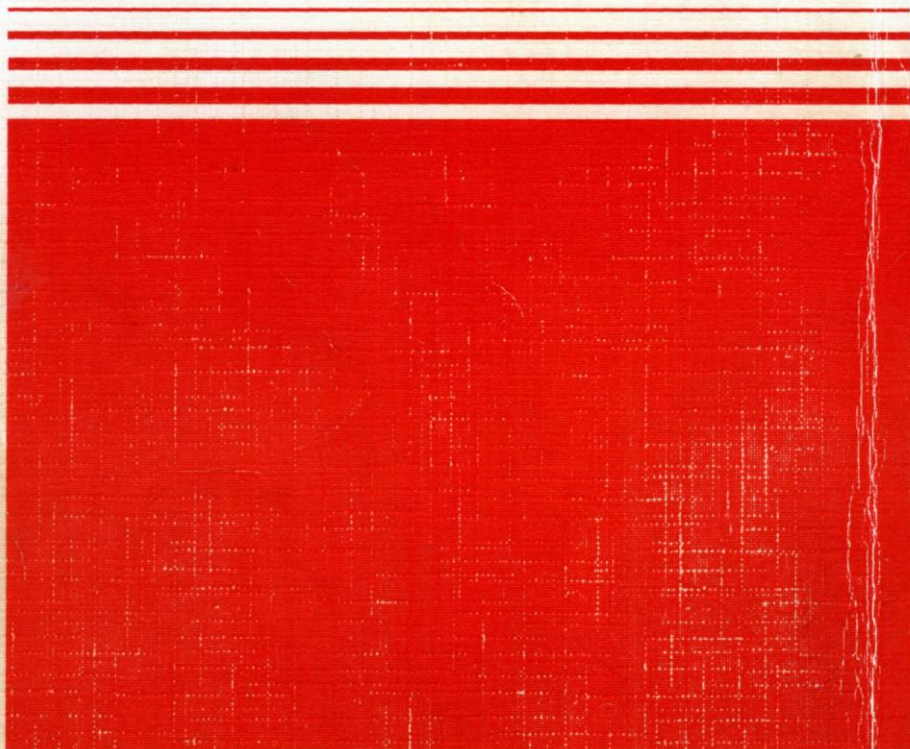
Выпуск 11

Проблемы истории и археологии
Саратовского Поволжья

Ответственный за выпуск *Д. Е. Лукогин*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Корректор *Ю. И. Астахова*
Оригинал-макет подготовил *И. В. Лычагин*

Изд. лиц. ЛР № 020305 от 19.02.1997. Подписано в печать 09.08.2000.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,72 (14,75). Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 300 экз.

Издательство Саратовского университета.
410601, Саратов, Университетская, 42.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 2000